

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

ЗНАМЯ КОНФРОНТАЦИИ

**ЗА ЧТО И ПОЧЕМУ РОССИЯ
ВОЮЕТ С ЗАПАДОМ?**

ЗНАМЯ КОНФРОНТАЦИИ

ЗА ЧТО И ПОЧЕМУ РОССИЯ ВОЮЕТ С ЗАПАДОМ?

АЛЕКСАНДР ГАБУЕВ, ЛЕВ ГУДКОВ, ВАСИЛИЙ ЖАРКОВ,
ИГОРЬ ЗЕВЕЛЕВ, ИВАН КРАСТЕВ, ИВАН КУРИЛЛА,
ТАТЬЯНА ПАРХАЛИНА, КИРИЛЛ РОГОВ, АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ КИРИЛЛА РОГОВА

«Либеральная миссия — Экспертиза». Выпуск 15

УДК 323/324(470+571):342(06)

ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4

З 72

З 72 Знамя конфронтации. За что и почему Россия воюет с Западом? / под ред. К. Рогова.
— Москва : Либеральная миссия, 2021. — 124 с.

ISBN 978-5-903135-80-6

Атмосфера противостояния с Западом стала привычным фоном российской жизни, задачам противостояния подчинены ориентиры не только внешней, но также внутренней и даже экономической политики. В эпоху классической холодной войны СССР претендовал на то, что представляет глобальную альтернативу социальным порядкам Запада. Но что лежит в основе конфликта Москвы с Западом сегодня? В настоящем обзоре предпринята попытка проанализировать основания этой конфронтации и фрейм новой «холодной войны» в нескольких перспективах: в перспективе традиционных внешнеполитических дискурсов Запада и России, укоренных в их историческом прошлом и тесно связанных с институциональной динамикой, в перспективе актуальных представлений элит на Западе и в России и выстраиваемых ими образах «Другого», в перспективе реальных общественных настроений, фиксируемых социологическими опросами, и, наконец, в контексте глобальных тенденций современного миропорядка и развернувшейся в нем конкуренции моделей капитализма.

УДК 323/324(470+571):342(06)

ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4

ISBN 978-5-903135-80-6

© Фонд «Либеральная Миссия», 2021

СЕРИЯ «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ — ЭКСПЕРТИЗА»

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В 2011–2013 ГГ. КРИЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА. [ВЫП. 1] / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2014.

СЕМЬ ТОЩИХ ЛЕТ: РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА НА ПОРОГЕ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА. [ВЫП. 2] / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ 2014–2016: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ АВТОРИТАРНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ. [ВЫП. 3] / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016.

СТРЕСС-ТЕСТ НА ПОЛРОССИИ. ТЕХНОЛОГИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ И ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ 2018 Г. ВЫП. 4 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2018.

КРЕПОСТЬ ВРАСТАЕТ В ЗЕМЛЮ. ГОД ПОСЛЕ ВЫБОРОВ: СТРАТЕГИИ, ВЫЗОВЫ, ТРЕНДЫ. ВЫП. 5 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ЦАРЬ ГОРЫ: НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ВЛАСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ВЫП. 6. / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ВСТРЕЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ. МОСКОВСКИЕ ПРОТЕСТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ — 2019. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД. ВЫП. 7 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КОНСТИТУЦИИ: ЧТО НУЖНО И ЧТО НЕ НУЖНО МЕНЯТЬ В РОССИЙСКОМ ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ. ВЫП. 8 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

КОРОНАКРИЗИС — 2020: ЧТО БУДЕТ И ЧТО ДЕЛАТЬ? СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ И МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. ВЫП. 9 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

НОВАЯ (НЕ)ЛЕГИТИМНОСТЬ. КАК ПРОХОДИЛО И ЧТО ПРИНЕСЛО РОССИИ ПЕРЕПИСЫВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ. ВЫП. 10 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

ГОД КОВИДА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ВЫЗОВЫ ДЕСЯТИЛЕТИЯ. ВЫП. 11 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

ЗАСТОЙ — 2: ПОСЛЕДСТВИЯ, РИСКИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ. ВЫП. 12 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2021.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ КОВИД: АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАНДЕМИИ. ВЫП. 13 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2021.

ГОД НАВАЛЬНОГО. ПОЛИТИКА ПРОТЕСТА В РОССИИ 2020—2021: СТРАТЕГИИ, МЕХАНИЗМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ. ВЫП. 14 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2021.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗА ЧТО И ПОЧЕМУ РОССИЯ ВОЮЕТ С ЗАПАДОМ? ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ И ВЫВОДЫ	5
---	----------

ИНСТИТУТЫ, ИНТЕРЕСЫ И НАРРАТИВЫ

Татьяна Пархалина. ПОЧЕМУ РУХНУЛ ПОСТСОВЕТСКИЙ СТАТУС-КВО? ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ	18
--	-----------

Василий Жарков. ВСТРЕЧНЫЕ НАРРАТИВЫ И СЛЕПЫЕ ПЯТНА В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЕВРОПЫ	28
--	-----------

ВНУТРЕННИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Иван Курилла. РЕСТАВРАЦИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: ВНУТРЕННИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ И США	42
---	-----------

Игорь Зевелев. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	50
---	-----------

Александр Габуев. ПО ОБЕ СТОРОНЫ АМУРА: «ЗАПАД» И АНТИЗАПАДНИЧЕСТВО В КИТАЕ И В РОССИИ	61
---	-----------

СОЦИОЛОГИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Лев Гудков. ОТ «УТОПИИ ЗАПАДА» К РЕАКЦИОННОЙ УТОПИИ: АНТИЗАПАДНЫЙ РЕСЕНТИМЕНТ В ПУТИНСКОЙ РОССИИ	70
---	-----------

Иван Крастев. НЕБЛОКОВОЕ МЫШЛЕНИЕ: ФРЕЙМ НОВОЙ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦЕВ	87
---	-----------

ПРОТИВОСТОЯНИЕ КАПИТАЛИЗМОВ

Андрей Яковлев. КОНКУРЕНЦИЯ КАПИТАЛИЗМОВ: В ПОИСКАХ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ	99
--	-----------

Кирилл Рогов. ВРЕМЯ ЯНЫЧАР: САМОИЗОЛЯЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ	112
---	------------

ЗА ЧТО И ПОЧЕМУ РОССИЯ ВОЮЕТ С ЗАПАДОМ? ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ И ВЫВОДЫ

Атмосфера противостояния с Западом стала привычным фоном российской жизни. Не будет преувеличением сказать, что это противостояние составляет основную рамку существования и целеполагания нынешнего политического режима. Ему подчинены не только ориентиры внешней, но также внутренней и даже экономической политики. В макроэкономические сценарии правительство и Центральный Банк закладывают издержки и дополнительные риски противостояния, а политика импортозамещения, стратегическая неэффективность которой продемонстрирована многими примерами, представляется как вынужденный выбор, рациональность которого не подлежит обсуждению в условиях «конфронтационной мобилизации». Шпиономания и поиск агентов иностранного влияния, как в советские времена, вновь становятся механизмами регулирования политической и общественной жизни и искусственного сужения рамок дискуссии о путях развития страны. Под углом конфронтации переписываются учебные программы, пересматриваются программы научного сотрудничества и исторические нарративы.

В эпоху биполярности, классической холодной войны, СССР претендовал на то, что представляет собой глобальную альтернативу социальным порядкам Запада, и конкуренцией этих порядков обе стороны объясняли их «генетическую» враждебность. Но что лежит в основе конфликта Москвы с Западом сегодня? Какой большой вопрос питает это противостояние и какова его цель? Насколько обусловлено оно глобальными трендами, характеризующими сегодняшний мир? Насколько усвоено как неизбежная рамка элитами и населением в России и на Западе? Ответы на эти вопросы совершенно неочевидны. Однако без них сложно понять сегодняшнее состояние и динамику российского социума.

В настоящем обзоре мы предприняли попытку проанализировать основания этой конфронтации и фрейм «новой холодной войны» в нескольких перспективах. Во-первых, в перспективе традиционных внешнеполитических дискурсов Запада и России, укоренных в их историческом прошлом и тесно связанных с динамикой институтов. Во-вторых, в перспективе актуальных представлений элит на Западе и в России и выстраиваемых ими

образах «Другого». В-третьих, в перспективе реальных общественных настроений, фиксируемых социологическими опросами. И, наконец, в-четвертых, в контексте глобальных тенденций современного миропорядка и развернувшейся в нем конкуренции моделей капитализма.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ: КОНФРОНТАЦИЯ В ЧЕТЫРЕХ ПРОЕКЦИЯХ

Официальный кремлевский дискурс исходит из предрешенности ситуации конфронтации и необходимости, исходя из этой предрешенности, формулировать задачи, цели и приоритеты национального развития, отмечая дискуссии о целесообразности конфронтации и представляя ее как вынужденную и навязанную. Одним из главных мотивов дискуссии, состоявшейся на площадке Фонда Либеральная миссия, является постулат о том, что отношение к Западу и стратегия взаимодействия с Западом традиционно являются в России фокальной точкой не столько внешнеполитической, сколько внутривнутриполитической дискуссии. Вопрос об отношении к Западу в России – это вопрос о выборе стратегии внутреннего развития. А потому внешняя политика в целом и сегодняшняя конфронтация с Западом, в частности, являются «форматирующей рамкой» институционального развития, выбора приоритетов внутренней и экономической политики и инструментом обеспечения интересов определенных социальных и элитных групп.

Если суммировать достаточно обобщенно идеи состоявшейся дискуссии, то причины и механизмы нового периода конфронтации России с Западом можно рассматривать в четырех взаимосвязанных проекциях.

Конфронтация как следствие институциональной дивергенции. Не только в последние десятилетия, но на протяжении во всяком случае последних двухсот лет изменения внешнеполитических нарративов в России тесно связаны с динамикой институционального развития. Неудавшаяся попытка стать «Западом» в очередной фазе российской модернизации сменяется стремлением стать «Антизападом» в следующей за ней фазе «альтернативной модернизации» или контрмодернизации. Значительную часть XIX века и большую часть XX-го Россия дистанцировалась от Запада, стремясь либо сохранить «традиционные» институты (в XIX веке), либо создать альтернативные (в XX веке).

При этом чем более расходятся институциональные векторы России и Запада, тем шире трактуется Россией понятие суверенитета и энергичнее обосновывается необходимость отстаивать его экстерриториальные рубежи (глобальный институциональный суверенитет). И чем более внутренний порядок в России эволюционирует в направлении моноцентрической системы подчиненности, тем более форсировано Россия приписывает аналогичный характер взаимоотношений мировой системе отношений и выражает готовность ему противостоять.

Конфронтация как инструмент консолидации. В фазе отказа от проекта догоняющей модернизации внутренняя консолидация выглядит как конструирование России в качестве «Антизапада». «Антизападничество» становится фактором легитимации правящей элиты, а внешняя политика — инструментом конструирования национальной идентичности, которая возводится в ранг вопроса национальной безопасности. Если на протяжении большей части XX века эта идентичность ассоциировалась с коммунистическим проектом, то на новом витке институциональной дивергенции российские элиты обратились к паттернам, сформулированным русскими традиционалистами и имперскими националистами в XIX веке.

Схожая траектория эволюции отношения к Западу прослеживается и на уровне массового общественного мнения. Враждебность и подозрительность в отношении Запада, подстегнутая описанным выше новым элитным дискурсом, стала реакцией на восхищение Западом, характерное для периода кризиса и крушения советской системы, когда с ним ассоциировался образ будущего. Несостоявшаяся «утопия Запада» обернулась обращением к «реакционной утопии» — идеологии «национального возрождения» и функционального усиления образа его «врагов».

Конфронтация как инструмент решения внутреннего конфликта. Новая институциональная дивергенция Россия и Запада стала результатом неспособности найти сбалансированную модель политического и экономического развития: потерпели неудачу попытки адаптировать в России как принципы либеральной рыночной экономики (LME), так и нелиберальную модель государственно-патронируемого капитализма (SPME). Реальная институциональная динамика в большей степени определялась логикой борьбы элитных фракций за ренту, а ее итогом стала моноцентрическая авторитарная политическая система и создание механизмов перераспределения ренты во внутреннем контуре экономики. Стратегия конфронтации с Западом и самоизоляции России рассматривается доминирующей элитной коалицией как способ сохранить эту систему

даже в условиях относительного снижения размеров ренты и замедления темпов роста, блокировать возврат к повесткам модернизации и рост влияния связанных с ними элит и социальных групп.

Конфронтация в глобальном контексте. Возвращающийся паттерн конфронтации с Западом находит поддержку в тех новых линиях напряжений, которые характеризуют глобальную политическую сцену. Эти напряжения связаны как с внутренними проблемами, с которыми столкнулся Запад и которые снижают его привлекательность в качестве институционального образца, так и с глобальной конкуренцией моделей капитализма и возвышением Китая в качестве нового образца для подражания. Вследствие этого фрейм «новой холодной войны» оказался востребован элитами не только в России, но и на Западе (в особенности — в США). Вместе с тем данные опросов свидетельствуют, что общественное мнение — и в России, и в Европе — скорее сопротивляется идеологии «блокового мышления». После всплеска антизападнических настроений, в России наблюдается обратное движение — внутренние проблемы ослабляют и вытесняют повестку внешнего противостояния. Схожим образом в Европе общественное мнение с подозрительностью относится к риторике «ястребов», не воспринимает Китай и Россию в качестве экзистенциальной угрозы и также в большей мере сфокусировано на внутренних вызовах европейскому порядку, чем на внешних.

Ослабление позиций Запада в качестве институционального образца актуализирует глобальную конкуренцию либеральной и нелиберальной моделей капитализма. Нелиберальный капитализм, предполагающий патронаж национальных фирм со стороны правительства в интересах догоняющего развития, рассматривает как ненужные и враждебные многие институциональные принципы либеральной модели. В этом смысле антилиберальная риторика российских властей выглядит частью влиятельного мирового тренда. Однако уровень конфронтации с Западом, на который Россия вышла в 2010-е годы, существенно превышает уровень конфронтации других стран этой группы. Ее изоляционистская стратегия является преимущественно ответом на внутренние вызовы и лишена той девелопменталистской перспективы, которая характерна для успешных стран нелиберального капитализма. Этим в конечном счете определяется восприятие России другими ключевыми игроками мировой сцены как значимого и сохраняющегося центра силы, не имеющего, однако, собственного проекта и убедительной перспективы.

ИНСТИТУТЫ, ИНТЕРЕСЫ И НАРРАТИВЫ

Канонические интерпретации основных причин и пружин противостояния России и Запада сводятся к двум рамочным доктринам. Со стороны Запада конфликт рассматривается в рамках либерального подхода к международным делам, и в этом случае главным его драйвером выглядят ценностные расхождения и различия в институциональных ориентирах, предопределяющие растущее непонимание и враждебность. В Москве, напротив, природу конфликта рассматривают исключительно в рамках так называемого реалистического подхода к международным отношениям, то есть как результат стремления Запада последовательно менять баланс сил в свою пользу, не признавая автономию российских интересов и сжимая зону российского влияния. При этом обе стороны приписывают подходам оппонента притворный характер. И это становится точкой абсолютного разрыва: одни утверждают, что ценности — лишь прикрытие стремления к господству, другие — что интересы и опасения относительно безопасности лишь прикрытие для укрепления и навязывания соседям авторитарных институтов.

Татьяна Пархалина анализирует два поворотных момента в истории европейской безопасности — закрепление статус-кво, сложившегося по итогам окончания холодной войны в начале 1990-х годов, и его слом в 2014 году. Почему постсоветский европейский порядок оказался столь недолговечным? На протяжении большей части XX века противостояние России и Европы было связано с различием векторов их институционального развития. Европа продвигалась в сторону парламентаризма, реальной политической конкуренции и верховенства закона, в то время как СССР/Россия — в направлении централизованной иерархической власти, подкрепленной мобилизационной идеологией. Новый, постсоветский, статус-кво опирался на предположение, что Россия будет двигаться теперь по иной институциональной траектории — в направлении европейских институтов и ценностей. При этом Запад формировал «НАТО/ЕС-центричную модель» европейской безопасности, в которую Россия была включена лишь очень опосредованно.

Когда вектор институциональной эволюции в России вновь изменился, значимость таких институциональных ориентиров, как правовое государство, разделение властей и права человека начала снижаться, вытесняемая идеалом моноцентричной иерархической власти, быстрое нарастание отчуждения и недоверия в отношениях стало неизбежным. И

в итоге привело к кризису системы европейской безопасности, не учитывавшей изменений в интерпретации российских интересов в условиях новой институциональной дивергенции.

Возвращение к тому уровню сотрудничества, который существовал в начале 2000-х годов, вряд ли возможно в скором времени, поэтому России и Европе необходимо выработать механизмы прагматического взаимодействия, по крайней мере в сфере безопасности, пишет Татьяна Пархалина. В то же время России не стоит забывать, что предыдущий период длительной конфронтации с Западом и попытка выстроить альтернативную институциональную модель закончились для нее экономическим и политическим поражением в XX веке. И есть опасность вновь попасть в эту историческую ловушку, выстраивая национальные институты, «обслуживающие» конфронтацию, а не собственные цели развития.

Василий Жарков анализирует два нарратива в понимании международного порядка, характерных для Европы и России и уходящих глубоко в историю. Травмированная длительным периодом вассального подчинения Орде и в то же время испытывавшая ее влияние в момент становления государственных институтов, Россия продолжает мыслить международные отношения в категориях гегемонии, сюзеренитета и подчинения. Именно такое понимание «однополярности» сформулировано и форсировано в знаменитой мюнхенской речи Путина («мир одного хозяина, одного суверена»). Между тем в оптике Запада международные отношения регулируются выработанными в рамках международного общества правилами и нормами (важнейшая задача которых — гарантировать национальный суверенитет) и балансом сил. В этой картине мира наличие одного лидера, единственной сверхдержавы не воспринимается как режим гегемонии постольку, поскольку ее действия ограничены принципом равноправия национальных (территориальных) суверенитетов и служат общим целям международного общества.

Парадокс заключается в том, что чем более внутренний порядок в России эволюционирует в направлении моноцентрической и все более жесткой системы подчиненности, тем энергичнее во внешнеполитическом дискурсе Россия приписывает аналогичный характер международной системе отношений и выражает готовность этому противостоять. В то же время, чем более расходятся институциональные вектора России и Запада, тем шире трактуется понятие суверенитета. Проиграв в XIX веке не только борьбу за гегемонию в Европе, но и отстав на начальных этапах индустриализации, в XX веке Россия пыталась создать систему принципиально новых институтов, призванных

обеспечить форсированную индустриализацию и компенсировать это отставание. Защита и продвижение этих институтов стали основанием для расширенного понимания суверенитета, простирающегося далеко за государственные границы и ведущего к тотальной конфронтации с Западом. В начале XXI века Россия вновь, отказываясь от копирования западных институциональных образцов, включает в понятие суверенитета представление об альтернативной институционально-ценностной модели, защищать которую она готова не только на постсоветском пространстве, но также в Сирии и Венесуэле.

«АНТИЗАПАДНИЧЕСТВО»: ВНУТРЕННИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Иван Курилла анализирует роль и функцию внешней политики в перспективах представлений национальных элит и рядового избирателя. Сегодня главные угрозы элитам ядерных держав находятся не вне страны, а внутри нее, констатирует он. Это прямое следствие доктрины ядерного сдерживания, обеспечивающей фундаментальную безопасность: защита от внешней угрозы не требуют выстраивания сложной системы альянсов, в результате внешнюю политику можно конструировать как подчиненную внутренней. Эффективность такого подхода определяется тем, что для рядового избирателя международная политика — это достаточно отвлеченная материя, функция которой состоит в формировании упрощенной картины мира, обозначающей основные характеристики и границы «своего» и «чужого».

В результате и в России, и в США внешняя политика оказалась тесно связана с динамикой внутренних напряжений и расколов — она позволяет вытеснять, интренационализировать порождаемые этими расколами конфликты и становится инструментом принудительной консолидации. В России конфронтационная внешняя политика обслуживает потребности легитимации несменяемости власти и связанных с ней задач «внутреннего контроля», приобретающего все более жесткие формы. В США и в целом на Западе она позволяет «интернационализировать» ясно обозначившиеся проблемы либеральной модели — растущую поляризацию общества, связанную со все более остро воспринимаемой проблемой социального неравенства. Впрочем, Россию, которая была использована в США в качестве образа «Другого» в условиях политической поляризации конца 2010-х годов, сегодня постепенно вытесняет Китай. В то время, как в

самой России демонизация США будет оставаться необходимым основанием «картины мира» до тех пор, пока политическую систему не придется по тем или иным причинам либерализовать.

Феноменом российской политической эволюции последнего десятилетия стала масштабная экспансия дискурса национальной идентичности во внешнеполитическую риторику, пишет Игорь Зевелев. Важнейшей чертой официального российского внешнеполитического дискурса стала секьюритизация вопросов идентичности, то есть их политизация и возведение в ранг вопросов национальной безопасности. Внешняя политика становится инструментом конструирования национальной идентичности для российской элиты.

Можно выделить три базовых мифа, описывающих эту идентичность. Первый — миф об исключительности России: ее существование на периферии европейского ценностного и культурного универсума интерпретируется не как ущербность, а как преимущество и свидетельство исключительности. Второй — миф об исторической преемственности: это миф о неменяющейся и неизменяемой России, совершающей отдельное от прочего мира путешествие во времени от великого князя Владимира до Владимира Путина. Для внешней политики здесь важно, что национальные интересы и стратегия в таком дискурсе predeterminedены много веков назад, а изменения возможны только на тактическом уровне. Третий, и самый важный для внешней политики, миф предполагает противопоставление России не отдельным странам, а именно Западу в целом. Всеобъемлющий воображаемый «Запад» воспринимается как сила, пытающаяся изменить уникальную, уходящую корнями в тысячелетнюю историю идентичность России.

В целом, можно сказать, что, утерев мессианские основания своей легитимности, связанные с коммунистическим проектом, российские элиты обратились к мессианским паттернам, сформулированным русскими традиционалистами и имперскими националистами в XIX веке. «Отставание» от Запада реинтерпретировалось в них как миссия сопротивления новым западным институтам и ценностям во имя сохранения основ общеевропейской цивилизации, которые на Западе разрушаются и утрачиваются.

Хотя российские власти склонны позиционировать себя как союзников Китая и рассматривать противостояние двух стран Западу как своего рода единый фронт, в реальности дело обстоит далеко не так. Антизападничество в России и Китае имеет разные корни, формы и функции, пишет Александр Габуев. Сходство заключается в том, что и здесь, и там режимы используют противостояние с Западом для собственной легитимации.

Кроме того, часть российских и абсолютное большинство китайских элит убеждены, что «коллективный Запад» стремится подрвать возвышение их стран как альтернативных США центров силы. В то же время, если для России диалог с Западом, рефлексия по поводу Запада являются одной из несущих конструкций государственной идентичности в течение нескольких веков, в Китае дискуссия о Западе начинается лишь в XIX веке после «опиумных войн», а сам Запад не является главной референтной точкой самоидентификации.

Кроме того, и на элитарном, и на простонародном уровне «китайская модель» воспринимается в Китае как подлинная история успеха, превосходящая в своих возможностях то, что может предложить Запад; в России такого рода взгляд на «российскую модель» имеет гораздо более узкие, можно сказать маргинальные основания. Соответственно, в Китае общественное мнение исходит из объективной реальности нарастающего соперничества с США и впервые открывающейся для страны перспективы глобального лидерства, пишет Александр Габуев. В целом, можно сказать, что китайское антизападничество обращено в большей мере в направлении будущего, в то время как российское обращено преимущественно в прошлое и питается травмами утраты глобального влияния.

СОЦИОЛОГИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» В РОССИИ И ЕВРОПЕ

Насколько идеология конфронтации укоренена в российском общественном мнении? Лев Гудков, анализируя эволюцию отношения к Западу на протяжении последних 30 лет на материале социологических опросов, отмечает, что враждебность и подозрительность в отношении Запада, подстегнутая официальной пропагандой, стала оборотной стороной и реакцией на восхищение Западом, характерное для периода кризиса и крушения советской системы, когда образ будущего ассоциировался с западными образцами. Неудовлетворенность результатами реформ, массовый рессентимент обернулись восстановлением конспирологических установок и массовой убежденности в том, что «Россия окружена врагами», которые и были использованы для легитимации режима Владимира Путина и роста влияния силовых институтов. Несостоявшаяся «утопия Запада» обернулась обращением к «реакционной утопии» — идеологии «национального возрождения», опирающейся на защиту «традиционных ценностей» и функциональное усиление образа их «врагов». Компенсацией неудавшегося прорыва на Запад и «вхождения в Запад» стало возвращение потребности вновь ощутить

себя сверхдержавой, а не частью «международного сообщества», в которое Россия стремилась 30 лет назад.

«Вместе с тем, несмотря на воинственную риторику, большая часть российского населения ждет, что нынешняя напряженность в отношениях между Западом и Россией — дело временное», пишет Лев Гудков. Подозрительность в отношении НАТО и чувство опасности в последние годы слабели, и, напротив, росло желание нормализации отношений с западными странами, что можно, с некоторой осторожностью, расценивать как исчерпание ресурсов путинской политики конфронтации. В июльском опросе 2021 года 63 % опрошенных заявили о «хорошем отношении» к западным странам» («плохо» относятся лишь 24 %). При этом динамика отношения к США и восприятия российской власти в общественном мнении устроена по принципу сообщающихся сосудов: рост враждебности к США сопряжен с консолидацией вокруг действующего режима, а улучшение отношения к США коррелирует со снижением его поддержки. Эти повороты общественного мнения показывают, что Запад, несмотря на все идеологические инверсии, «по-прежнему остается ориентиром национального благополучия и критерием оценки долгосрочной внутренней политики государства».

Интересно, что на Западе фрейм новой «холодной войны» и идеология «блокового мышления» также не находят достаточной поддержки в общественном мнении. Как показывает Иван Крастев на материале опросов, проведенных в 12 странах ЕС, несмотря на усилия американской администрации и руководства ЕС по созданию единого фронта защиты демократии от авторитарных режимов России и Китая, европейцы склонны рассматривать это противостояние скорее как конфронтацию Вашингтона и Брюсселя с Москвой и Пекином, нежели как что-то имеющее отношение непосредственно к ним. Так, около 60 % опрошенных считают, что новая холодная война разворачивается между США, с одной стороны, и Китаем и Россией, с другой. 44 % полагают, что такая война разворачивается между ЕС и Россией, и 31 % — что она имеет место между ЕС и Китаем. При этом лишь 15 % думают, что их собственная страна находится в состоянии холодной войны с Китаем, и 25 % думают то же про Россию.

Как отмечает Крастев, в отличие от классической «холодной войны», когда СССР воспринимался не только как источник ядерной угрозы, но и как источник угрозы демократическим порядкам Запада и его укладу, сегодня европейцы не видят угрозы экспансии авторитарных институтов со стороны Китая и России. Угроза с востока утратила свой экзистенциальный характер. Это связано в том числе с тем, что респонденты не

склонны приписывать правительствам сверхдержав чрезмерное влияние на ход дел в мире: «Только 13 % европейцев считают, что американское правительство оказывает наибольшее влияние на то, как управляется мир; только 6 % приписывают такую власть китайскому правительству. В действительности же, они склонны считать, что негосударственные акторы — такие как крупные компании и сверхбогатые люди — вместе образуют наиболее влиятельную группу в современном мире». Это означает, что наиболее острые проблемы и угрозы, в том числе угрозы суверенитету и демократии, ассоциируются не с внешними, а скорее с внутренними акторами и факторами, и прежде всего — с «властью больших денег».

Это, кстати, перекликается с еще одним вопросом, ответы россиян на который Левада-центр получил этим летом: 34 % опрошенных россиян склонны придавать первостепенное значение «внешним врагам», в то время как 60 % указывают, что главные проблемы и угрозы находятся внутри страны (исследование «Курьер», август 2021 года, N = 1600).

Итак, признавая в целом наличие значимого противостояния между США и ЕС, с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой, европейцы склонны смотреть на него несколько дистанцированно, не горят желанием выступать единым фронтом в защиту демократии и общих ценностей, и, передоверив Вашингтону и Брюсселю роль «ястребов», предпочитают сохранять определенную автономию и руководствоваться на национальном уровне в большей мере меркантилистскими соображениями. Так, еще один опрос показал, что «блоковому миру», миру постоянных альянсов европейцы предпочитают систему «необходимых партнерств». В отличие от времен классической «холодной войны» даже США рассматриваются сегодня относительным большинством европейцев скорее в качестве такого «необходимого партнера» (44 %), нежели «союзника, который разделяет европейские интересы и ценности» (21 %). Более того в качестве таких же «необходимых партнеров» значительная доля респондентов готова рассматривать Китай (36 %) и Россию (35 %).

Таким образом, несмотря на усилия политиков, фрейм «холодной войны» — длительной мобилизации для последней и решительной битвы добра со злом — встречается пока и в России, и на Западе скорее сопротивление в массовом общественном мнении, которое видит современный мир и его угрозы гораздо более диверсифицированными и не обязательно выстроенным вокруг государственных и блоковых границ.

КОНКУРЕНЦИЯ КАПИТАЛИЗМОВ, САМОИЗОЛЯЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ

При том, что истоки нынешней конфронтации России и Запада можно видеть и в новом цикле дивергенции их политических институтов, меняющей внешнеполитическую оптику, и в стремлении элит с обеих сторон «вытеснить» во внешнем конфликте внутренние напряжения и расколы, эта конфронтация в то же время включена в более широкую рамку противостояний, характеризующих сегодняшний мир. Хотя конкуренция капитализма и социализма, вокруг которой было организовано противостояние классической «холодной войны», навсегда осталась в прошлом, в мире все яснее проступают контуры новой конкуренции — конкуренции либеральных и нелиберальных капитализмов.

Помимо двух традиционных моделей евро-атлантического капитализма (либерального и координируемого), в последние десятилетия активно развивались также две новые модели — модель «зависимой рыночной экономики», характерная для ряда развивающихся стран и Восточной Европы, и модель рыночной экономики, «проникнутой» (патронируемой) государством, пишет Андрей Яковлев. Первая из них, в которой внутренний рынок сильно зависит от решений транснациональных корпораций, продемонстрировала уязвимость и угрозы, которые она несет для национальных экономик. На этом фоне все большую популярность приобретала вторая, в которой интересы догоняющего развития обслуживаются тесным сотрудничеством национальных фирм и правительств, патронирующих и в известной мере контролирующих рыночных агентов. Флагманом и образцом успеха этой стратегии выступает авторитарный Китай.

В постсоветской России была сначала предпринята попытка реализовать модель либеральной рыночной экономики. Однако с середины 2000-х годов российские власти и элиты все более склонялись к модели патронируемой государством рыночной экономики, близкой к китайской. Вместе с тем, доступность сырьевой ренты, низкое качество государственных институтов, бюрократии и элит не позволили вполне реализовать ее преимущества, считает Андрей Яковлев. В результате политический кризис 2011–2012 годов, крымская патриотическая мобилизация и конфронтация с Западом определили эволюцию российской модели в направлении «экономики сопротивления», реализованной в Иране в ходе затяжной конфронтации с США и международных санкций. Такая модель позволяет достаточно эффективно противостоять санкционному режиму и

переживать трудности изоляции, но не обеспечивает возможности экономического роста (ВВП на душу населения в Иране в 2019 году соответствовал уровню 1986 года).

Действительно, гораздо более глубокое взаимодействие и взаимопроникновение государства и частного бизнеса в рамках государственно-патрулируемого («пронизанного государством») капитализма подразумевает, что такие характерные для евро-атлантической модели капитализма принципы, как разделение властей, верховенство закона, ограничивающие власть государства, считаются здесь не только ненужными, но и враждебными задачам национального развития. В этом отношении антилиберализм российских властей выглядит частью достаточно мощного международного хора нелиберальных капитализмов, пишет Кирилл Рогов. В то же время уровень конфронтации с Западом, на который вышла Россия с 2014 года, не характерен для этих стран. Их нелиберальный (или даже антилиберальный) капитализм имеет девелопменталистский характер — призван способствовать продвижению национальных компаний на мировых рынках, встраиванию в международные цепочки производства, привлечению капитала, и в целом — поддержанию высоких темпов роста. Следствием же конфронтации с Западом правительства Владимира Путина, наоборот, стали взаимные санкции, резкое сокращение притока инвестиций и масштабов бизнес-кооперации, ухудшение позиций российского бизнеса в мире и затяжная стагнация.

Объяснить, почему российские власти так легко жертвовали возможностями экономической кооперации и перспективами роста, можно лишь тем, что конфронтация с Западом стала ответом не столько на внешние, сколько на внутренние вызовы. Резкий рост в 2000-е годы размеров ресурсной ренты в экономике и связанный с ним подъем «ресурсного национализма» (представление о самодостаточности России, обеспеченной ее размерами, ядерным потенциалом и ресурсным богатством) способствовали тому, что в традиционном противостоянии ориентированных на сотрудничество с Западом модернизационных элит и националистических «элит контроля» последние получили непропорциональное преимущество, считает Кирилл Рогов. Однако после кризиса 2008–2009 годов их позиции в силу целого ряда причин ослабли, размер ренты в 2010-е годы снизился. В этой ситуации стратегия конфронтации и сознательной самоизоляции России стали рассматриваться этими элитами как оптимальный способ сохранить завоеванные позиции — блокировать новый подъем повесток модернизации, обеспечить под флагом мобилизации контроль над непропорциональной долей бюджетных ресурсов и закрепить итоги произведенного в период путинского правления масштабного передела

собственности. Сокращение внешних связей выступает здесь инструментом ограничения внутренней конкуренции не только в политике, но и в экономике и служит цели консервации достигнутого статус-кво.

ИНСТИТУТЫ, ИНТЕРЕСЫ И НАРРАТИВЫ

Татьяна Пархалина,

*Президент Ассоциации евро-атлантического сотрудничества,
советник директора Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук*

ПОЧЕМУ РУХНУЛ ПОСТСОВЕТСКИЙ СТАТУС-КВО: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕВРОПЫ

В 2014 году оказался разрушен статус-кво, сложившийся в Европе по итогам конца «холодной войны». На протяжении большей части XX века противостояние России и Европы было связано с различием векторов их институционального развития. Новый, постсоветский, статус-кво во многом опирался на предположение, что Россия будет двигаться теперь по иной институциональной траектории — в направлении европейских институтов и ценностей. При этом Запад формировал «НАТО/ЕС-центричную модель» европейской безопасности, в которую Россия была включена лишь очень опосредованно. Когда вектор институциональной эволюции в России вновь изменился, это привело к быстрому нарастанию недоверия и отчуждения и стало причиной кризиса системы европейской безопасности, не учитывавшей автономии российских интересов. Теперь Европе необходимо выработать механизмы прагматического взаимодействия с Россией, прежде всего в сфере безопасности, а России же не стоит забывать, что предыдущий период длительной конфронтации с Европой и США и попытка выстроить альтернативную институциональную модель закончились для нее экономическим и политическим поражением.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И СИСТЕМА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В середине второго десятилетия XXI века, через 70 лет после окончания Второй мировой войны стало очевидным, что во второй раз происходит слом системы европейской безопасности.

В первый раз это случилось в 1991 году, когда вследствие самороспуска Организации Варшавского договора и распада Советского Союза рухнул Ялтинский миропорядок, который подразумевал раздел Европы (прежде всего) и остального мира на два лагеря, лидерами которых являлись США и СССР. Второй раз это случилось в 2014 году, когда события в Украине стали последним актом драмы, связанной с распадом Советского Союза, и первым актом драмы, связанной с десоветизацией постсоветского пространства.

В течение четверти века между этими событиями в Европе сложилась в целом «НАТО/ЕС-центричная модель», в которую Россия была интегрирована лишь опосредованно — через специальные соглашения с этими евро-атлантическими институтами¹. Все это время Россия являлась полноправным членом ОБСЕ и с 1996 года — Совета Европы, значение которых объективно было не столь существенным, как значение и роль НАТО и ЕС.

К 2013 году фактор «неинтегрированности» России в евро-атлантическую систему стал играть все более серьезную роль по разным причинам: глобального финансово-экономического кризиса, поразившего трансатлантических союзников, смены главного внешнеполитического вектора самой России (с курса на интеграцию в Евро-Атлантику на развитие евразийской интеграции), что имело последствия также для развития внутривосточной ситуации, драматических изменений в регионе Большого Ближнего Востока, произошедших вследствие так называемой «арабской весны».

С самого начала развития кризиса в Украине и вокруг неё стало очевидным, что он выходит за рамки регионального и затрагивает основы международной безопасности. На поверхность вышли моменты, которые в предшествующие годы либо скрывались, либо недооценивались. Во-первых, Россия и Евро-Атлантика так и не стали стратегическими партнерами (несмотря на официальные декларации, которые в свое время демонстрировали этот вектор движения и определенную политическую волю), а если говорить о России и США, то они все это время оставались отчасти в парадигме взаимного сдерживания. Во-вторых, в течение последних полутора десятилетий наблюдалась жесткая геополитическая конкуренция на постсоветском пространстве.

В результате, во второй раз после распада СССР (2008 и 2014 годы) Россия вышла из территориального статус-кво, сложившегося после распада Советского Союза. Кроме того,

¹ С НАТО — через программу «Партнерство ради мира», соглашение о создании Совета Россия — НАТО 2002 года, соглашение о стратегическом партнерстве 2010 года; с ЕС — через Договор о партнерстве и сотрудничестве 1994 года, бесконечно продлеваемый в связи с тем, что подготовка нового базового договора откладывалась.

события вокруг Украины драматически изменили ситуацию в самой России: уровень взаимной нетерпимости между так называемыми «патриотами» и «либералами» настолько велик, что привел к серьезным изменениям в массовом сознании и даже к изменению смыслов. Что же касается экономической ситуации в России (а рецессия началась еще до кризиса), то на нее существенно повлияли такие факторы как цена интеграции Крыма, санкции со стороны США, Евросоюза и других стран, а также сами российские антисанкции.

ЦЕННОСТНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ «ХОЛОДНЫХ ВОЙН»

Вне всякого сомнения, «новая холодная война» не является повторением предыдущей, поскольку отсутствует блоковая конфронтация, и у России по сути нет союзников, несмотря на некоторые заявления ряда стран постсоветского пространства и Китая. В то же время можно отметить наличие четырех характеристик, присущих состоянию «холодной войны»:

1) Россия и Запад существуют в парадигме взаимного сдерживания (постоянно проводят военные учения вблизи общих границ, тестируя таким образом оборону друг друга);

2) ведут экономические войны (санкции и антисанкции);

3) противостоят в третьих странах (Ближний Восток, Юго-Восток Украины), причем периодически это противостояние доходит почти до «горячих форм»;

4) и, наконец, существуют в алгоритме «ценностной конфронтации» (заменившей конфронтацию идеологическую), когда по-разному оценивается роль эффективно работающих институтов внутри стран, взаимодействие гражданского общества и власти, наличие гражданского и демократического контроля над армией и специальными службами, роль судов и верховенство закона.

Думается, что в целом проблема взаимоотношений России и Запада со времен прихода большевиков к власти в 1917 году в значительной степени связана с различными характерами режимов, существующих в России, Европе и США. В особенности это проявилось после окончания Второй мировой войны и разгрома национал-социализма в Германии. В постсоветской России не было (да и не могло быть) традиции уважения институтов, поскольку власть на протяжении длительного времени, включая период

правления КПСС, была персонифицирована, а институты имели имитационные функции. Именно поэтому, особенно после противостояния президента и парламента 1993 года, была избрана президентская форма правления. Именно недооценка роли институтов постепенно привела к формированию очень специфической политической системы, когда роль парламента, политических партий и судов свелась, по сути, к одобрению решений верховной власти. Что предопределяло отсутствие реальной дискуссии, влияющей на процесс принятия решений по ключевым политическим вопросам, в том числе и по вопросам внешней политики и определения места России в Европе и мире.

Сказался и определенный тип политической культуры, предполагающий доминирующую роль государства, когда интересы личности и общества подчинены его интересам, а не наоборот. А если к этому добавить и иной тип стратегической культуры, предполагающей, что расширение территории обеспечивает дополнительную безопасность, то формируется картина мира, которая влияет на взаимоотношения с международными акторами, отрицающими подобное видение.

Когда страны Запада, сначала поверившие, что Россия встала на путь демократического развития, то есть построения политической модели, подразумевающей строительство соответствующих институтов (политической конкуренции, независимости судов, верховенства закона), начали критиковать Россию за деградацию демократического переустройства, это стало вызывать резкое и бурное отторжение у политических элит России, которые выстраивали политическую систему в стране традиционным способом — укрепляя верховную власть. Между тем недооценка или искажение роли институтов имеют существенное значение в постановке и решении многих вопросов, включая внешнеполитические. Эффективно работающие институты обеспечивают политическую конкуренцию и реальную дискуссию, в ходе которой выявляются истинные интересы государства, а не интересы правящих групп или корпораций.

Следует обратить внимание, что по-разному оцениваются сторонами и роль международных, прежде всего евро-атлантических институтов. Если по обе стороны Атлантики и НАТО, и ЕС в целом оценивались как достаточно эффективные организации в сфере безопасности, политики и экономики, доказавшие свою релевантность интересам входящих в них государств, то в России постоянно делались попытки дискредитировать их роль и значение не только на пропагандистском, но и на политическом уровне, а ряд представителей экспертных кругов в течение последнего десятилетия предрекали их неизбежную гибель (выход Великобритании из ЕС внес свою лепту в эти предсказания). Что

же касается Совета Европы, членство в котором Россия посчитала для себя важным в середине 1990-х годов, то постоянно раздаются призывы о выходе из этой организации.

КРИЗИС НЕДОВЕРИЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Вместе с тем следует подчеркнуть, что украинский кризис явился результатом драматического отсутствия доверия между Россией и Западом, обусловленного не только различными типами политической и стратегической культуры, но и тем, что Россию зачастую не хотели слушать, когда она формулировала свои озабоченности по поводу тех или иных инициатив НАТО и ЕС (прежде всего по вопросу их расширения), уповая, видимо, на то, что рано или поздно Россия станет такой же как большинство стран Запада.

И когда Россия устами своих трех президентов — Б. Ельцина, В. Путина и Дм. Медведева — неоднократно декларировала заинтересованность интегрироваться в «коллективный Запад», представители последнего предположили, что это произойдет на его условиях, проигнорировав факт наличия самостоятельного ядерного потенциала, травмы, связанные с утерей империи, отсутствие демократических традиций, наличие в массовом сознании старых стереотипов противостояния Западу, а также потенциал самодостаточности, связанный с территорией и ресурсами, который если и не предполагает динамичного развития, то позволяет при милитаризации сознания, экономики и многих сфер жизни удерживать страну на определенном уровне.

Среди примеров того, как Кремль «не достучался» до западных столиц следует упомянуть ДОВСЕ, Косово, отношение к ДЕБ, ПРО, Ирак, Ливию, Украину на тот момент, когда предложение о рассмотрении соглашения об ассоциации с ЕС в трехстороннем формате было отложено. Из последних примеров нельзя не упомянуть Договор о РМСД и ДОН.

В итоге, в 2014–2015 годах мы наблюдали самый серьезный кризис всей системы европейской безопасности после окончания предыдущей холодной войны, когда европейские институты были не в состоянии адекватно ответить на обозначившиеся вызовы, а Россия и Запад начали играть по худшим правилам биполярной конфронтации (а может быть это была даже игра без правил), поддерживая те силы в третьих странах, которые декларировали приверженность либо Западу, либо России. При этом обе стороны не готовы признать собственную ответственность за развитие кризиса. Запад стремится обнулить все, что предшествовало Крымскому референдуму и включения полуострова в состав РФ, а Россия во всем обвиняет Запад и уже ни при каких условиях не отдаст Крым.

Лидеры и в России, и на Западе вначале избегали определение кризиса как новой «холодной войны», но логика их действий неизбежно привела к противостоянию, сравнимому с периодом 70–80-х годов XX века, поэтому к 2020 году они признали этот факт.

Кризис в Украине и вокруг нее далек от завершения. Но уже сейчас можно сделать следующие выводы:

- информационная война, ведущаяся тремя сторонами — Украиной, Россией, Западом — настолько разнуздана, отвратительна и зачастую лжива, что международное сообщество уже сейчас должно задуматься о подготовке своеобразного «кодекса поведения» в освещении конфликтных ситуаций;

- Россия не может быть исключена из дискуссии о судьбах постсоветского пространства. Россия, Европа и США должны сотрудничать, а не соперничать в этом регионе;

- та евро-атлантическая система безопасности, которая явилась результатом окончания первой версии «холодной войны» и в которую Россия так и не была полностью интегрирована, не может существовать на прежних основах — ни институционально, ни по существу, движение к конфронтационной модели и парадигме взаимного сдерживания является прямым вызовом как для самих игроков (России и Евро-Атлантики), так и для их партнеров, которые не готовы одобрить ни российскую, ни западную позиции;

- кризис показал, что те институты, которые были созданы, чтобы обеспечить безопасность и сохранять каналы для диалога, не действуют: прежде всего Совет Россия – НАТО, который создавался как «всепогодный» форум, но также ОБСЕ, оставшаяся единственным институтом, который пытается что-то сделать, но не работает в полном объеме.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ИЛИ ХОЛОДНЫЙ МИР?

В условиях формирования новой биполярности между США и Китаем, демократическая администрация Дж. Байдена пытается перевести хаотичную конфронтацию с Россией времен Д. Трампа в более цивилизованное русло. В ходе Женевского саммита США и России удалось достичь договоренности о начале переговоров по новой стратегической стабильности, создании рабочей группы по кибербезопасности, координации действий в Сирии и «возврате дипломатии» в двусторонние отношения. Пока наблюдается небольшой, но прогресс по всем этим направлениям. Вслед за этим лидеры ФРГ и Франции призвали к организации саммита ЕС — Россия, видимо, опасаясь, что

Евросоюз может остаться на обочине процесса структурирования конфронтации с Россией (к сожалению, предложение было заблокировано 10 странами ЕС, среди которых Нидерланды, Польша, Румыния, страны Балтии).

Судя по всему, как уже отмечалось выше, Россия и Запад в обозримом будущем будут существовать в рамках конфронтационной модели, когда стороны будут стремиться минимизировать риски в сфере безопасности. Сделать это можно через инициативы по подготовке новых мер доверия, ибо неизбежно сдерживание рано или поздно будет дополнено разрядкой, когда стороны политически и психологически осознают безальтернативность партнерства в условиях уважения взаимных интересов.

Учитывая, что Европа переживает одновременно ряд кризисных трансформаций, связанных с Украиной, Брекзитом и пандемией, сложно предположить наличие дополнительных инструментов и ресурсов у Евросоюза, которые могли бы быть направлены на разработку мер доверия в рамках общей политики безопасности и обороны. НАТО также вряд ли будет проявлять инициативу в подобных вопросах. Таким образом, среди действующих институтов остается ОБСЕ, которая вновь обретает статус организации по безопасности. Именно ОБСЕ представляет собой площадку, которая позволяет и России, и Украине, и Западу без потери лица выйти из сложной ситуации, перейти от мониторинга к разведению войск и мирному процессу.

Все три стороны именно на площадке ОБСЕ могли бы начать обсуждение причин возникновения кризиса, причем не в контексте перекладывания ответственности, а самокритичного признания ошибок, приведших к драматической потере доверия. ОБСЕ как организация могла бы обсудить механизмы кризисного урегулирования, которых, как оказалось, нет в Европе, начать переговоры по стабилизации границ, открыть дискуссию, связанную с новой архитектурой безопасности в Европе.

Неизбежно возникает вопрос: возможно ли взаимодействие в сфере безопасности в условиях «ценностной конфронтации»? Ответ прост — не только возможно, но и необходимо, поскольку альтернативой является конфронтация военная, которой обе стороны не хотят, но которая станет неизбежной в условиях отсутствия каналов взаимодействия. Давайте вспомним, что Хельсинкский Заключительный акт, который, не будучи политически обязывающим документом, изменил политический ландшафт Европейского континента, был подготовлен и подписан в условиях различного целеполагания СССР и Запада (для СССР целью было закрепление послевоенных границ, для Запада — гуманитарные вопросы, связанные со свободами и правами человека).

США в условиях новой биполярности с Китаем заинтересованы в смягчении конфронтационных тенденций в отношениях с Россией, дабы не укреплять объединенный «китайско-российский фронт». Поэтому администрация Дж. Байдена по всей видимости будет осторожно двигаться по пути восстановления переговорных треков, в особенности по вопросам стратегической стабильности, контроля над вооружениями, кибербезопасности, климата и ряда других.

НАТО, несмотря на проведение масштабных маневров у границ России (как, впрочем, и Россия) проявляет так называемую «стратегическую сдержанность», когда не принимает решения о выходе из основополагающего акта Россия — НАТО и о размещении существенных вооруженных сил на восточном фланге (несмотря на призывы стран Балтии и Польши). Россия также проявляет сдержанность, когда не размещает дополнительные военные контингенты в Псковской и Калининградской областях (кроме систем ПВО).

Нет сомнения, что в краткосрочной и среднесрочной перспективах НАТО и Россия не вернуться к тому уровню сотрудничества, который существовал в 2000-е годы, когда в рамках Совета Россия — НАТО было создано 25 рабочих групп, включая совместное миротворчество и создание ПРО европейского ТВД. Однако можно предположить, что интересы в сфере безопасности (например, деградация ситуации в Афганистане), а также какой-то прогресс в двусторонних российско-американских отношениях, приведут обе стороны хотя бы к уровню сотрудничества, который исключал бы взаимное сдерживание и воскрешение друг друга в качестве противников.

РОССИЯ И ЕВРОПА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ

Евросоюз после событий в Крыму и начала боевых действий на юго-востоке Украины (по инициативе ФРГ и Великобритании) прекратил проведение совместных мероприятий и ввел санкции против РФ. Была приостановлена работа всех совместных органов и мероприятий, которые до этого составили каркас провозглашенного во второй половине 2000-х годов стратегического пространства.

В своей глобальной стратегии по внешней политике и политике безопасности ЕС провозгласил следующее: «Нарушение Россией международного права и дестабилизация ситуации в Украине наряду с затяжными конфликтами в регионе Черного моря стали вызовом для основ европейской системы безопасности. Мы будем едины в защите международного права, демократических прав человека, сотрудничества и права каждого

государства свободно определять свое будущее... Мы не признаем незаконную аннексию Крыма Россией и не смирился с дестабилизацией всей Украины»².

Весной 2016 года ЕС провозгласил пять принципов построения взаимоотношений с Россией, главным из которых является принцип «избирательного взаимодействия», который предполагает, что ЕС будет сотрудничать с Москвой только по вопросам, которые представляют интерес для самого Евросоюза. Однако непонятно, как при этом будут учитываться вопросы, представляющие интерес для РФ.

За прошедшие 5 лет наблюдалась дальнейшая деградация отношений по линии ЕС — Россия, приведшая даже к призывам со стороны России к замораживанию этих отношений. В условиях, когда с обеих сторон отсутствует политическая воля к восстановлению отношений на основе баланса интересов, когда Россия отвергает те ценности, которые пытается отстаивать Евросоюз, а глава европейской дипломатии Ж. Боррель, представляя 16 июня 2021 года доклад об отношениях ЕС и России, отмечает, что Брюссель намерен одновременно «дистанцироваться, оказывать давление и вести диалог с Россией»³, обеим сторонам необходимо иметь в виду, что в сфере безопасности они обречены на взаимодействие. Известный российский европеист Ю. Борко полагает, что в ближайшие годы именно сфера безопасности будет главной сферой общих интересов России и Евросоюза⁴.

Основными и реальными угрозами их безопасности уже являются и будут оставаться воинствующий исламский терроризм, последствия изменения климата, распространение ОМУ и средств его доставки, киберугрозы, новые болезни и ряд других. Нельзя исключить, что рано или поздно обе стороны вернуться к идее формирования Совета ЕС — Россия по вопросам безопасности, которая обсуждалась после кавказского кризиса осенью 2008 года, но произойти это может только после того, как наметится прогресс в урегулировании кризиса украинского.

Следует иметь в виду, как отмечает российский исследователь А. Загорский, что нынешний стратегический курс России сложился не под влиянием отдельных событий, но вследствие определенного числа явлений, проблем и кризисов, выстроенных в цепочку

² European External Action Service // Режим доступа: https://eeas.europa.eu/sites/ceas/files/eu_global_strategy_ru

³ Euronews. com > 2021/06/15/US-EU-Russia, EU's new strategy on Russia.

⁴ Борко Ю. Будущее отношений Россия — ЕС: проблемы и перспективы / Ю. Борко // Европейская безопасность, события, оценки, прогнозы. Выпуск 38 (54). — Москва : ИНИОН, 2015.

(вольно или невольно) встраивания России в существовавшую тогда систему безопасности на условиях Запада, что само по себе, учитывая фактор стратегической независимости РФ, не могло не вызвать противодействия⁵.

С другой стороны, в нынешних условиях, когда международные отношения подвергаются серьезной трансформации, а значение межгосударственных объединений снижается, утверждения о том, что удел России — это «стратегическое одиночество», что ей не нужны союзники и она самодостаточна и что ее удел — это конфронтация с коллективным Западом (включая Европу) крайне опасны. Они неизбежно приведут Россию к самомаргинализации, исключению ее из мировой экономической и политической системы.

«Россия есть держава европейская», — утверждала Екатерина II еще в конце XVIII столетия. И она, безусловно, была таковой до октября 1917 года. Затем, когда вследствие большевистского переворота Россия стала «выламываться» из своей «европейскости», она потерпела чудовищное поражение в мирном противостоянии с Европой и США. Представляется, что Россия не имеет права на повторение подобной исторической ошибки, а должна вместе с европейскими партнерами искать пути выхода из сложившегося тяжелейшего кризиса.

⁵ Загорский А. В. Россия в системе европейской безопасности» / А. В. Загорский // Москва : ИМЭМО РАН, 2017. — С. 126–128.

Василий Жарков,
*декан факультета политических наук
Московской высшей школы социальных и экономических наук*

ВСТРЕЧНЫЕ НАРРАТИВЫ И СЛЕПЫЕ ПЯТНА В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЕВРОПЫ

В отношениях России и Европы можем наблюдать два нарратива, основанных на двух оптиках интерпретации взаимоотношений России и Запада. Первый исходит из наличия политического равенства акторов на мировой арене и строится на усмотрении в российских действиях вызова для существующего миропорядка. Россия не желает в полной мере подчиняться принятому кодексу поведения и поэтому ее положение в международном обществе всячески маргинализуется. Противоположный (российский) нарратив видит в международном обществе прежде всего гегемонию и связанную с ней иерархию, которой он не готов подчиняться. Опасаясь новых сюзеренных отношений, он бросает вызов существующему порядку и изгоняется из него. Можно ли выйти из этой ситуации неразличения ожиданий и страхов друг друга?

ВСТРЕЧНЫЕ НАРРАТИВЫ

Поворотным моментом в новейшей истории отношений России и Запада стало знаменитое выступление президента Владимира Путина на Мюнхенской конференции в феврале 2007 года. В качестве основной угрозы международной стабильности тогда была названа концепция однополярного мира: «Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена»⁶.

Однако такая картина в корне противоречит представлениям об «однополярности» в западном политическом дискурсе. Достаточно обратиться к одной из последних книг Нуно Монтейро⁷, посвященных теории однополярной политики. Во-первых, однополярная

⁶ Путин В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности / В. Путин // Президент России. События. — 2007. — 10 фев. Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

⁷ Monteiro N. Theory of Unipolar Politics / N. Monteiro. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014.

система предполагает сохранение международной анархии. Во-вторых, анархическая природа международных отношений предполагает наличие многих суверенных акторов. В-третьих, все эти суверенные акторы равны в своих притязаниях на выживание. Иными словами, мир по-прежнему разделен на государства, не подчиненные никакой внешней власти. Эти государства взаимодействуют друг с другом, преследуя собственные интересы. В этом суверенные государства по-прежнему равны друг другу. Что же дает этой системе присутствие монополиса?

Монополис обладает военной мощью, превосходящей всех остальных акторов вместе взятых. Однако этой мощи недостаточно для установления полного контроля над остальными государствами. Речь может идти только об упорядочивающей роли в по-прежнему анархической системе, где «однополярная власть не гарантирует результатов»⁸. В некоторых конкретных ситуациях монополису вполне успешно могут противостоять другие великие державы, обладающие достаточной военной силой для собственной защиты.

В западной оптике либеральный по своей природе монополис может пытаться способствовать поддержанию мира путем гарантированной военной защиты себя и своих союзников и за счет попытки распространения ценностей и норм свободы, демократии и прав человека на большую часть мира. При этом он ни в коем случае не управляет другими подобно ордынскому хану или римскому императору, его возможности ограничены властью других суверенных акторов. Ровно поэтому в нашем мире возможны режимы подобные венесуэльскому, иранскому и северокорейскому.

В оптике Кремля мир трактуется принципиально иначе. Монополис наделяется возможностями единственного суверена, которому подчинены все остальные. Все государства должны ему повиноваться, и лишь немногие бросают вызов власти гегемона. Россия все последние годы отчаянно борется за свой суверенитет. Андрей Кортунов в одной из своих англоязычных статей обращает внимание на разницу в понимании равенства как фундаментальной причины расхождений между Россией и Западом; в основе российского подхода к равенству в международных отношениях, по его мнению, лежит постимперская травма⁹. Вполне возможно, что корни проблемы находятся гораздо

⁸ Ibid. P. 41–44.

⁹ Kortunov A. Russia and the West: What Does «Equality» Mean? / A. Kortunov // Russian International Affairs Council. Analytics and Comments. Articles. — 2016. — November 1. Access mode: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/russia-and-the-west-what-does-equality-mean/>

глубже: сегодняшняя российская политическая элита воспроизводит нарратив, созданный и продолжающий существовать на протяжении столетий. Другой нарратив исходит из презумпции равенства акторов, способных отстаивать свой суверенитет. Этот нарратив берет свое начало от Гоббса, если не от Фукидида. Ему тоже не одна сотня лет, и он по-прежнему доминирует в западной оптике.

Итак, существуют два противоположных нарратива в описании отношений России и Запада, каждый из которых строится на собственном понимании оснований и характера международных отношений, и в результате — создает слепое пятно в понимании противоположной стороны. Эти слепые пятна являются следствием двух разных оптик, которые по-разному объясняют структуру международного общества, в рамках которого поддерживается мировой порядок. В первом случае международная политика описывается как эгалитарная система, основанная на суверенитете и балансе сил. Во втором акцент делается на иерархии и подчинении суверенитету в рамках существующего режима гегемонии.

Основанная на эгалитаристском подходе западная оптика рассматривает Россию как нарушителя норм, правил и институтов в рамках существующего международного режима. В то же самое время строящаяся на презумпции иерархии российская оптика не согласна принимать и разделять ценности европейского международного общества, видя в этом прежде всего подчинение внешней по отношению к себе супер-власти.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО, ИЕРАРХИИ И СУВЕРЕНИТЕТ

Хотя это направление в теории международных отношений «никогда не было само по себе английским и еще меньше является таковым сегодня»¹⁰, в литературе за ним закрепилось название Английская школа¹¹. Представляя срединный путь между двумя крайностями реализма и либерализма и будучи близкой конструктивизму, по итогам первых десятилетий XXI века Английская школа может быть признана в качестве одного из доминирующих течений в современных исследованиях мировой политики.

¹⁰ Dunne T. International Relations Theories. Discipline and Diversity / T. Dunne, M. Kurki, S. Smith. — Oxford : Oxford University Press, 2010. — P. 136.

¹¹ Во многом это объясняется первыми десятилетиями ее развития вокруг созданного в 1959 году Британского комитета по международной политике, объединявшего Мартина Уайта, Эдварда Карра, Чарльза Мэннинга и других ведущих историков Великобритании для обсуждения ряда принципиальных проблем и аспектов истории и теории международных отношений (Navari, Green, 2014: 25–36).

Основным предметом исследований Английской школы является общество государств, или международное общество¹², которое рассматривается в качестве ключевого понятия, характеризующего порядок в мировой политике. Этот термин использовал в XVII веке Гуго Гроций, среди классиков теории международных отношений занимающий как раз срединную позицию между реализмом Гоббса и либерализмом Канта. Согласно данному подходу, государства не просто подобно гладиаторам вовлечены в постоянную борьбу на мировой арене, но ограничены в конфликтах общими нормами, правилами и институтами. Как полагает один из пионеров концепта международного общества Хедли Булл, в конфликтах друг с другом государства ограничены правилами и институтами общества, которое они формируют. Причем эти ограничения вызваны не только соображениями благоразумия и выгоды, но также императивами морали и права. Однако их действие не приводит к созданию космополитической общности всего человечества, но скорее способствует сосуществованию и кооперации в обществе суверенных государств¹³.

Международное общество, таким образом, описывает исторический процесс институционализации разделяемых государствами общих интересов и идентичностей и помещает в центр теории международных отношений создание и поддержание общих норм, правил и институтов. В отличие от других концепций международных систем, например, от структурного реализма Кеннета Уолца, пользующегося знаменитой метафорой бильярдного шара¹⁴, сторонники идеи международного общества полагают, что системы и процессы в социальных науках не могут быть описаны тем же путем, что и в физике¹⁵. Отсюда и возникает понятие международного общества как продукта длительной истории взаимоотношений между государствами на мировой арене.

Согласно Буллу международное общество вырастает из международной системы как простого набора государств в их более архаичной форме взаимодействия. Порядок в международной политике формируется столетиями истории совместного проживания и взаимоотношений и закрепляется в международном обществе: «Общество государств

¹² International society корректнее переводить на русский язык именно как «международное общество», а не как сообщество.

¹³ Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics* / H. Bull. — New York : Columbia University Press, 2002. — P. 25–26.

¹⁴ Согласно концепции структурного реализма К. Уолца, государства на международной арене взаимодействуют как шары на бильярдном столе. Данный подход характеризуется игнорированием внутренней структуры государств как акторов мировой политики.

¹⁵ Buzan B. *From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalisation* / B. Buzan. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004. — P. 9.

(международное общество) существует, когда группа государств ощущает общность интересов, ценностей и форм общественного устройства ... Если государства сегодня образуют международное общество, это происходит благодаря признанию неких взаимных интересов и возможно кое-каких объединяющих ценностей, они смотрят на себя как на ограниченных некими правилами в их сделках с другими такими же, как они сами. В то же время они сотрудничают в рамках таких институтов, как международное право, дипломатия и международные организации, обычаи и конвенции ведения войны»¹⁶.

Между тем, внутри Английской школы нет согласия относительно того, какова природа ограничительных норм, правил и институтов и какую роль они играют внутри международного общества. С одной стороны, по мнению Булла и его последователей из течения солидаристов, международное общество способно выработать универсальные и обязательные для соблюдения нормы. В качестве примера они приводят признание необходимости соблюдения прав человека в современном международном обществе. С другой стороны, Уайт и сторонники плюралистического течения видят в международном обществе скорее более или менее оптимальное решение проблемы, как совместить многообразие культурных ценностей в рамках хорошо упорядоченной международной системы. Поскольку государства остаются «легитимными контейнерами» культурных различий, задача международного общества состоит в том, чтобы сформулировать нормы и процедуры, которые «разделяют и сшивают» государства в единой системе¹⁷. Если в первом случае международное общество формирует общие нормы и требует следования им, то во втором речь идет скорее о согласовании разных ценностей в самой общей рамке взаимного признания суверенитета в существующих границах, следования дипломатическим процедурам и участия в работе ООН. От выбора подхода к роли ценностей в международном обществе зависит характер и условия членства в нем.

Еще более сильное расхождение касается положения отдельных государств внутри международного сообщества. Образуют ли они иерархию и каков ее характер?

По Буллу, неравенство проявляется скорее в отношениях между странами-участницами международного общества, с одной стороны, и не входящими в него субъектами, с другой. Ровно так строились отношения в колониальную эпоху между европейскими державами и Турцией, Китаем и Японией. Другой пример представляют

¹⁶ Bull H. The Anarchical Society... P. 13.

¹⁷ Dunne T. Inventing International Society: A History of the English School / T. Dunne. — London : MacMillan Press, 1998. — P. 11.

отношения греческих полисов между собой и с Персидской империей: общие нормы работали в первом случае и отсутствовали во втором¹⁸. Наличие сверхдержав и их гегемонии здесь признается в качестве одного из системных факторов, но особенно не педалируется. В случае международного общества равенство обусловлено суверенитетом, правом, которое подразумевает «обязательства (как минимум) воздерживаться от вмешательства в дела других государств и уважать их территориальную целостность»¹⁹.

Однако, в свою очередь Уайт представляет международное общество как совсем не эгалитарную систему, в которую государства включены на основании сюзеренных отношений. Не имеющее статуса великой державы государство может быть включено в международное общество только на условиях подчинения. Что же касается не входящей в международное общество великой державы, то условием ее инкорпорирования может стать только отказ от своего статуса в пользу доминирующего сюзерена и соответственно принятие подчиненного положения.

Два этих разных взгляда на устройство международного общества позволяют понять два разных нарратива, описывающих проблему интеграции России в международное общество. Каждая из двух оптик предлагает свой ответ и не замечает противоположной точки зрения. От того, насколько глубоко и осмысленно носители обоих нарративов начнут слышать и понимать друг друга, во многом зависят перспективы отношений России и Европы.

НАРРАТИВ ЭГАЛИТАРНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА (ОПТИКА ЕВРОПЫ)

Феномен современного международного общества уходит корнями в европейскую историю XV–XVII столетий, когда происходило его становление в результате дезинтеграции универсальной политической организации западного христианства под властью Римского престола и аффилированной с ним империи Габсбургов. К концу этого периода сложились первые государства Нового времени и структура отношений между ними, связанная со взаимным признанием суверенитета и поддержанием баланса сил. Соответствующие нормы, правила и институты были закреплены Вестфальским миром 1648 года и Утрехтским договором 1713 года²⁰.

¹⁸ Bull H. The Anarchical Society... P. 13–14.

¹⁹ Dunne T. Inventing International Society... P. 10.

²⁰ Bull H. The Anarchical Society... P. 26–31, 35.

Эгалитарный характер европейского международного общества был обусловлен именно принципом суверенитета, когда государства стали признавать наличие друг у друга достаточного количества власти для удержания контроля над своими землями и населением. Борьба между государствами за территории продолжалась еще по меньшей мере два столетия, что служило архаическим способом балансирования держав между собой. Никто в Европе уже не мыслил отношения в рамках сюзеренитета эпохи Средневековья, на смену которому пришло равенство суверенитетов.

В конце XV века на северо-востоке Европы сложилось централизованное Российское государство. Освободившись от ордынского ига, в последующие два столетия Русь подчинила себе практически все территории Золотой Орды от татарских ханств в Среднем и Нижнем Поволжье до северной границы китайской империи Цин на Амуре. Параллельно великие князья московские провозгласили себя наследниками Византийской империи. Однако в сближении с Европой и тем более со вступлением в европейское международное общество с самого начала возникли немалые трудности.

Норвежский последователь Английской школы Ивер Нойманн объясняет эти трудности особыми рамками «долгой» культурной памяти правителей Московии, тесно связанными с наследием Золотой Орды. Представления великих князей московских о государственной власти, внутренней структуре управления и способах взаимодействия с другими государствами на международной арене были сформированы и закреплены в качестве паттерна поведения длительным периодом подчинения монгольским сюзеренам. В то время, как в Европе шло активное складывание системы суверенитетов, Россия продолжала существовать и действовать в международном контексте в соответствии с усвоенными нормами ордынского сюзеренитета. При этом участие в обществе европейских правителей было возможно только при условии перехода от сюзеренных отношений к понятию «суверенной системы»²¹.

Русь вышла из сюзеренитета путем особенным для Европы, но весьма характерным для Азии. Унаследовав земли бывшего сюзерена, она стала требовать от европейских соседей невозможного — признавать титул своего правителя на уровне царского, по понятиям Европы — императорского. Государь всея Руси таким образом заявлял о претензиях на власть на уровне императора Священной Римской империи, с которым воевала вся остальная Европа. Провозгласивший себя царем Иван IV в соответствии с

²¹ Neumann I. Entry into International Society Reconceptualised: the Case of Russia / I. Neumann // Review of International Studies. — 2011. — Vol. 37. — No. 2. — P. 470.

ордынской традицией пытался облагать соседние европейские страны данью. После того, как Ливония отказалась платить, он начал долгую войну, которую проиграл. В глазах европейских визави подобное поведение плотно ассоциировалось с азиатчиной²². При этом географически ближайšie к России страны Европы видели ее слабость и пользовались ею (Польша и Швеция в годы Смутного времени).

Однако представители старшего поколения Английской школы все же признавали участие России в международном обществе, начиная с периода реформ Петра I. С этого момента русские послы стали направляться в основные европейские столицы, а в Санкт-Петербурге появились постоянные представители стран Европы. Модернизированная и вестернизированная петровскими реформами Россия, наряду с Пруссией, оказалась признанной в числе новых великих держав Европы. Как отмечает Адам Уотсон, породнившиеся с другими европейскими династиями Романовы с этого момента стали ведущими членами «клуба суверенов»²³.

Более того, после победы над Наполеоном и Венского конгресса «концерт великих держав» был установлен в Европе под совместной гегемонией Британской и Российской империй²⁴. Однако к середине столетия этот относительно краткий период закончился изоляцией России, которая в ходе Крымской войны неудачно противостояла коалиции европейских стран во главе с Великобританией. Парижский мир 1856 года ограничил российское влияние на Черном море и Балканах, подорвав экспансию империи Романовых на территории Османской империи. Нарушив положения Парижского мира и начав очередную войну с турками весной 1877 года, Александр II фактически вышел из «концерта великих держав»²⁵. Таким образом, даже в этот наиболее благоприятный для России исторический период, ее положение в Европе было не вполне устойчивым.

В XX веке международное общество вышло за пределы Европы, охватив весь мир и став глобальным. Однако дистанция между Россией и этим изначально европоцентричным порядком в начальный период глобализации только увеличилась. Во-первых, Октябрьская революция предложила миру альтернативную кантовской универсальную доктрину объединения человечества во всемирную федерацию советских республик²⁶. Во-вторых,

²² Ibid. P. 482.

²³ Watson A. *The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis* / A. Watson. — NY : Routledge, 2009. — P. 199–200.

²⁴ Clark I. *Hegemony in International Society* / I. Clark. — Oxford : Oxford University Press, 2011. — P. 74.

²⁵ Ibid. P. 84.

²⁶ Bull H. *The Anarchical Society...* P. 36.

СССР не смог полностью присоединиться к западному альянсу победителей после Второй мировой войны, хотя с 1941 по 1945 год отношения Сталина с союзниками по антигитлеровской коалиции²⁷ вполне могут быть описаны в терминах международного общества. Последнее обстоятельство обернулось длительным периодом холодной войны.

В ходе разгоревшегося идеологического по своей природе конфликта противоборствующие стороны смотрели друг на друга как на внешнюю по отношению к объединению своих союзников силу. В период «холодной войны» США и СССР говорили друг о друге, как о «еретиках или изгоях» за железным занавесом, нежели как о членах одного международного общества. Однако даже в самые сложные периоды они не обрывали дипломатических отношений, не отказывались от признания суверенитета друг друга и от общих принципов международного права, не пытались спровоцировать распад ООН. С обеих сторон звучали голоса в пользу компромисса, переключения внимания на общие интересы и следования секулярной форме принципа *cuius regio, eius religio*, чья власть, того и религия²⁸. Таким образом, между двумя блоками сохранялись базовые договоренности, достигнутые на стадии формирования европейского международного общества времен Вестфальского мира после окончания Тридцатилетней войны. И все же такие отношения с Западом во второй половине прошлого столетия свидетельствовали скорее о существовании на границе международного общества, чем о полноценном участии в нем.

Почему на протяжении многих столетий Россия продолжает находиться на внешнем контуре объединенной Европы, оставаясь «вечным абитуриентом» международного общества? Нойманн дает на этот вопрос неожиданный ответ: не получив признания равного статуса, Москва все это время сопротивляется тому, чтобы стать частью новой суверенной системы²⁹. Сам он, как уже говорилось, объясняет это рамками российской культурной памяти, связанными с опытом ордынского ига.

²⁷ Америка и Великобритания вслед за Рузвельтом описывали антигитлеровскую коалицию как «объединенные нации» (Union Nations).

²⁸ Bull H. *The Anarchical Society...* P. 40–41.

²⁹ Neumann I. *Entry into International Society...* P. 484.

НАРРАТИВ ИЕРАРХИЧЕСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА (ОПТИКА МОСКВЫ)

Однако в тени остается вопрос, насколько равноправной представляется система международного общества в глазах самой России и почему так происходит. Если вступающего в отношения субъекта не признают в качестве равного, есть все основания сомневаться в реальном равноправии в обществе, к которому он хотел бы присоединиться. Нарратив существенно меняется, если посмотреть с другого ракурса.

Важным обстоятельством, торпедирующим представление международного общества как эгалитарного порядка, является наличие гегемонии. Особенную актуальность эта проблема приобрела в период после окончания «холодной войны», когда США сосредоточили несопоставимую с остальными государствами мощь и стали претендовать на роль униполярной силы в глобальном масштабе. Ни одна система суверенных государств никогда ранее не предполагала наличия одного государства со схожим уровнем материального превосходства над всеми остальными³⁰.

При этом гегемония вовсе не может считаться новым явлением в мировой истории. Для поддержания устойчивого международного порядка необходима именно гегемония, писал Эдвард Карр, чьи труды лежат в основании Английской школы³¹. Современной американской униполярности предшествовало британское «владычество морей», еще раньше в Европе наблюдалось господство Франции Людовика XIV и империи Габсбургов. Отношения гегемона с остальными участниками международного общества, даже обставленные сдержанностью и толерантностью, в любом случае предполагают ту или иную форму подчинения.

Следовательно, в условиях гегемонии структура международного общества может напоминать сюзеренитет. Новые участники принимаются в него на основании подчинения власти держащего порядок сюзерена. Игнорирующая это требование страна исключается либо маргинализируется внутри системы международного порядка. Это обстоятельство важнее факта наличия суверенитета, который в условиях гегемонии по факту ограничен властью доминирующей сверхдержавы.

Взгляд на российско-европейские отношения с позиции признания факта подчинения в международном обществе дополняет историческую картину существенными

³⁰ Clark I. Hegemony in International Society... P. 3.

³¹ Carr E. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations / E. Carr. — NY : Palgrave Macmillan, 2001. — P. 213–217.

деталюми. Так, желание Ивана IV именоваться царем наравне с императором Священной Римской империи или постоянные споры о царском титуле на переговорах русских с поляками в XVII веке могут быть описаны в терминах борьбы за равноправие и нежелания подчиняться более сильному партнеру. Как справедливо отмечает Доминик Ливен, «уязвимость и слабость были по крайней мере таким же мощным фактором российской внешней политики, как инстинкт территориальной экспансии»³². Эти уязвимость и слабость действительно могут считаться родовой травмой российского государства, непосредственно влияющей на ее внешнюю политику. Отсюда и постоянные опасения подчинения под видом приглашения к равноправному участию, которые сохраняются у России до сих пор.

В то же время именно в XVI-XVII столетиях европейское международное общество развивалось в результате неудачной борьбы Габсбургов за гегемонию к установлению вместо нее системы суверенитетов. Поэтому Уотсон называет Вестфальский мир «уставом Европы, перманентно организованной на антигегемонистском принципе»³³. Антигегемонистские альянсы складывались на протяжении последующих полутора столетий, будь то борьба с Австрией, Францией или Швецией.

Собственно вхождение Романовых в семью европейских монархов ознаменовалось их активным участием и лидерством в Северном союзе, направленном против гегемонистских устремлений шведской короны на Балтийском море. Дания, Польша, Россия и Саксония заключили военный союз против Швеции. В результате именно российская сторона продемонстрировала себя в качестве наиболее эффективной силы, способной остановить шведскую гегемонию и покончить с ней навсегда. По всей видимости, именно это обстоятельство способствовало всеобщему признанию новой империи Петра I одной из великих держав Европы.

Столетие спустя в Европе и Азии развернулась российско-британская борьба за гегемонию. Провозглашенная в 1707 году Великобритания формально оформилась как империя только на 14 лет раньше России (1721), однако к началу XIX века две державы представляли противоположные социальные, экономические и политические системы. Русские выступали оплотом «старого порядка» в Европе, а британцы — пионерами и проводниками нового капиталистического уклада по всему миру. При этом силы

³² Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Д. Ливен. — пер. с англ. А. Козлова, А. Платонова. — Москва : Европа, 2007. — С. 422.

³³ Watson A. The Evolution of International Society... P. 182.

изначально оказались неравными. Если британская финансовая мощь позволяла оказывать давление на третьи страны без прямого военного вмешательства, то Россия не обладала такими «неформальными» рычагами давления и была вынуждена действовать исключительно путем использования грубой силы³⁴. Это ставило российский внешнеполитический курс в заведомо проигрышную позицию.

Арсенал британского доминирования был значительно богаче и шире. В XIX столетии флот империи обеспечивал порядок на морях и гарантировал иммунитет от крупных войн. Финансовый рынок Лондона установил единый стандарт фактически для всего мира, а британская коммерция защищала широкое распространение принципа свободной торговли. Наконец английский язык стал играть роль *lingua franca* на четырех континентах³⁵. Россия пыталась противостоять господству Великобритании путем собственной экспансии — европейская система международных отношений вынуждала все великие державы постоянно заботиться об увеличении своей мощи для защиты собственных интересов³⁶. Однако в результате Крымской войны ее силы и международное влияние были существенно подорваны. Маргинализация Российской империи в европейском международном обществе в этот период была в первую очередь обусловлена проигрышем борьбы за гегемонию.

Неудачное соперничество с Великобританией в известной степени способствовало антикапиталистическому вектору развития, выбранному Россией в дальнейшем. Бенно Тешке, вопреки Марксу, не считает распространение капитализма экономическим процессом. Это процесс геополитический, в ходе которого столкнувшиеся с угрозой исчезновения докапиталистические государства были вынуждены как-то реагировать: одни начинали усваивать новую политику, приспособив ее к собственным условиям, другие придумывали «радикальные контрстратегии». Среди последних наиболее успешной оказался социализм³⁷. В начале XX века Россия «имела все основания полагать, что законы международного либерального капитализма работают против нее»³⁸. Это создало большевистскую модель, в рамках которой Советский Союз развивал свои

³⁴ Ливен Д. Там же. С. 423.

³⁵ Carr E. *The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations* / E. Carr. — NY: Palgrave Macmillan, 2001. — С. 213.

³⁶ Ливен Д. Там же. С. 425.

³⁷ Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. / Б. Тешке. — пер. с англ. Д. Кралечкина. — Москва : Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2011. — С.380.

³⁸ Ливен Д. Там же. С. 424.

бескрайние пространства «в концентрированных соединениях индустриального и крупного аграрного производства»³⁹. Этот путь обеспечивал суверенитет страны.

По итогам Второй мировой войны, вопреки ожиданиям Рузвельта, Сталин не мог отказаться от социализма в пользу признания правил Бреттон-Вудской системы, так как в его оптике это стоило бы суверенитета Советскому Союзу. «Холодная война» началась с того, что США и их западные союзники подозревали СССР в желании подчинить коммунистическим порядкам всю Европу, а советские вожди, напротив, опасались, что распространение капитализма приведет к распаду и гибели их страны⁴⁰. Этот случай наглядно иллюстрирует наличие слепых пятен в оптике обеих сторон, которые сохраняются и в сегодняшних отношениях России и Запада.

«СЛЕПЫЕ ПЯТНА» РОССИИ И ЕВРОПЫ

Итак, мы можем наблюдать два нарратива, основанных на двух оптиках интерпретации взаимоотношений России и Запада. Первый исходит из наличия политического равенства акторов на мировой арене и строится на усмотрении в российских действиях вызова для существующего миропорядка. Россия не желает в полной мере подчиняться принятому кодексу поведения и поэтому ее положение в международном обществе всячески маргинализуется. Противоположный (российский) нарратив видит в международном обществе прежде всего гегемонию и связанную с ней иерархию, которой он не готов подчиняться. Опасаясь новых сюзеренных отношений, он бросает вызов существующему порядку и изгоняется из него.

При этом ни та, ни другая сторона не понимают оптики друг друга. Слепое пятно сторонников эгалитаристского подхода состоит в том, что они принципиально не замечают опасений своего визави быть подчиненным brutальным и деспотическим образом. В пользу этого сценария говорит коллективная память сторонников иерархического взгляда, которые в свою очередь не хотят видеть, что никто не собирается покушаться на их суверенитет. Наоборот, следование нормам, правилам и институтам предполагает в первую очередь неприкосновенность суверенитета во всем, что касается государственных границ и культурной идентичности каждого участника международного общества. Однако это и правда непросто понять стране, травмированной иностранным игом далекого

³⁹ Carr E. Ibid. P. 212.

⁴⁰ Кальвокоресси П. Мировая политика с 1945 года / П. Кальвокоресси. — пер. с англ. — Москва : Международные отношения, 2016. — С. 18–19.

прошлого и страшной войной XX века. Стремясь подчинить других, она лишь защищается от внешнего мира в соответствии с диктуемым собственной культурной традицией пониманием экзистенциальных угроз.

Можно ли выйти из этой ситуации неразличения ожиданий и страхов друг друга? Опубликованный не так давно при поддержке министерства иностранных дел Германии доклад группы «Иммеддио» говорит о необходимости продолжения диалога российских и европейских экспертов и создании «островов сотрудничества» даже в условиях эскалации конфликта⁴¹. Такой подход выглядит в высшей степени морально оправданным в сложившейся ситуации.

Слепые пятна не так просто преодолеть, учитывая опыт российско-европейских отношений последних 400 лет. Однако современный мир с его все более прозрачными границами для общения миллионов людей создает некоторые предпосылки для созревания нового поколения, которое действительно сумеет отказаться от страхов и предрассудков прошлого. Такой исход представляется особенно вероятным, если в международном диалоге наряду с государствами и политическими элитами начнут принимать участие обычные граждане, руководствуясь кантианским принципом всеобщего гостеприимства. Это все еще возможно, пока не понимающие оптики друг друга правители не довели свои народы до полной катастрофы.

⁴¹ Inmedio Group. Russian-Western Blind Spots: From Dialogue on Contested Narratives to Improved Understanding // Berlin : Inmedio peace consult ggmbh, 2019. — ILPP. — С. 41–44.

ВНУТРЕННИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Иван Курилла,

профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

РЕСТАВРАЦИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: ВНУТРЕННИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ И В США

В современном мире главные угрозы элитам ядерных держав находятся не вне страны, а внутри нее. В ситуации, когда внешними угрозами можно пренебрегать, внешнюю политику можно конструировать как подчиненную внутренней. Для населения же международная политика — это упрощенная картина мира, обозначающая основные характеристики и границы «своего» и «чужого». И в России, и в США внешняя политика тесно связано с динамикой внутренних расколов — она позволяет вытеснять, интренационализировать связанные с ними конфликты. В то время как в США Россия в качестве «Другого» (внутреннего антагониста) начинает уступать свое место Китаю, в России демонизация США непосредственно связана с задачами контроля и несменяемости власти.

Констатируя, что отношения между Россией и США все больше напоминают период «холодной войны», историки не устают указывать на коренные отличия двух периодов. На наличие во второй половине XX века двух соревнующихся образов будущего, двух идеологий, борющихся за умы и сердца человечества, и двух социально-экономических систем, несовместимых друг с другом; и на отсутствие всего этого, также как мировой социалистической системы и Варшавского договора сегодня. И тем не менее, риторика и дипломатическая практика в российско-американских отношениях напоминают периоды, предшествовавшие даже не перестройке 1980-х, но разрядке начала 1970-х годов, и, вероятно, даже Карибскому кризису 1962 года. В самом деле, когда в прошлый раз Россия (или СССР) и США массово высылали дипломатов и закрывали консульства? Когда ставились под угрозу даже переговоры по стратегическим вооружениям? Когда лидеры двух стран не стеснялись в выражениях, характеризуя друг друга?

«НОВАЯ РАМКА»: ПЕРСПЕКТИВА ЭЛИТ

Самые распространенные объяснения такой ситуации связывают с теми или иными действиями руководства России или США. В зависимости от собственных политических предпочтений аналитики напоминают об аннексии Крыма и вмешательстве в американские выборы или о признании независимости Косово и расширении НАТО. Некоторые, в стремлении быть объективными, упоминают ответственность обеих сторон, перечисляя все внешнеполитические решения Кремля и Белого дома, обострявшие ситуацию. (Не вступая в этот спор, я хотел бы напомнить, что самые резкие шаги последних лет не идут в сравнение с решениями периода классической «холодной войны»: ничего подобного Карибскому или любому из Берлинских кризисов в нынешнем мире нет).

Однако ответ на вопрос о причинах нынешней конфронтации, как мне представляется, надо искать на другом уровне обобщения. Смее предположить, что сегодняшняя ситуация является совершенно новым этапом международных отношений; однако использование риторики «холодной войны» в ней не случайно, и является важным для понимания сущностных основ современного этапа российско-американских отношений и мировой политики в целом.

Попробуем обозначить особенности этого этапа. На протяжении жизни нынешнего поколения изменились представления о международных отношениях, разделяемые элитами современных стран, с одной стороны, и массами — с другой.

Начнем с элит. Сегодняшние элиты пришли к власти после окончания «холодной войны». Главный урок, который они вынесли из того времени, заключается в убеждении, что ядерные державы между собой не воюют. Все кризисы периода советско-американского противостояния ретроспективно представляются сегодня доказательством этого тезиса: ни Берлин, ни Куба не привели к военному конфликту СССР и США. То, что предыдущему поколению политиков представлялось большой победой здравого смысла и стремления к миру, теперь воспринимается как единственно возможный исход. Если в период «холодной войны» политика «ядерного сдерживания» считалась уделом «ястребов», то теперь она выглядит как аксиома. В науке о международных отношениях существует гипотеза «демократического мира», утверждающая, что демократические страны не воюют между собой; можно, очевидно, сформулировать и гипотезу «ядерного мира»: страны с ядерным оружием между собой не воюют, а значит, войны между современным воплощением «великих держав» в современном мире невозможны.

Именно поэтому, кстати, обладать ядерным оружием стремятся страны, опасющиеся за свою внешнюю безопасность, — не только Индия и Пакистан, но и Северная Корея, и мы знаем, что еще ряд стран хотел бы иметь ядерную бомбу.

Факт, что нынешнее поколение элит выросло в мире, в котором большая война считается невозможной, воспитал в них отличное от их предшественников представление о внешней политике. Если раньше, на протяжении нескольких веков, война всегда существовала как политическая угроза номер один, и ум любого политика всегда был занят поиском союзников, поддержанием международного баланса, поддержанием боеспособности и мобилизационных ресурсов, то с момента, когда элиты поверили, что войны не будет, и основная угроза их положению больше не находится за рубежом, отношение к задачам внешней политики изменилось. Конечно, боеспособность ядерных сил, поддержание паритета и недопущение случайных конфликтов остаются важными задачами военной и внешней политики, — но очевидно, что страха большого конфликта, определявшего советско-американские отношения на протяжении десятилетий, больше нет. В современном мире главные угрозы элитам ядерных держав находятся не вне страны, а внутри нее. В ситуации, когда внешними угрозами можно пренебрегать, всю внешнюю политику можно конструировать как подчиненную внутренней.

НОВАЯ СТАРАЯ РАМКА: ПЕРСПЕКТИВА МАССОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

И тут я перехожу к тому, чем является внешняя политика для больших масс населения в тех странах, где население вообще как-то интересуется внешней политикой. Не могу с уверенностью сказать, что такой интерес характерен для населения всех стран, но для России, стран Европы, и — в меньшей степени — для США его нельзя отрицать. Информация о международных отношениях и политике других стран является частью постоянного потока новостей, но при этом в наименьшей степени затрагивает непосредственные интересы большинства.

Что же такое внешняя политика для людей, не вовлеченных в ее формирование и осуществление, не занятых в международной торговле или других постоянных контактах? С моей точки зрения — это прежде всего структурированная система взглядов на то, «как все устроено». То есть внешняя политика — это дискурсивная структура, объясняющая, как устроен мир, а также борьба вокруг этого объяснения. Близкую роль играют также

массовые представления о прошлом, — и не случайно мы видим в последние годы, что политики все чаще описывают свою внешнюю политику через историю и стремятся установить контроль над прошлым как гарантию защиты от внешних угроз.

Подобные объяснения для людей традиционного общества, и я бы сказал, для любых неспециалистов, хорошо описываются как мифологические. В них доминируют бинарные противопоставления. Всегда есть хорошие и плохие персонажи и страны, «черное» и «белое», «мы» и «они».

Конечно, подобные представления о международных отношениях существуют уже столетия, но до XIX века (а для большинства стран — до второй половины XX века) массы участвовали во внешней политике только в периоды войн в роли солдат. Именно в эти моменты изображения противника упрощались буквально до лубка. Элиты же (как правило, довольно космополитичные и далекие от бинарных черно-белых представлений о мире) могли проводить внешнюю политику, не оглядываясь на массы своих граждан. С началом же массовой политики, демократизацией в одних странах и тоталитарной мобилизацией в других, массовые представления о внешней политике и внешних угрозах стали важным фактором поддержания легитимности политических режимов, а элиты уже не могли действовать невзирая на эти представления.

В период холодной войны бинарные представления масс об устройстве мира особенно хорошо совпали с устройством мирового порядка. Известно, что биполярное устройство мира после окончания Второй мировой войны часто называют уникальным и исключительным, предполагая, будто полицентричность международных отношений является некой «нормой». Однако я бы предположил, что именно ситуация холодной войны с ее биполярным противостоянием наилучшим образом совпала с мифологическим сознанием масс, и именно такое положение воспринимается массами как «норма». Пропаганда и массовая культура СССР и США воспроизводили эту бинарность многомиллионными тиражами, закрепляя ее мифологию в умах своих сограждан.

Однако, вскоре после того, как массовые представления об устройстве мира и реалии советско-американского противостояния сложились в гармоничное единство, «холодная война» закончилась. И тогда возникла новая проблема: бинарному делению мира как мифологизированной разметке политики больше не соответствовала ситуация в международных отношениях. Американцы и россияне больше не были врагами, не могли наложить на свои отношения лекала «хорошие парни — плохие парни». Начиная с этого момента раскол стал перемещаться во внутреннюю политику.

В России внутренний конфликт возник практически сразу же, в 1990-е годы. Радикальные политические перемены и экономические реформы вызвали к жизни гражданское противостояние, в котором стороны — «демократы» и «патриоты» — видели друг в друге экзистенциальное зло. Конфликт прорывался эпизодами гражданской войны осенью 1993 года в Москве. Выход из этого противостояния наметился только в новом столетии, когда усталость россиян от конфликта удачно использовал Владимир Путин, сделавший его преодоление частью своей программы первых лет у власти. Целый ряд символических политических мер был нацелен на создание внутреннего единства. Именно тогда в жизнь вошло сочетание имперского герба, советского гимна и республиканского флага.

Однако изживание конфликта внутри страны потребовало восстановления бинарной картины мира и противоположного «полюса» за пределами российских границ. В 2007 году Путин обозначил этот полюс — им стали те же Соединенные Штаты, что занимали место «Другого» на протяжении «холодной войны»⁴². Именно перемены во внутренней политике привели к восстановлению картины мира, характерной для «холодной войны».

Когда в ходе протестов против фальсифицированных итогов выборов 2011 года в России обнаружилась реальная оппозиция правящему режиму, пропаганда немедленно «экспортировала» оппозицию, описав ее как часть того же, вынесенного за пределы России полюса. С этого момента правящий режим планомерно вытеснял оппозицию за рубеж: в реальной жизни — в эмиграцию, в риторической, — придумав ярлыки «иностранных агентов». Причем развитие этой практики шло от объявления «агентами» оппозиционных организаций в направлении маргинализации любых независимых голосов, теперь технически оказывающихся частью внешнего враждебного полюса. Внутри России оппозиции «единству» быть не может, разделительные линии политического пространства совпадают с государственными границами.

⁴² О понятии «другого» в конструктивистских интерпретациях международной политики см., например: Нойманн И. Использование "другого". Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. — Москва : Новое издательство, 2004.

ВНУТРЕННИЕ ЗАДАЧИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В США 1990-е годы прошли под знаком эйфории от «победы в холодной войне» и экономического роста, однако внимательные исследователи отмечали, что уже в это время голосование представителей двух партий в Конгрессе все реже бывало солидарным. Политическая система США начала движение к расколу, вырвавшемуся на улицы с избранием президентом Дональда Трампа в 2016 году. С исчезновением внешнего полюса в американском обществе началась радикализация внутреннего противостояния, и в конце концов там тоже потребовался «враждебный полюс» вне страны. Американские элиты пытались сконструировать новый полюс из Ирака, некоторое время видели его в глобальном терроре Аль-Каиды, но ко второй половине прошлого десятилетия Россия вновь вернулась на эту роль, как в результате действий Кремля, так и в силу ее традиционного места в американском дискурсе.

Надо понимать, что элиты двух стран одновременно подогревают конфликт, используя его во внутривнутриполитических целях (достаточно посмотреть на маргинализацию и даже криминализацию оппозиции в России и на постоянные обвинения Дональда Трампа в связях с Россией в США), но также являются его заложниками, не имея возможности сделать шаг навстречу без риска быть обвиненными в предательстве интересов своей страны.

При этом надо признать, что в собственно международных отношениях причин для острого конфликта России и США нет. Россия составляет серьезную конкуренцию США разве что в торговле оружием, а в большой российско-украинский конфликт Вашингтон не склонен вмешиваться слишком глубоко. Главной угрозой является вероятность того, что риторика, имеющая внутривнутриполитическое происхождение, спровоцирует острый международный конфликт. Поэтому важно, что в возможность войны элиты не верят. Именно это неверие облегчило возвращение к риторическим формулам «холодной войны». В силу этого же неверия Россия продолжает занимать место такого полюса для США, хотя многие объективные показатели и ряд американских политиков указывают на Китай как на новую угрозу: пока внешняя угроза остается риторической конструкцией, образ «традиционного врага» оказывается важнее экономических показателей. Именно запрос на наличие такого внешнего полюса стал причиной новой конфронтации.

Надо специально оговорить, что для подавляющего большинства стран мира, не обладающих ядерным оружием, многое остается прежним. Они не гарантированы от

конфликта между собой или с ядерной державой. Но даже их политика подстраивается под особенности нового этапа международных отношений, в котором большая война представляется невозможной, и в силу этого таким притягательным является вступление в военный альянс с кем-то из постоянных членов Совета безопасности ООН: в отличие от эпохи мировых войн членство в НАТО или ОДКБ представляется лучшей защитой от нападения, чем последовательный нейтралитет.

Очевидно, активное внутривластное использование международных отношений препятствует собственно целям внешней политики. То, что мы знаем о встрече Путина и Байдена в июне 2021 года, говорит о стремлении обеих сторон развести собственно внешнюю политику и риторику на внешнеполитические темы, имеющую внутривластные задачи. Однако эта задача может оказаться недостижимой: любой внутривластный кризис немедленно актуализирует использование внешнего «Другого». Тем не менее, существует способ улучшения российско-американских отношений и без выхода из этой концептуальной схемы. Для этого надо, чтобы «внешний полюс» политической картины мира оказался размещен где-то еще. На протяжении 1990-х годов в России шел поиск альтернативного «Другого». На его роль пробовались исламские террористы и блок НАТО (каждая отдельная страна в НАТО была дружественной, а вот сам блок — агрессивным), но США оказались более привычным «Другим». В США в последние годы идут горячие дебаты о сравнительной «опасности» России и Китая.

Я не исключаю того, что кризис в США в последние пять лет — с его использованием России как конституирующего «Другого» — является моментом вытеснения России из этой роли. Как конфликт вокруг памяти о Гражданской войне сопровождается вытеснением Гражданской войны из роли осевого события американской истории (на это место приходит период Движения за гражданские права), так и конфликт вокруг «российского вмешательства» сопровождается вытеснением России из роли конституирующего «Другого». Так ли это — нам предстоит увидеть в среднесрочной перспективе.

В России, по всей видимости, Соединенные Штаты на протяжении обозримого будущего будут продолжать использоваться в качестве «Другого». Однако наш опыт обращения с «Другим» более разнообразен: в прошлом, в зависимости от внутривластных причин, Россия видела в «Другом» не только угрозу, но и стимул к развитию и источник технологий и экономических решений. Пока российская правящая

группа настроена исключительно на задачу удержания власти, США будут демонизироваться, но как только задачи элит изменятся с консервации на развитие, можно ожидать новой интенсификации российского интереса к американскому опыту.

Игорь Зевелев,
*профессор Московского государственного института
международных отношений*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Феноменом российской политической эволюции со второй половины 2000-х годов стала масштабная экспансия дискурса национальной идентичности во внешнеполитическую риторiku. Важнейшей чертой официального российского внешнеполитического дискурса стала секьюритизация вопросов идентичности, то есть их политизация и возведение в ранг вопросов национальной безопасности. Внешняя политика становится инструментом конструирования национальной идентичности для российской элиты. В отношениях со странами, где вопросы российской идентичности не столь важны (страны Азии и Ближнего Востока), прагматизм позволяет российской внешней политике добиваться успехов. В отношениях со странами Запада и с соседями по постсоветскому пространству конструирующая национальную идентичность мифология вступает в конфликт с прагматизмом.

ТРИ ПОДХОДА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В июле 2021 года указом президента был утвержден базовый документ стратегического планирования на долгосрочную перспективу — новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации⁴³. Отражая господствующие настроения в Кремле и — шире — в российской элите, документ исходит из того, что противоборство России с Западом приняло затяжной и долговременный характер. По этому вопросу в Москве достигнут почти полный консенсус не только в госаппарате, но и в экспертном сообществе. Однако ответы на вопрос, почему так получилось и как из этой ситуации выходить, могут быть разные — и здесь консенсуса нет.

⁴³ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 года. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>

Согласно первому подходу, причины конфликта надо искать в природе современного российского политического режима. Формирующаяся на наших глазах внешнеполитическая доктрина Байдена исходит из того, что система международных отношений задана противостоянием демократий и авторитарных режимов, прежде всего китайского и российского⁴⁴. В логике «либеральной» теории международных отношений демократизация России в будущем повлечет за собой прекращение конфронтации⁴⁵.

В рамках этого подхода трудно найти ответы на вопросы, каким образом примирить интересы России и США в области евро-атлантической безопасности, в вопросе роли НАТО и его расширения, процессов на постсоветском пространстве. Демократизация избирательного процесса, сменяемость власти, укрепление гражданского общества, установление эффективных законов и практики в области собственности, сокращение коррупции в России не обязательно исключают сохранение серьезных разногласий с Соединенными Штатами по поводу принципов, которые формируют новую международную систему. Уже в середине 90-х годов прошлого века, еще до того, как министром иностранных дел стал Е. М. Примаков, эти вопросы встали весьма остро, хотя сейчас и кажется, что это был период плодотворного сотрудничества между Россией и Западом практически по всем направлениям. Представляется, что градус противостояния в случае политических изменений в России можно будет быстро понизить, но ликвидировать многочисленные противоречия будет довольно трудно. Политические изменения в России совершенно не обязательно приведут к немедленному смягчению серьезных разногласий с Соединенными Штатами и Европой.

Второй подход — это традиционный для науки и практики международных отношений «реалистический» взгляд, акцентирующий борьбу за выживание, национальные интересы и конкуренцию. С трудом объясняя изменения в поведении государств на международной арене, происходящие по внутривнутриполитическим причинам,

⁴⁴ См.: Brands H. The Emerging Biden Doctrine / H. Brands // Foreign Affairs. — 2021. — June 29. Access mode: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-06-29/emerging-biden-doctrine>

⁴⁵ См., например, работы Майкла Макфола. На протяжении многих лет он утверждает, что демократия в России является предварительным условием всестороннего сотрудничества с США. См., например, его письменные показания в Комитете по международным делам Палаты представителей Конгресса США вскоре после терактов 11 сентября, когда казалось, что всестороннее сотрудничество вполне возможно. Макфол тогда сказал: «Россия станет полноценным союзником США только в том случае, если Россия станет полноценной демократией» (Testimony of Dr. Michael McFaul. — Johnson's Russia List. — 2001. — No. 5507. — October 25. Режим доступа: <http://www.cdi.org/russia/johnson/5507-10.cfm>). Из недавних публикаций, см.: McFaul M. Putin, Putinism, and the Domestic Determinants of Russian Foreign Policy / M. McFaul // International Security. — 2020. — Vol. 45. — P. 95–139.

этот подход фактически предполагает, что великие державы обречены на вечную конкуренцию, которая неизбежно перерастает в определенные исторические периоды в противостояние и даже в конфронтацию⁴⁶.

Представляется, что оба подхода необходимы, но недостаточны для объяснения причин современного противостояния России и стран Запада. Каждый из них высвечивает важные аспекты проблемы, но часть вопросов остается без ответа. Третий взгляд на международные отношения — конструктивизм — может существенным образом дополнить анализ взаимоотношений России и Запада с точек зрения «либерального» и «реалистического» подходов.

В результате заимствования наукой о международных отношениях некоторых концепций коллективной идентичности возникли «критические теории», акцентирующие нарративы и представления о стране и мире и их влияние на внешнюю политику. Эти теории, исходящие из первостепенной роли идей, ценностей, представлений и мифов о национальной идентичности для понимания внешней политики, могут быть весьма продуктивно применены к анализу современного состояния взаимоотношений России и «коллективного Запада».

Взаимодействие России с США и странами Европы может быть понято не как отношения между национальными государствами и их союзами, отличающихся с точек зрения типов политических систем или военной силы, а как встреча субъектов с поразительно разным восприятием себя и мира. Простые шкалы зрелости демократии («либеральная» перспектива) или «силы и влияния» («реалистическая» перспектива) не являются эффективными измерениями этих различий. Напротив, подход, основанный на изучении различий в коллективных идентичностях, может обеспечить полезный аналитический инструмент для изучения взаимодействия России и Запада.

Современная Россия — почти идеальный кейс для применения конструктивистского подхода. Начиная с 2012, и особенно с 2014 года, отечественные дискурсы о национальной идентичности прочно соединены с внешней политикой по отношению к Западу и к постсоветскому пространству. Формирование российской стратегии, а также официальное

⁴⁶ Конкуренция великих держав занимала центральное место в Стратегии национальной безопасности США администрации Трампа: *National Security Strategy of the United States of America* (December 2017). Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>. Большая часть российских экспертов в области международных отношений придерживаются «реалистических» взглядов.

обоснование и объяснение политики на этих двух направлениях имеют не прагматическое, а почти исключительно мифологическое основание.

МИФЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Национальные мифы — это упрощенная, драматизированная история, которая выборочно повествует о прошлом нации и о ее месте в мире⁴⁷. Можно проследить, как создается миф, зачем он создается, кем, при каких обстоятельствах распространяется среди населения и как он поддерживается. Национальные мифы чаще всего о славе, в то время как историческая память во многих обществах связана с травмами, иногда отягощенными покаянием. Общие нарративы, которые члены группы принимают как правду о своем прошлом, чаще формируются мифами, а не памятью. Различие между мифами и коллективной памятью может быть размытым: коллективная память часто мифологична.

Цель Кремля состоит в том, чтобы сделать национальные мифы, созданные или одобренные государством, единственным источником коллективной памяти. Создание национальной инфраструктуры памяти в виде официально утвержденных учебников истории, недавно построенных музеев и памятников, а также контролируемых правительством «неправительственных организаций», которые продвигают официальные исторические нарративы, являются частью этой политики.⁴⁸ Взаимодействие национальных мифов и коллективной памяти в построении национальной идентичности в России характеризуется относительной слабостью независимой коллективной памяти. Кремль возвращает «полезную» историческую память, намерено размывая границы между памятью и мифами. Наиболее оберегаемые властью мифы касаются национальной идентичности.

⁴⁷ См. работы британского историка и политолога Дункана Белла, в частности: Duncan Bell D., *Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity* / D. Bell // *British Journal of Sociology*. — 2003. — Vol. 54. — No. 1. — P. 66.

⁴⁸ См.: Методологические проблемы изучения политики памяти — решенные, нерешенные и неразрешимые / Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. — Москва – Санкт-Петербург : Нестор — История, 2018.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Определение стратегических целей во внешней политике и поддержание национальных мифов в сегодняшней России — это взаимоконституирующие процессы: одно практически невозможно без другого. При этом внешняя политика — это часть процесса конструирования национальной идентичности⁴⁹. В процессе международного взаимодействия государства не только общаются друг с другом, но и разговаривают сами с собой⁵⁰. Часто основанные на мифах внешнеполитические тексты и практические действия адресованы не только международному сообществу, но и своим гражданам, прежде всего национальной элите.

Современные мифы о противостоянии России и Запада не изобретены кремлевскими политтехнологами на пустом месте, а подпитаны мощной интеллектуальной традицией, сформировавшейся в России еще в XIX веке. Вопреки распространенному мнению, президент Путин не формирует национальные дискурсы; национальные дискурсы формируют президента Путина. Владимир Путин действует в определенном интеллектуальном и политическом контексте и зачастую озвучивает то, чего от него ждет значительная часть политической элиты. Это, в частности, относится к формулированию основных постулатов о роли России в мире. При этом политическая власть выбирает удобную и полезную ей часть интеллектуального наследия и может себе позволить игнорировать или приуменьшать значение других направлений общественной мысли.

Идеи, связанные с национальной идентичностью, стали важными детерминантами российской внешней политики сразу после начала нового президентского срока Путина в 2012 году. В 2000 – 2012 годах дискуссии о самоопределении России имели мало общего с внешней политикой и повесткой дня в области национальной безопасности. Сегодня внешняя политика России характеризуется сочетанием нескольких противоречивых нарративов, сосуществующих в общем пространстве риторики об идентичности, безопасности и цивилизационных различиях в мире. Проецируемый вовне и внутри страны

⁴⁹ Такой подход утвердился в теоретической конструктивистской литературе по международным отношениям еще в 90-е годы прошлого века. См.: Campbell D. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity* / D. Campbell. — Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1992; R. B. Walker R. B. *Inside/Outside: International Relations as Political Theory* / R. B. Walker. — Cambridge : Cambridge University Press, 1993; Weber C. *Simulating Sovereignty* / C. Weber. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994.

⁵⁰ См.: Nau H. *At Home Abroad: Identity and Power in American Foreign Policy* / H. Nau. — Ithaca, NW : Cornell University Press, 2002.

имидж России, восприятие основных тенденций на мировой арене, видение основных угроз и вызовов переплетаются с дискурсами об истории, «культурной матрице», «генетическом коде», «традиционных духовно-нравственных основах российского общества». Постоянные ссылки на исторические корни России, ее неизменные консервативные культурные ценности и многовековые усилия Запада по сдерживанию России стали неотъемлемой чертой внешнеполитического лексикона⁵¹. В свою очередь, напористая российская внешняя политика стала ключевым строительным блоком в конструировании национальной идентичности.

Важнейшей чертой официального российского дискурса о взаимоотношениях с Западом стала секьюритизация вопросов идентичности, то есть их политизация и возведение в ранг вопросов национальной безопасности⁵². Уже в сентябре 2012 года Путин говорил: «Попытки влиять на мировоззрение целых народов, стремление подчинить их своей воле, навязать свою систему ценностей и понятий — это абсолютная реальность, так же как борьба за минеральные ресурсы, с которой сталкиваются многие страны, в том числе и наша страна. И мы знаем, как искажение национального, исторического, нравственного сознания приводило к катастрофе целых государств, к их ослаблению, распаду в конечном итоге, лишению суверенитета и к братоубийственным войнам»⁵³.

ТРИ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ МИФА

Начиная с 2012 года, произошла невероятно масштабная экспансия мифологического дискурса о национальной идентичности во внешнеполитическую риторику. При этом не важно, искренне ли верят те или иные представители российской элиты в мифы об идентичности. Важно, что эти мифы задают параметры для политики, расставляют флажки, очерчивают «красные линии», за которые нельзя выходить. В отношениях со странами, где вопросы российской идентичности не столь важны,

⁵¹ См.: Лавров С. Историческая перспектива внешней политики России / С. Лавров // Россия в глобальной политике. — 2016. — 3 мар. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/istoricheskaya-perspektiva-vneshnej-politiki-rossii/>; Лавров С. О праве, правах и правилах / С. Лавров // Россия в глобальной политике. — 2021. — 28 июня. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/>

⁵² Копенгагенская школа впервые ввела вопрос идентичности в теорию международной безопасности. См., например: Buzan B. Security: A New Framework of Analysis / B. Buzan, O. Waever, J. de Wilde. — Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998.

⁵³ Президент России. Встреча с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи. — 2012. — 12 сент. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/16470>

например, со странами Азии и Ближнего Востока, прагматизм позволяет российской внешней политике добиваться успехов. В отношениях со странами Запада и с соседями по постсоветскому пространству мифология мешает прагматизму.

Конечно, исторические нарративы инструментально, а зачастую цинично, используются властью для объяснения своей политики, но они имеют собственную логику и в них удобно верить. Поэтому они играют определенную роль в формировании политики, а не только обосновывают ее риторически. В связи с этим трудно согласиться с центральным тезисом А. И. Миллера, высказанным им при анализе статьи Путина «Об историческом единстве русских и украинцев»⁵⁴. Миллер говорит: «Неважно, что сказано в исторической части. Либо у нас есть политика, которая основывается на нашем понимании современной ситуации и для осуществления которой мы выстраиваем определенный исторический нарратив. Либо у нас есть видение истории, из которого мы выстраиваем нашу политику. Все-таки мне бы очень хотелось надеяться, что это первый вариант, а не второй»⁵⁵. Представляется, что надежда обоснована лишь частично: исторические нарративы и внешняя политика на западном и постсоветском направлениях взаимно обуславливают друг друга, одно уже невозможно без другого.

Российская национальная идентичность, как она формулируется в данный момент президентом и по поводу которой имеется относительный консенсус внутри элит, устанавливает очевидные пределы того, что может или не может делать внешнеполитический аппарат на западном и постсоветском направлениях. Эти пределы устанавливаются тремя ключевыми мифами.

Первый миф — об исключительности России. Это миф с мощным мессианским мотивом. Николай Карамзин, Федор Достоевский, Владимир Соловьев — мыслители очень разные, но в одном они были согласны: Россия имеет исключительное предназначение в мире — в силу ее особой духовности и, по Достоевскому, «вселенскости». Он говорил в своей знаменитой Пушкинской речи в 1880 году: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком...»⁵⁶. Россия

⁵⁴ Президент России. Об историческом единстве русских и украинцев. — 2021. — 12 июля. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>

⁵⁵ Миллер А. История для политики или наоборот? / А. Миллер, Ф. Лукьянов // Россия в глобальной политике. — 2021. — 19 июля. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/istoriya-dlya-politiki/>

⁵⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 26. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, 1984. С. 129–149.

в этом дискурсе была призвана играть ключевую роль в духовном развитии Европы: «Будущие грядущие русские люди поймут... что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей....»⁵⁷.

Президент Путин, пытаясь сбалансировать свою воинственную «мюнхенскую речь», произнесенную в феврале 2007 года, задействовал интеллектуальное наследие Достоевского, в частности его Пушкинскую речь, в статье, опубликованной в европейских СМИ в марте того же года: «Великий писатель хорошо чувствовал, что без России Европа никогда не будет в мире самой собой — как и Россия без Европы не сможет дать выход своей, как он говорил, «европейской тоске». Убежден, что не может быть полного единства нашего континента, пока органичной частью европейского процесса не станет Россия — крупнейшее европейское государство»⁵⁸. Это был период, когда Путин еще подчеркивал единство России с Европой, а не различия.

На протяжении трех последних столетий высокая русская культура формировалась в рамках империи. С одной стороны, ее «вселенский» характер помог ей получить всемирное признание. Далекая от «провинциальности» или «узости», она легко впитывала в себя достижения других, в первую очередь европейских, культур и подарила человечеству множество шедевров. С другой стороны, попытки культурного включения всех и вся в безграничную, «вселенскую» Россию постоянно вступали в противоречие с устремлениями соседних народов, которые в большинстве своем не желали становиться «вселенскими», потому что видели в этой «вселенскости» фактическую русификацию и воспринимали ее как угрозу своему существованию.

Второй миф — об исторической преемственности⁵⁹. Это миф о неменяющейся и неизменяемой России, совершающей отдельное от окружающего мира путешествие во времени от великого князя Владимира до Владимира Путина. Этот миф противоположен

⁵⁷ Генри Киссинджер однажды заметил: «чтобы понять Путина, нужно читать Достоевского, а не «Майн кампф». См.: Goldberg J, World Chaos and World Order: Conversations with Henry Kissinger / J. Goldberg. — The Atlantic. — 2016. — 10 December. Access mode: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/11/kissinger-order-and-chaos/506876/>

⁵⁸ Президент России. Полвека европейской интеграции и Россия. — 2007. — 25 марта. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24094>

⁵⁹ Теоретическое обоснование концепции преемственности истории содержится, в частности, в работе выдающегося историка и экономиста Александра Гершенкрона. См.: Gershenkron A. On the Concept of Continuity in History / A. Gershenkron // Proceedings of the American Philosophical Society. — 1962. — June. — №. 3. P. 195–209.

идеи изменений, нанесших — как сегодня считается в Кремле — столько вреда стране в эпохи Горбачева и Ельцина. Этот миф восходит к наследию Николая Карамзина, к его 12-томной «Истории государства Российского». В этом нарративе Россия идентична самой себе в любой данный момент. Это мировоззрение обеспечивает стабильность, преемственность и консервативное мировоззрение. Для внешней политики здесь важно то, что национальные интересы и стратегия в таком дискурсе predeterminedены много веков назад, а изменения возможны только на тактическом уровне.

Понимание национальной идентичности как преемственности стало ключом к историческому мировоззрению Путина. Российская государственная и национальная идентичности в этих рамках практически одинаковы. В послании Федеральному Собранию в год присоединения Крыма Путин говорил: «Мы осознали неразрывность, цельность тысячелетнего пути нашего Отечества»⁶⁰.

Третий — и самый важный для внешней политики — миф связан с первыми двумя. Это сравнение и противопоставление России Западу в целом, не отдельным странам, а всей Европе. В 1869 году Николай Данилевский в своей работе с красноречивым названием «Россия и Европа» попытался объединить славянофильство, панславизм и имперское мировоззрение. По существу, Данилевский переосмыслил либеральную панславянскую идею в консервативном имперском ключе. Общая славянская культура, по мнению Данилевского, позволила бы России возглавить федерацию славянских народов, столица которой будет находиться, конечно же, в Константинополе⁶¹. И Данилевский, и Достоевский, и Соловьев, и многие другие русские мыслители XIX века видели все угрозы России на Западе. Главнейшая из угроз — стремление Запада изменить, переработать российскую национальную идентичность. Из этого же, по существу, исходит и новейшая Стратегия национальной безопасности 2021 года. В ней говорится: «На фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней»⁶². Соответственно, важнейшей задачей является «защита исторической правды, сохранение исторической памяти,

⁶⁰ Президент России. Послание Президента Федеральному Собранию. — 2014. — 4 дек. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>

⁶¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. — Москва : Книга, 1991.

⁶² Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 года. С. 6. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>

преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории»⁶³.

Этот миф — абсолютно центральный для построения национальной идентичности и внешней политики Путина. Он связан с мифом о неизменной и неизменяемой России. Всеобъемлющий, воображаемый «Запад» воспринимается как сила, пытающаяся изменить уникальную, уходящую корнями в тысячелетнюю историю и все более консервативную национальную идентичность России.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОНСЕРВАТИЗМА

Краткий обзор концептуализации национальной идентичности в историческом контексте и ее последствий для глобальной стратегии можно резюмировать следующим образом.

Во-первых, Кремль рассматривает современную Россию как уникальную великую державу с predetermined миссией. С этой точки зрения международный статус и престиж страны могут быть достигнуты не только за счет военной мощи, политического влияния и традиционной стратегии баланса сил. Глобальная роль России в XXI веке рассматривается как право, predetermined ее нематериальным духовным и культурным статусом. Фактически Путин возродил традицию самобытной российской исключительности, которая сложилась в XIX веке.

Во-вторых, воображаемый «Запад» стал восприниматься как враждебная сила, которая пытается изменить уникальную российскую национальную идентичность. Запад, в интерпретации Кремля, теперь использует не только НАТО как инструмент своей экспансии (включая «военное освоение» Украины), но и внешнюю политику ЕС. Если первоначально расширение и рост влияния ЕС не воспринималось как угроза, то с 2009 года, с принятием программы «Восточное партнерство», Москва стала рассматривать политическую повестку ЕС как западную экспансию и способ создания и расширения раскола между Россией и ее соседями по постсоветскому пространству. Именно поэтому Москва так жестко отреагировала на отказ ЕС учитывать интересы России во время переговоров по Соглашению об ассоциации с Украиной. С 2012 года Европа как культурная концепция и Европейский союз как институт все чаще изображаются российской официальной

⁶³ Там же. С. 36.

пропагандистской машиной как аморальный актер, который пытается развратить российское общество, продвигая однополые браки, либеральную миграционную политику и толерантность, воспринимаемые в Кремле крайне негативно.

В-третьих, на отношения России с другими постсоветскими государствами, прежде всего с Украиной и Беларусью, все больше влияет кремлевская интерпретация истории, а не факторы, которые являются обычными для поддержания международных отношений, то есть такими как экономические интересы и традиционные соображения безопасности.

Национальная идентичность любой страны конструируема и поэтому меняется с течением времени. В российском интеллектуальном наследии есть не только консервативная традиция, но и либеральная, и левая. Политическая власть выбирает, на какую традицию опереться в данный момент. Однако выбор возможен в достаточно узких рамках. Многие влиятельные западные ученые в области российской интеллектуальной истории, в том числе Исайя Берлин, обращали основное внимание на наследие либеральных, радикальных и марксистских мыслителей XIX — начала XX века. Ричард Пайпс, напротив, подчеркивал важность славянофилов и консерваторов. Он писал: «Действительно, многие россияне считали, что самодержавие было единственно возможным режимом, способным обеспечить стране стабильность и статус великой державы: любая альтернатива означала хаос... Мой интерес к этой теме был вызван еще ощущением, что советский режим, находившейся тогда у власти, имел гораздо больше общего с царским консерватизмом, чем с идеями радикальных левых»⁶⁴.

Традиции русского консерватизма плохо сочетаются с тем, что сегодня хотели бы видеть в России ее западные партнеры. Противостояние России и Запада на ближайшие годы, скорее всего, неизбежно; важно его вывести из состояния конфронтации. То есть реалистичная задача на несколько ближайших лет — это мягкое противостояние, а не жесткая конфронтация. Для стабилизации отношений свой интеллектуальный путь должен проделать и Запад — но это тема отдельного разговора.

⁶⁴ Pipes R. Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia. A Translation and Analysis. New Edition / R. Pipes. — Ann Arbor, Michigan : The University of Michigan Press, 2005. P. VII–X.

Александр Габуев,

*руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе»,
Московский Центр Карнеги*

ПО ОБЕ СТОРОНЫ АМУРА: «ЗАПАД» И АНТИЗАПАДНИЧЕСТВО В КИТАЕ И В РОССИИ

Антизападничество в России и Китае имеет разные корни, разные формы и функции. Сходство заключается в том, что и в РФ, и в КНР правящие режимы используют противостояние с Западом для собственной легитимации. Кроме того, часть российских и абсолютное большинство китайских элит убеждены, что «коллективный Запад» действительно стремится подорвать возвышение их стран как альтернативных США центров силы. В то же время, если для России диалог с Западом и рефлексия по поводу Запада и ситуации на Западе являются одной из несущих конструкций государственной идентичности, то в Китае серьезная дискуссия о Западе начинается лишь в XIX веке после «опиумных войн», а сам Запад не является главной референтной точкой. Соответственно, и антизападничество носит здесь гораздо менее глубокий и драматический характер.

АНТИЗАПАДНИЧЕСТВО НА СТРАЖЕ ЛЕГИТИМНОСТИ

Чтение официальных газет КНР, просмотр телевизионных госканалов, постов китайских дипломатов в Twitter, жестких высказываний в отношении США главных экспертов КНР по международным делам создают впечатление, что антизападничество является столь же важной частью сегодняшнего внешнеполитического дискурса и политического сознания Китая, как и в России. Действительно, и российский, и китайский режимы активно используют противостояние с Западом для собственной легитимации.

В России системное противостояние с Западом становится одной из важнейших мифологем для правящей группы: настолько важной, что правящую партию на парламентские выборы в сентябре 2021 года вели министр обороны Сергей Шойгу и министр иностранных дел Сергей Лавров, живые символы противостояния с США и Европой, самые популярные чиновники в команде Владимира Путина. После

присоединения Крыма весной 2014 года Россия все чаще представляется как «осажденная крепость», которую снаружи штурмуют враждебные силы Запада, а изнутри подтачивает подпитываемая все тем же Западом «пятая колонна»⁶⁵. Именно западными кознями и необходимостью противостоять давлению США и ЕС (например, в форме санкций) нередко объясняются неудачи режима в деле развития экономики и улучшения качества жизни граждан.

Конфликт с Западом постулируется не только как геополитическая борьба Москвы против диктата Вашингтона и однополярного мира во главе с США, но и как ценностное противостояние, в котором Россия олицетворяет традиционные и «здоровые» ценности, а Запад — вырожденческие. Например, об этом в своей статье в «Коммерсанте» незадолго до выборов писал Сергей Лавров: «Концепция “правил” проявляется и в покушении не только на международное право, но и на саму природу человека. В школах ряда западных стран детей в рамках учебных программ убеждают, что Иисус Христос был бисексуалом. Попытки вменяемых политиков оградить детей от агрессивной пропаганды ЛГБТ наталкиваются на воинственные протесты в “просвещенной Европе”. Идет атака на основы всех мировых религий, на генетический код ключевых цивилизаций планеты. США возглавили откровенное государственное вмешательство в дела церкви, в открытую добиваясь раскола мирового православия, в ценностях которого усматривается мощное духовное препятствие на пути либеральной концепции безграничной вседозволенности»⁶⁶.

В Китае антизападная риторика также является частью нарратива, объясняющего населению необходимость пребывания правящей компартии (КПК) у власти и продолжающейся милитаризации внешней политики и общественного сознания. Особенно это видно именно на примере дипломатии и внешнеполитической публицистики. Новый размашистый стиль поведения сотрудников китайского МИД, особенно их агрессивный тон в западных соцсетях вроде Twitter и Facebook (законодателем мод является заместитель официального представителя МИД КНР Чжао Лицзянь), получил название «дипломатии боевых волков» по названию националистического киноблокбастера⁶⁷. Пропаганда объясняет населению, что США и их

⁶⁵ Колесников А. Российская идеология после Крыма. Пределы эффективности и мобилизации / А. Колесников. — Московский центр Карнеги. — 2015. — Июнь.

⁶⁶ Лавров С. О праве, правах и правилах / С. Лавров // Коммерсантъ. — 2021. — 28 июня.

⁶⁷ Зуенко И. Почему новый язык китайской дипломатии звучит так грубо / И. Зуенко // Профиль. — 2020. — 26 мая.

союзники стремятся сдержать развитие Китая как альтернативного Америке глобального центра силы, а борьба с КНР — ни что иное, как попытки продолжения колониальной политики в отношении страны.

Самый свежий пример успешности подобной пропаганды – патриотическая волна, захлестнувшая китайские СМИ и соцсети после возвращения на Родину вице-президента телекоммуникационной компании Huawei Мэн Ваньчжун, которая почти три года провела под домашним арестом в Ванкувере, ожидая возможной экстрадиции в США по запросу американских властей. Для возвращения в Китай госпоже Мэн пришлось подписать показания, согласно которым она участвовала в нарушении Huawei американских санкций против Ирана, а Пекину пришлось отпустить осужденных за шпионаж двух канадцев Майкла Коврига и Майкла Спэвора, арестованных в Китае вскоре после задержания Мэн в Ванкувере. Тем не менее, китайские СМИ представили этот компромисс как безусловную победу отечественной дипломатии под руководством председателя Си Цзиньпина: «Мэн задержали, потому что Китай усилился. И освободили, потому что Китай усилился».

Насколько элиты России и Китая едины в мнении, что Запад действительно видит Москву и Пекин как системный вызов своей гегемонии, определить невозможно. Есть разница и в том, как политическая элита США относится к Китаю и России. Если КНР, безусловно, воспринимается как единственный серьезный системный соперник, который в состоянии бросить вызов американскому лидерству в экономике, технологиях, военной мощи, финансах и даже привлекательности для внешнего мира, то РФ воспринимается скорее как озлобленная держава, создающая Западу проблемы, но не способная составить серьезную конкуренцию в глобальном масштабе. Обвиняя Запад в том, что он всерьез боится Москву и пытается предотвратить ее возвращение в лигу сверхдержав, российские власти скорее выдают желаемое за действительное. При этом, как показывает личное общение с представителями российской внешнеполитической элиты, многие высшие чиновники вполне понимают, что западная политика по сдерживанию России вовсе не отражает восприятие ее как сверхдержавы — в этом смысле она больше похожа на сдерживание Ирана или КНДР с поправкой на размеры и военный потенциал.

Китайское же антизападничество на элитарном и простонародном уровне в гораздо большей мере исходит из объективной реальности нарастающего соперничества двух сверхдержав. Во многом это объясняется совершенно новым по историческим меркам контекстом — впервые Китай является сверхдержавой в глобализованном мире. До XIX века, когда технологическая и транспортные революции, а также западный колониализм

(протоглобализация) окончательно связали мир воедино, на протяжении столетий Китай был сверхдержавой и при сильных этнически ханьских династиях вроде Хань, Тан, Сун или Мин, и при сильных неханьских династиях вроде Юань или Цин, но именно в региональном контексте Восточной Азии. Теперь же Китай впервые претендует на лидерство и соперничает за влияние с Западом не в отдельном регионе, а в глобальном масштабе. Эта трансформация позволяет увидеть и первое важное различие между антизападничеством в России и Китае. Если для России антизападничество — одна из важнейших форм внутренней дискуссии о своем пути развития на протяжении столетий, то для Китая рефлексия в отношении Запада и антизападничество как один из видов этой рефлексии — явление новое по историческим меркам, и условно его можно датировать «опиумными войнами» 1840–1842 и 1856–1860 годов.

ЗАПАД КАК ИСТОЧНИК «ПРАКТИКИ»

Для российского самосознания, причем не только политического, Запад служит важнейшей референтной точкой на протяжении веков. С XV–XVI веков политические образования на территории современной России были отчасти включены в западный (долгое время преимущественно европейский) исторический контекст. Многие самые важные внутренние дискуссии, будь то идеологема Москвы как «Третьего Рима», споры западников и славянофилов, почвенничество в русской литературе и так далее, отталкивались от сопоставления России с Западом. Построив репрессивную диктатуру на фундаменте пришедшего с Запада марксистского учения, Москва продолжала в контексте «холодной войны» воспринимать Запад, его капитализм, демократию и либеральные ценности в качестве главной референтной точки. После краха СССР стремление на Запад, как в геополитическом, так в ценностном и социально-политическом измерениях стало путеводной звездой жизни страны в 1990-е годы. Антизападничество во многом возникло органически (а во многом было сконструировано режимом) как реакция на этот период. В любом случае ключевыми вопросами для России всегда были, насколько наша страна является частью Европы ценностно и — после возникновения ЕС и НАТО — должна ли она интегрироваться в трансатлантическую семью институционально? Соответственно, желающие обосновать антизападный курс могут найти многочисленных предшественников среди блестящих представителей русской интеллектуальной жизни прежних периодов.

В Китае же Запад не являлся предметом серьезной интеллектуальной рефлексии и дискуссии образованного сословия вплоть до середины XIX века, когда страна потерпела болезненное поражение в «опиумных войнах». Считая себя центром мира под Небом (Поднебесной), китайские интеллектуалы, начиная как минимум с I тысячелетия до н. э., постулировали отличие культурных людей, принадлежащих к сообществу китайцев-хуася от «варваров четырех стран света». Иноземцы были предметом любопытства, неоднократно становились объектом этнографического изучения, однако другие страны и цивилизации, в том числе Запад, не были в традиционном Китае темой, в рамках обсуждения которой интеллектуальная элита размышляла о собственной культуре (единственная дискуссия, которая может претендовать на что-то близкое, — это споры о проникавшем в Китай буддизме в III–VI веках н. э.). Знаменитое письмо императора Цяньлуна (1736–1795), переданное в 1793 году британскому королю Георгу III в ответ на просьбу англичан открыть некоторые порты для торговли, является своеобразной квинтэссенцией традиционного отношения к варварскому Западу: «Государь, восхищаясь издалека великолепием нашей империи и обнаруживая этим прозорливость своего ума, руководствовался этим восхищением, чтобы приказать послу пересечь море и в знак уважения передать мне от него открытое письмо вместе с подарками... В нашей империи в изобилии производятся всякие продукты, и мы вовсе не нуждаемся в продуктах из других стран».

Серьезная дискуссия о Западе возникает лишь как рефлексия относительно поражения в «опиумных войнах», продемонстрировавшего технологическую отсталость традиционного Китая. И если военное поражение от рук варваров было делом привычным, то вся линия поведения «заморских чертей» после победы оказалась сломом шаблона. Вместо того, чтобы основать династию и начать перенимать китайскую культуру, как происходило с многочисленными завоевателями Поднебесной, западные колонизаторы ограничились аннексией отдельных территорий и основанием своих поселений, навязыванием Пекину выгодных для себя торговых режимов, но от заимствования «отсталой» китайской культуры отказались. Не менее болезненным оказалось и поражение от Японии в войне 1894–1895 годов, в которой заимствовавшая в ходе революции Мэйдзи западный уклад Япония наголову разбила закосневший в своей традиции Китай.

Начиная с XIX века, Запад и осуществлявшаяся по западным лекалам модернизация навсегда изменили Китай. От современной системы научных знаний до организации

правлящей сейчас страной компартии, от современного капитализма до сексуального раскрепощения, влияние Запада на жизнь Китая сложно переоценить. И, хотя запустившие самую глубокую в китайской истории трансформацию события начала XX века происходили под лозунгами западной модернизации, само это влияние не стало причиной глубоких и разделяемых всей интеллектуальной элитой сомнений в особенности и даже превосходстве национального пути. Формула рецепции западной культуры, возникшая вскоре после поражения в «опиумных войнах» (автором самой чеканной формулировки считается мыслитель и политический деятель Чжан Чжидун), лучше всего отражает китайский подход к Западу: «Китайское как основа, западное — для использования» (чжунти сиюн).

Эту максиму можно интерпретировать так: китайские традиционные представления все равно должны быть основой и сущностным стержнем национального самосознания, но это не должно мешать заимствовать работающие на практике передовые технологии и инструменты, придуманные на Западе — науку, систему образования, способы ведения хозяйства и так далее. Вместо бесконечных рассуждений о том, является ли заимствование западных практик искажением традиционной моральной основы, китайцы в основной своей массе подходят к заимствованиям с Запада крайне прагматично и без лишней болезненной рефлексии. Многие работающие на практике принципы и приемы организации жизни даже воспринимаются как исконно китайские, а люди, живущие по григорианскому календарю и сверяющие время по наручным часам или смартфонам, не задумываются или просто не знают, что заимствование и технологий, и самой концепции организации времени чуть более ста лет назад было для их страны крайне болезненно.

Именно поэтому многие существующие на Западе формы политического общежития, организации хозяйства или ценностные парадигмы оцениваются именно с точки зрения их практической полезности для наращивания индивидуального и национального благосостояния, а также укрепления страны и армии — в соответствии с традиционными воззрениями. При этом как минимум с конца 1970-х годов китайское руководство исповедует подход постепенных экспериментов, которые в случае успеха масштабируются.

КИТАЙСКИЕ ЗАПАДНИКИ?

Единственный короткий период в недавней истории Китая, когда Запад воспринимался частью интеллектуальной элиты и даже руководства страны как образец для подражания, приходится на 1980-е годы — вплоть до событий на площади Тяньаньмэнь. Манифестом китайских западников можно считать документальный фильм «Плач о реке» (Хэ шан), демонстрировавшийся по центральному телевидению в 1988 году (скорее всего, с санкции тогдашнего генсека КПК Чжао Цзыяна). Основной посыл фильма заключался в том, что традиционная китайская культура (культура «реки» и деспотии, строившейся вокруг ирригационного земледелия) сдерживает развитие страны, и именно ее наследию Китай обязан своей отсталостью. Для прогресса Китай должен активнее сливаться с западной культурой — «культурой Великого океана». Разумеется, после подавления волнений лета 1989 года и помещения Чжао Цзыяна под домашний арест подобные настроения стали считаться крамолой. А в 1990-е годы, после перезапуска рыночных реформ, вопрос как бы снялся сам собой — Китай начал стремительно богатеть за счет участия в глобализации, все больше открываясь миру. При этом партия сохранила командные высоты и в экономике, и в политике, а успех госкапитализма с однопартийным режимом доказал торжество «социализма с китайской спецификой».

Еще одним своеобразным изводом «китайского западничества» можно считать образ мыслей глобализированной части китайской элиты, возникшей в ходе реформ 1990 – 2000-х годов. Получившие западное образование, имеющие опыт работы в глобальных компаниях или китайских компаниях за рубежом, нередко владеющие роскошной недвижимостью в США, Канаде, Австралии или ЕС, как минимум десятки тысяч китайцев принадлежат к верхушке «золотого миллиарда» (многие из самых успешных — родственники чиновников или бизнесмены, империи которых питались коррупционными связями), а десятки миллионов можно считать средним классом по высоким стандартам ОЭСР (не менее 200 млн граждан КНР). Впрочем, принятие западных стандартов потребления и даже жизнь на Западе не обязательно приводили представителей глобализированной китайской элиты к мысли о необходимости копирования западного опыта для КНР. Обширных исследований на эту тему не делалось, однако доступные данные и изучение отдельных примеров показывают, что даже формальная интеграция в западные общества не мешает многим выходцам из КНР ощущать превосходство китайской культуры и китайской модели над западными, а их жизнь в США объясняется

исключительно материальными мотивами, например, большей безопасностью (в том числе, снижением рисков пострадать от очередной антикоррупционной компании) или лучшим состоянием окружающей среды.

ЗАПАД ВНЕШНИЙ И ЗАПАД ВНУТРЕННИЙ

Отношение к Западу и со стороны элиты, и со стороны населения начало меняться еще до прихода Си Цзиньпина к власти. И 1990-е, и 2000-е годы стали эпохой роста националистических настроений, которые выплескивались во время инцидентов вроде бомбардировки посольства КНР в Белграде американской авиацией в 1999 году или столкновения китайского истребителя с американским самолетом-разведчиком в 2001 году, когда на улицах китайских городов проходили многочисленные митинги. Запад не был единственным объектом широкой националистической мобилизации — чаще всего в 1990–2010-е годы им становилась Япония, а кроме того — страны Юго-Восточной Азии и Индия. Правительственные кампании по давлению на отдельные страны стоят здесь особняком.

В 2009 году в отношении к Западу происходит серьезная перемена: после выигранной Олимпиады 2008 года, а затем глобального кризиса, начавшегося в США, но спокойно пройденного в Китае с темпами роста ВВП около 10 %, китайская элита и население укрепились в сознании превосходства выбранного страной пути. Именно эти настроения активно капитализирует режим в эпоху Си Цзиньпина, да и сам Си, судя по доступным данным и некоторым его выступлениям, также является продуктом своей эпохи, искренне уверенным в — по крайней мере — величии, а то и превосходстве Китая над Западом. Начавшееся в 2021 году давление на инакомыслие, в том числе на ЛГБТ-сообщество и «нетрадиционное» восприятие мужественности требует особого изучения, но здесь в основе скорее лежит желание стимулировать рождаемость и сохранять большой контроль над настроениями молодежи, чем боязнь «цветной революции» под прозападными лозунгами.

Еще одно большое отличие антизападничества в России от антизападных настроений в Китае кроется в том, что в нашей стране западные капитализм, демократия и либеральные ценности воспринимаются как целевая модель, от которой наша страна отклонилась в путинские годы, но к которой должна обязательно вернуться (один из многих примеров — цикл видеоинтервью с экономистом Сергеем Гуриевым «Что же

делать?»), то в Китае западный путь уже не воспринимается как единственная доступная модель. И дело даже не в том, что она, как утверждает режим, не подходит Китаю в силу его особенностей (история, размеры территории и населения, разрывы между бедными и богатыми), а в том, что эта модель, подразумевающая сочетание всеобщей демократии и капитализма, воспринимается не просто как неидеальная, а все более как проблемная — по мере поляризации западных обществ и роста популизма. Брекзит, президентство Дональда Трампа и рост популярности альтернативных партий воспринимаются Китаем как системные сбои западной модели. Вряд ли власти КНР сами точно могут определить свою альтернативную модель, поскольку она находится в процессе постоянной эволюции, столь же сложно говорить о потенциале ее успешного использования за пределами Китая. Пока официозные рассуждения о «китайской модели» скорее являются элементом «мягкой силы» КНР, а не серьезной попыткой перестроить окружающий мир по китайским лекалам.

При этом дискуссия о Западе в Китае гораздо менее эмоциональна чем в России. И дело здесь не только в том, что национализм — лишь один из столпов легитимности режима, в то время как более важным является экономический рост и способность удовлетворять растущие запросы населения. Для Китая дискуссия о судьбах Запада носит отвлеченный характер. Во-первых, Запад воспринимается не как истина в последней инстанции, а как носитель полезных передовых практик, которые можно перенимать без ущерба для внутренней сути своей культуры. Во-вторых, Запад — это внешний объект, который интересует элиту и население в основном применительно к интересам Китая, но не сам по себе. В России же дискуссия носит совершенно другой уровень эмоциональной вовлеченности, поскольку Запад воспринимается как часть единого с Россией ценностного пространства.

СОЦИОЛОГИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Лев Гудков,
научный руководитель Левада-центра

ОТ «УТОПИИ ЗАПАДА» К РЕАКЦИОННОЙ УТОПИИ: АНТИЗАПАДНЫЙ РЕСЕНТИМЕНТ В ПУТИНСКОЙ РОССИИ

В массовом общественном мнении отношение к Западу за последние 30 лет радикально менялось. Враждебность и подозрительность в отношении Запада, подстегнутая официальной пропагандой в 2010-е годы, стала реакцией на восхищение Западом, характерное для периода кризиса и крушения советской системы, когда образ будущего ассоциировался с западными образцами. Неудовлетворенность результатами реформ, массовый рессентимент обернулись восстановлением конспирологических установок и массовой убежденности в том, что «Россия окружена врагами», которые и были использованы для легитимации режима Владимира Путина и роста влияния силовых институтов. Вместе с тем большая часть российского населения ждет, что нынешняя напряженность в отношениях между Западом и Россией — дело временное. В последние годы подозрительность в отношении Запада слабела, и, напротив, росло желание нормализации отношений с западными странами, что можно с осторожностью расценивать как исчерпание ресурсов путинской политики конфронтации.

«ОБРАЗ ЗАПАДА» И ТРАЕКТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

Конфронтация путинской России с Западом длится уже так долго, что населению эта политика кажется само собой разумеющейся, не требующей особого объяснения и оправдания. Целое поколение выросло в атмосфере ожесточенной антизападной демагогии и пропаганды, пик которой приходится на 2014–2016 годы. Но такое положение, как показывают исследования Левада-центра, было не всегда.

Начавшийся во второй половине 1980-х годов распад советской системы породил надежды на то, что реформы приведут к ликвидации потребительского дефицита и выходу

из состояния хронической бедности, присущих советскому, милитаристскому обществу. Идеалом и ориентиром были представления о спокойной, мирной жизни, как в «нормальных странах» Запада, которые воплощали в глазах населения СССР ценности и высшие достижения современного общества — свободу, материальное благополучие, культуру, рациональную экономику, высокие технологии. Они ассоциировались с особым политическим устройством: представительной демократией и правовым государством. Поэтому негативные установки по отношению к США, Европе в 1989–1992 годах снизились до самого низкого уровня.

Перестроечные лозунги — «возвращение на путь общемирового развития человечества», «Европа — наш общий дом» и прочие — разделялись большинством населения. Значительная часть россиян надеялась, что в будущем Россия интегрируется в европейские политические структуры; 40–45 % опрошенных в первой половине 90-х годов считали вполне допустимым и даже желательным вступление России в НАТО.

Таблица 1. Что из перечисленного, по вашему мнению, больше отвечает интересам России?

1996–2016	96 IV	97 II	99 II	00 VIII	01 II	02 XI	03 I	04 I	06 IV	08 II	09 II	10 II	11 II	12 II	2016 VII
Стремиться к вступлению в НАТО + сотрудничать с НАТО в интересах общей безопасности	32	33	33	36	37	34	48	41	28	30	26	28	44	34	23
Противостоять расширению НАТО, создавать оборонительные союзы для противодействия НАТО	16	13	19	22	23	22	14	10	28	20	25	24	17	21	35
Не присоединяться ни к каким военным блокам	23	25	25	23	22	27	22	31	32	26	36	37	27	36	35
Затруднились ответить	29	29	24	19	18	18	16	18	17	19	13	10	12	12	7

Крах советской системы сопровождался мазохистскими переживаниями ее несостоятельности. Доля высказываний: «мы — отрицательный пример другим странам, как не надо жить», «из-за коммунизма мы оказались на обочине мировой истории», «наше прошлое — цепь преступлений и нищеты», «Мы — Верхняя Вольта с ракетами» и т. п. в первых опросах тогдашнего, еще всесоюзного, ВЦИОМ поднялась с 7–8 % до 52–54 %. Значимость мобилизующей функции «врагов» была крайне низкой: на вопрос, если ли у нашей страны враги, лишь 13–14 % отвечали утвердительно: да, есть, и перечисляли:

партийная мафия, кооператоры, спекулянты, сепаратисты, ЦРУ, финансовые круги Запада, коммунисты, демократы и проч., но большая часть опрошенных россиян в 1989 году (48–52 %) говорили — зачем искать врагов, если все проблемы и беды связаны с нами самими?

Разочарование от результатов реформ и влияние консервативной демагогии, критика проводимой правительством политики со стороны коммунистов, военных, националистов, считавших гайдаровские реформы частью стратегического плана по разрушению СССР, привело к негативной переоценке демократии, рыночной экономики и к восстановлению прежней враждебности к Западу. Комплекс травматических переживаний трудностей или неудач институционального транзита, войны в Чечне, коллективных фрустраций стали психологической основой для путинского авторитаризма в первое десятилетие его правления. Массовый рессентимент, потребность в снятии угнетающего сознания обманутости и неудачи реформ обернулись восстановлением конспирологических установок и массовой убежденности в том, что «Россия окружена врагами». Именно эти представления были использованы новой властью для легитимации Путина и усиливающегося влияния силовых институтов (**график 1**).

График 1. Есть ли у России враги?

Антизападные установки (в первую очередь — антиамериканизм) включают в себя как признание достижений этих обществ (даже их идеализацию, утопическое преувеличение), так и отторжение от них, вызванное сильнейшей социальной завистью, сознанием своей отсталости и цивилизационной неполноценности. Усугубляют эти травмы остатки претензий на роль великой державы и мировое лидерство. Путинский режим в

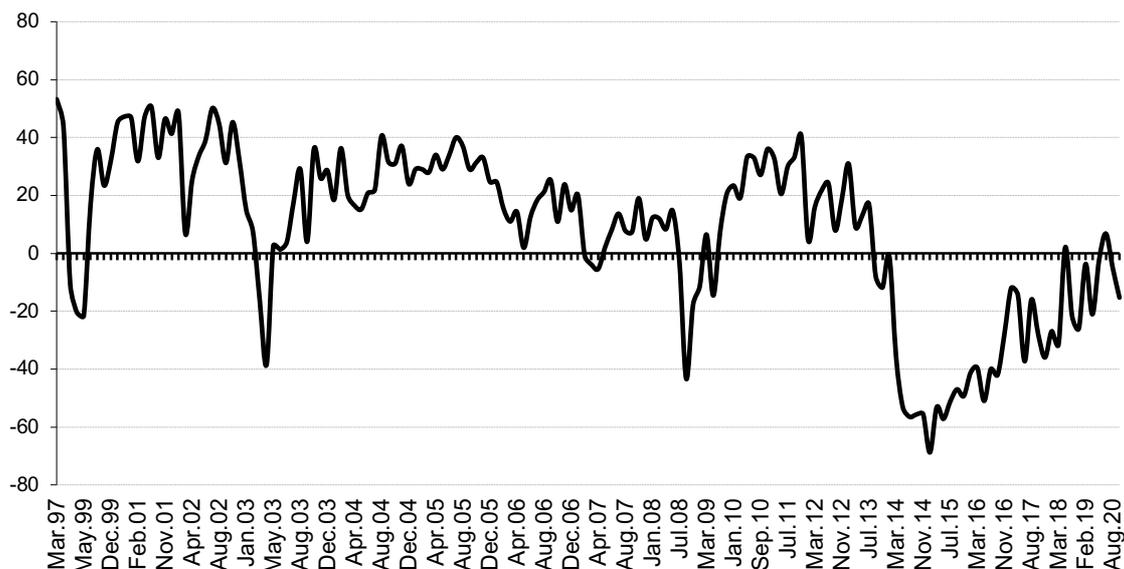
силу ограниченности собственных идеологических ресурсов паразитирует на потребности в самоудовлетворении, воспроизводя их уже лишь в виде требований к США и Западу учитывать «многополярность мира», уважать права России как преемницы СССР на доминирование в прежних зонах влияния.

Утопия Запада — важнейшая составляющая коллективной идентичности русских (компонент политической культуры стран догоняющей модернизации). Это воображаемое зеркало для самих себя, оценка себя с точки зрения значимых «других». Само представление о желаемом будущем, даже сами понятия современных институтов, технологий, благосостояния, коммуникаций, морали, «культуры» могут артикулироваться в этом контекста только в соотнесении с воображаемым «Западом». Позитивные самоопределения россиян не могут быть сформулированы иначе, как только в неразрывном соединении с факторами «препятствия» их реализации, то есть непрекращающейся «борьбы» с противниками России. «Враги» России являются предпосылкой придания особой ценности самим себе как объекту чужих вожделений, а с другой служат объяснением, почему желаемое состояние страны оказывается невозможным. Компенсация несостоятельности строится как мифологический образ прошлого «благолепия», вневременного государственного целого — тысячелетней России, великой империи, символизируемой верховной властью, собирающей вокруг себя «народ», лишенный собственных значений, воли и интересов.

ЧЕТЫРЕ ВОЛНЫ АНТИЗАПАДНИЧЕСТВА

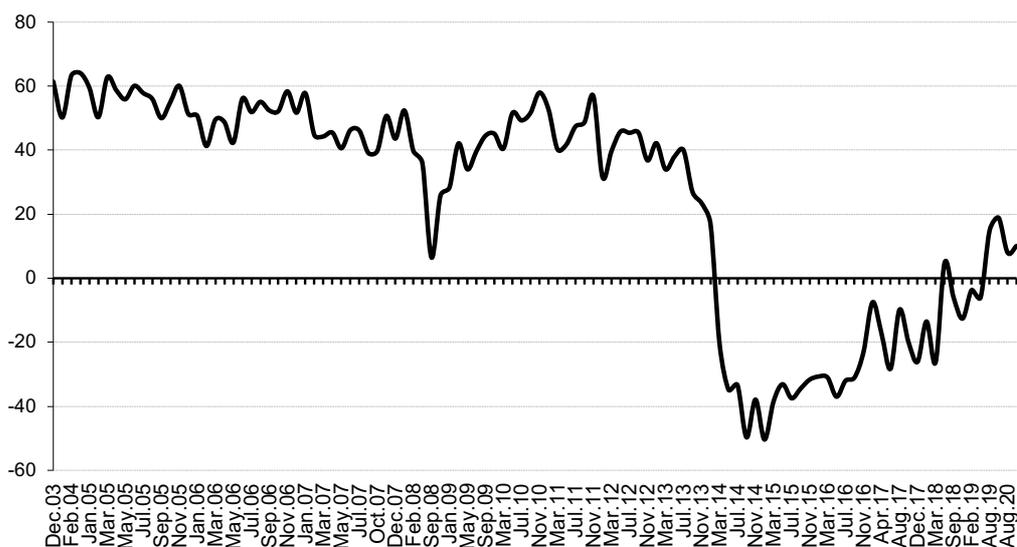
Главный символический оппонент России — это США. Отношение к Европейскому союзу (**графики 2 и 3**) подчиняется тем же закономерностям, что и динамика антиамериканизма (что указывает на функциональную общность образов), но кривая ухудшения отношения российского населения к ЕС носит более ровный характер и не достигает тех величин, что у США.

График 2. Индекс отношения к США (разность между позитивными и негативными оценками)

N=1600

График 3. Индекс отношение к ЕС (разность между позитивными и негативными оценками)

За последние 20 лет можно насчитать четыре волны антизападничества и антиамериканизма⁶⁸. Первая — весна 1999 года (бомбардировки Сербии войсками НАТО), вторая в 2003 году — война союзной коалиции во главе с США против Ирака С. Хусейна⁶⁹;

⁶⁸ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/08/02/sotsiologi-zafiksirovali-nailuchshee-otnoshenie-rossiyan-k-ssha-i-es-so-vremen-anneksii-kryma/>; <https://www.levada.ru/2021/04/07/otnoshenie-k-ssha-i-slova-bajdena-o-putine/>

⁶⁹ Нервная реакция Кремля на попытки свержения американцами диктаторского режима, развязавшего войну на Ближнем Востоке, предвосхищала последующие кампании по борьбе с «цветными революциями» и протеста против свержения «легитимных» диктаторских режимов (Каддафи, Мубарака, Асада) или президента Януковича.

третья — в 2008 году, во время российско-грузинской войны⁷⁰. И, наконец, самая продолжительная последовала после Майдана. Если в апреле 1999 года 44 % опрошенных называли отношения между Россией и США «дружественными» плюс еще 20 % — «союзническими» (27 % опрошенных считали их хоть и «недружественными, но и не враждебными», «враждебными» — всего 5 %), то, начиная с июня 2001 года, мнения начали меняться: возникла неопределенность и недоумение из-за смены политического курса (опросы зафиксировали резкий рост тех, кто затрудняется с ответом — 43 %), а затем число позитивных высказываний начало постепенно сокращаться.

Таблица 2. Как бы вы оценили нынешние отношения между Россией и США?

1994, 2001–2021	94 I	01 X	03 XII	05 X	07 IX	09 IX	13 I	14 I	14 III	14 IX	15 X	16 X	19 VIII	21 I
Позитивные (дружественные + добрососедские + спокойные)	75	62	69	60	51	61	40	39	20	5	<5	17	17	10
Негативные (прохладные + напряженные + враждебные)	11	34	27	37	44	35	55	57	77	93	92	77	80	87
Затруднились ответить	14	4	6	3	5	4	5	4	3	3	3	6	3	3

Данные: N = 1600, в % к числу опрошенных.

После массовых антипутинских демонстраций 2011–2012 годов «социально-политическая стабильность» как основа идеологии действующего режима дополнилась практикой постоянного устрашения населения многообразными угрозами «национальной безопасности» страны, ее территориальной целостности, подрыва экономики, размывания русской культуры, традиционной ментальности, русской «духовности». Главными врагами оказались «либералы», «демократы», внесистемная оппозиция, критики Путина, ставшие «иностранными агентами», «пятой колонной», представителями «нежелательных организаций» и т. п.

Консервация ставшей безальтернативной системы господства предполагала восстановление реакционной утопии — идеологию «национального возрождения», что, со своей стороны, требовало защиты «традиционных ценностей», «возвращение к корням» и,

⁷⁰ Общественное мнение, 2009. — Москва : Левада-центр, 2009. — С. 158–159. — Табл. 18.36 и 18.39.

обратным светом, — усиление функции «врагов», дискредитацию тех, кто хотел изменения авторитарного и плутократического правления. Прокремлевские СМИ, с 2004 года контролирующее информационное пространство России, утверждают, что крах СССР, втягивание бывших соцстран в ЕС и НАТО, «оранжевая революция», «арабская весна», Евромайдан, ИГИЛ, гражданская война в Сирии — все это звенья инспирированных США социально-политических переворотов. Свержение «легитимных» правительств предшествует, согласно этой логике, вступлению этих стран в союзнические (=подчиненные) отношения с Западом.

После мюнхенской речи Путина в 2007 году, в которой были сформулированы принципиальные тезисы этой политики, населению постоянно внушалась идея враждебного окружения страны, мысль о том, что Запад стремится ослабить Россию, поставить под контроль ее сырьевые ресурсы. Максимум такие представления достигли к концу 2014 года, уже после аннексии Крыма и реакции на нее западных стран.

Таблица 3. Назовите пять стран, которые вы считаете наиболее недружественно, враждебно настроенными по отношению к России; открытый вопрос, ответы ранжированы по убыванию по результатам 2020 г.

	2005	2006	2007	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
США	23	37	35	45	26	33	35	38	69	73	72	69	78	67	60
Украина	13	27	23	41	13	20	15	11	30	37	48	50	49	40	35
Великобритания	3	5	3	8	6	8	7	9	18	21	18	15	38	38	29
Латвия	49	46	36	35	36	35	26	21	23	25	23	24	26	27	26
Литва	42	42	32	35	35	34	25	17	24	25	23	24	23	26	26
Польша	4	7	20	10	14	20	8	8	12	22	24	21	24	22	26
Грузия	38	44	46	62	57	50	41	33	19	11	10	9	8	11	16
Германия	3	2	2	3	1	4	3	3	18	19	19	24	17	18	15
Эстония	32	28	60	30	28	30	23	16	21	19	16	16	15	12	11
Афганистан	12	12	11	7	14	15	8	10	5	4	2	3	3	4	7
Турция		1	1	1	1	1	1	2	1	1	29	8	3	2	3
Нет таких		4	2	3	4	14	7	7	3	3	5	3	2	3	7
Затруднились ответить		19	17	15	17	1	21	24	17	14	10	11	10	7	7

Данные: N = 1600, приводятся страны, названные хотя бы в одном опросе 10% опрошенных и более.

Ответственность за усиление конфронтации и напряженности в отношениях России и западных стран общественное мнение, вслед за российским руководством, возлагало на

США, а их причины объяснялись негативной реакцией Запада на «возрождение России», ее растущую мощь. Такой риторический поворот позволял списывать все просчеты, авантюризм и некомпетентность государственного управления на враждебную политику США или Запада в целом⁷¹.

Таблица 4. Кто прежде всего заинтересован в этой конфронтации?

	2015, октябрь. Общероссийский опрос	2019, июнь. Опрос молодежи 18–35 лет
США	80	48
НАТО	36	15
Сама Европа	23	20
Российское руководство	3	15
Российский генералитет	1	2
Затруднились ответить	5	19

Тотальная телевизионная пропаганда стерла различия между различными социальными группами населения — обеспеченными и нуждающимися, образованными и необразованными, обладающими социальными ресурсами и культурным капиталом и лишенными его. Антизападные установки, актуализированные в ходе кампании истерической мобилизации и конфронтационной атмосферы стали характерными в равной мере для любых социальных категорий россиян.

«ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА» И РИТОРИКА «ЗЕРКАЛЬНОСТИ»

Высокий уровень враждебности к Западу и к ближайшим соседям сохраняется на всем протяжении путинского правления, хотя сами объекты вражды (фокусы негативной идентификации) могут меняться. Убедительность антиамериканской демагогии российских политиков и идеологов обусловлена тем, что приписываемые пропагандой американскому руководству политические стремления и цели являются проекцией на США, на другие государства, на «чужих и сильных», представлений о мотивах, интересах, идеологии собственной российской власти. Под действия западных политиков

⁷¹ В 2015 году, после патриотической эйфории «Крымнаш», протестные настроения находились на самом низком уровне, критика власти, обвинения ее в коррупции и злоупотреблениях заметно ослабли, причинная связь между инфляцией, сокращением доходов населения была практически разорвана. Опросы фиксируют крайне редкую ситуацию для патерналистского сознания: расхождения между одобрением власти и потребительским пессимизмом. URL: <http://www.levada.ru/2015/07/07/protestnyj-potentsial-i-vospriyatie-vlasti/> ; URL: <http://www.levada.ru/2015/09/15/protestnyj-potentsial-avgust-2015/> . Ситуация изменилась лишь в 2018 году.

подставляются представления о мотивах советской или российской власти: цинизм, алчность, экспансионизм, пренебрежение человеческой жизнью, готовность к лжи и демагогии.

Таблица 5. Как вы думаете, почему Запад проводит враждебную политику по отношению к России?

	2014 XII	2015 X
Запад стремится прибрать к рукам природные богатства России	46	41
Запад боится России, ее военной мощи	43	47
Запад и Россия всегда были непримиримыми противниками, слишком сильные различия в религии, нравах, культуре	30	25
Западные страны завидуют России	24	23
Другое	1	1
Затрудняюсь ответить	2	3

Данные: февраль 2015 года, N = 1600. Возможны несколько вариантов ответов, ответы ранжированы по 2014 году.

Особо интересны в таблице ответы: «Западные страны завидуют России» (семантически они близки к самому частому варианту ответов: «Запад стремится прибрать к рукам природные богатства России»). Они предполагают, что россияне обладают какими-то благами, которые являются предметом вождления других. Перевертывание «желания быть достойным» и «стать предметом зависти других» в «они завидуют нам» (механизм переноса вытесненных желаний и комплексов подробно разобран еще З. Фрейдом). Вменяемая населению «враждебность Запада» предшествует тем действиям России, за которые западные страны накладывают на нее санкции (таблица 6). Причина и следствие здесь меняются местами, тем самым вытесняется из сознания повод для введения санкций (а, значит, и сам смысл штрафных действий) или не принимается во внимание. США приписывается стремление «взять под свой контроль экономику и природные богатства России», «навязать российскому населению чуждые ему ценности, культуру, образ мысли, нравы», «сменить режим Путина на другой, более удобный для себя», «ведется подготовка к войне за передел мира», идет «вытеснение России с постсоветского пространства, установление контроля над республиками бывшего СССР и бывшими социалистическими странами» и пр. Мощь подобного вменения усиливает фактор, что у самих россиян страх перед Западом или, соответственно, ответная враждебность к нему выражены в существенно более слабой степени (график 4).

Таблица 6. В чем, по вашему мнению, выражается враждебная политика западных стран по отношению к России?

	2014 XII	2015 X
В санкциях против российской экономики, бизнеса	44	45
Ведется информационная война против России	36	36
В попытках взять под свой контроль экономику и природные богатства России	34	29
В вытеснении России с постсоветского пространства, установлении контроля над республиками бывшего СССР и бывшими социалистическими странами	27	25
В санкциях против высшего руководства страны	26	26
В попытках сменить режим Путина на другой, более удобный для себя	26	22
В попытках навязать российскому населению чуждые ему ценности, культуру, образ мысли, нравы	21	26
Ведется подготовка к большой войне за передел мира, разворачиваются военные базы вблизи российских границ	20	17
В поддержке оппозиции и независимых общественных организаций, критикующих Путина	11	18
Ватрудняюсь ответить	1	1
нет ответа:	14	18

В % к числу опрошенных, N=1600

График 4. Россия и НАТО: «Есть ли основания у России опасаться стран Запада, входящих в блок НАТО?» и «Есть ли основания у стран Запада, входящих в блок НАТО, опасаться России?»

Данные: 1999–2009 годы, N = 1600; 2011 и 2014 годы, N = 800, 2015–2021 N =1600. Приводится сумма ответов «определенно да» + «скорее да» и «определенно нет» + «скорее нет».

Устойчиво негативным оказывается отношение к тем странам, которые ранее входили в состав СССР (прежде всего к балтийским государствам), а также к Польше. За откровенным нежеланием эстонцев, латышей, литовцев иметь более тесные или солидарные отношения с нынешней Россией российским обывателем прочитывается

презрение и отвращение к бывшей империи и российскому авторитаризму⁷². Вина за это, безусловно, возлагается на Запад, а точнее — на США, «навязывающих другим государствам свои порядки». Ключевым здесь был именно их прозападный курс и демократический выбор, представляющий косвенным образом опасность для действующего авторитарного режима. Отсюда постоянные усилия дискредитировать правительства этих стран, обвиняя их в поддержке своих «нацистов», русофобской политике, дискриминации русскоязычного населения, апартеиде и т. п.

Таблица 7. Как изменилось за последний год за рубежом отношение к России и русским?

	2014 X	2015 III	2017 IV
<i>Нас стали больше...</i>			
Бояться	30	35	33
Ненавидеть	24	26	12
Уважать	9	16	19
Презирать	9	11	7
Понимать	11	8	10
Любить	<1	2	2
Ничего не произошло	13	17	19
Затрудняюсь ответить	15	10	8
<i>Сумма негативных суждений</i>	63	72	52
<i>Сумма позитивных суждений</i>	21	26	31

Данные: N = 1600.

Сознание собственной силы, возникающей из извращенного восприятия критики мировым сообществом политики путинской России, ведет к иллюзорным представлениям о том, что уважение к России в мире в последние годы резко выросло. Если в 2012 году так думали 25 % опрошенных, то в августе 2014 года — уже 44 %, а доля ответов «уважение к России сократилось», напротив, снизилась с 32 до 22 %, восстановившись уже в следующем году. Подавляемое чувство презираемого народа («Россию никто в мире сегодня не уважает» составляет 25 % всех ответов + 20 % затруднившихся ответить на вопрос, кто и за

⁷² Список «дружественных» государств состоит только из авторитарных и репрессивных режимов (Беларусь, Китай, Казахстан), западные демократии практически ушли из этого списка, включая и Германию (симпатии к которой заметно ослабли с 23 до 2 %, а враждебность, напротив, выросла — с 3 до 19 %).

что, собственно, ее уважает, что образует доминанту коллективных представлений в конце 1990-х годов) на пике крымской эйфории практически полностью вытеснено из массового сознания.

Таблица 8. Как, по вашему мнению, относятся к России на Западе?

	2000 VIII	2005 XII	2006 XII	2007 XII	2015 II
С уважением	8	7	13	20	8
С сочувствием	24	16	14	9	4
С тревогой	12	13	12	12	20
С презрением	21	16	14	11	21
Со страхом	5	7	6	7	19
Без особых чувств	19	32	28	27	14
Затрудняюсь ответить	12	9	13	14	13
Соотношение позитивных и негативных суждений	1.2	1.0	1.3	1.6	0.4

Таблица 9. За последние 10 лет уважение к России в мире увеличилось, уменьшилось или осталось таким, как было?

	2012	2014	2015
Увеличилось	25	44	34
Уменьшилось	32	22	29
Осталось таким же, как было	34	25	28
Затрудняюсь ответить	9	9	9

Блокирование любых аргументов и высказываний, исходящих от Запада, достигается дисквалифицирующей оппонента установкой: Запад пристрастен, пользуется нечестными приемами, поэтому Россия не нуждается в выслушивании обвинений в свой адрес. Другой способ девальвации обвинений России — ответное обвинение в лицемерии или двойных стандартах, позволяющих освободиться от необходимости следовать общепринятым нормам взаимоотношений между государствами: «США лицемерно пытаются заставить другие страны соблюдать нормы международного права, хотя сами не всегда им следуют» (так считают 70–76 %). В итоге у россиян совершенно «закономерно» возникает комплекс «жертвы» («США постоянно оказывают давление на Россию, заставляя ее делать то, что они хотят» — в среднем на протяжении последних 7 лет так считают 71 %), благодаря чему они могут воспринимать себя как объект внешнего давления и принуждения (таблицы 10–11).

Таблица 10. Почему вы считаете, что нам не нужно обращать внимание на критику Запада?

	2007	2010	2012	2014	2015	2016
На Западе плохо понимают нашу жизнь, а хотят нас учить	38	36	29	27	28	21
На Западе недоброжелательно относятся к России, критика Запада враждебна	24	22	26	43	34	35
На Западе воспринимают Россию как конкурента и стремятся ее ослабить	31	35	40	40	37	43
Западные критики часто критикуют за то, чем сами грешат («двойной стандарт»)	22	14	17	22	25	25
Затрудняюсь ответить	4	3	5	6	4	2

Данные: 2007, 2015 и 2016 годы, N = 1600; 2010 и 2014 годы, N = 800.

Таблица 11. С каким из следующих высказываний вы бы скорее согласились?

	2008 июль	2009 май	2012 сентябрь	2013 сентябрь
США лицемерно пытаются заставить другие страны соблюдать нормы международного права, хотя сами не всегда им следуют	76	76	67	71
США подают хороший пример другим странам, всегда следуя законам международного права	10	13	14	11
Затруднились ответить	15	12	19	18

Данные: N = 1600.

К концу 2014 года 87 % россиян, опрошенных Левада-центром, были убеждены в том, что страны Запада проводят враждебную по отношению к России политику (не согласны с ними всего 8 %). В феврале 2015 года 88 % россиян на вопрос: «Что для вас сейчас США?» — ответили: «Агрессор, который стремится взять под контроль все страны мира», и лишь 4 % назвали их «защитником мира, демократии, порядка во всем мире».

Ничего принципиально нового в установках путинской пропагандистской машины нет: главные чувствительные точки массового сознания, на которые нажимали политехнологи, представляют собой слои советского сознания, всерьез не подвергавшиеся рефлексии и проработке, были подняты все старые приемы и аргументы КГБ и советского агитпропа о подрывной деятельности западных разведок, реваншистских планах НАТО, бывшие в ходу еще в 1950-е годы.

Рост антиамериканизма стал оборотной стороной роста самоуважения россиян. За два года (с июля 2012 по август 2014) показатели уважения к себе выросли в среднем в 1,7 раза: число опрошенных, заявивших о том, что их самооценка поднялась за последние годы, выросло с 27 до 44 %, доля ответов «Россию стали больше уважать в мире» — с 25 до

45 %. Сомнения большинства россиян в том, что Россия способна вернуть себе статус «великой державы», распространенные в 1990-х годах, теперь рассеялись (таблица 12).

Таблица 12. Является ли сегодня Россия великой державой?

1999–2019	99 V	00 IV	01 IX	04 III	05 XI	06 XI	07 XI	09 VI	10 XI	11 XI	14 III	15 III	16 XI	17 XI	18 XI	19 XII
Определенно да + скорее да	31	53	40	39	30	43	53	61	55	47	63	68	64	72	75	71
Скорее нет + определенно нет	65	43	57	57	67	52	42	33	41	46	32	27	27	24	23	27
Затруднились ответить	4	4	3	3	3	4	5	6	4	6	5	6	9	4	2	2

Насколько важен был для коллективного самосознания и национального самоуважения утраченный статус «великой державы» яснее всего показывают распределения массовых ожиданий от кандидатов в президенты: с 1996 года три главных требования к будущему главе государства сводились к (1) прекращению чеченской войны, (2) обеспечению равенства всех граждан перед законом и (3) восстановлению статуса «великой державы» (табл. 13). Ни борьба с коррупцией и преступностью, ни возмещение утраченных из-за краха государственной экономики сбережений не столь значимы, как вышеназванные. Чувство причастности к величию державы — фактически единственное условие осознания своей коллективности в России, поскольку никакая другая солидарность, кроме «великой государственной», не обеспечивает консолидацию доминирующего большинства — ни культура, ни благосостояние, ни история, ни конфессиональная принадлежность.

Таблица 13. Что вы ожидаете прежде всего от президента, за которого собираетесь голосовать?

	1996	2000	2004	2007	2008	2011	2012
Прекращения войны в Чечне, нормализация ситуации на Северном Кавказе	59	56	43	23	23	21	18
Верховенства права и закона	58	54	45	51	45	55	52
Восстановления Россией статуса великой державы	54	55	58	49	51	45	57
Возмещения утраченных в ходе реформ сбережений населения	38	38	41	38	28	35	29
Справедливого распределения доходов в интересах обычных людей	37	43	48	58	41	56	49
Усиления роли государства в экономике	37	37	39	35	34	33	37

Продолжения реформ, но с большим упором на социальной защите населения	35	35	38	39	37	37	34
Сохранения России на пути реформ	13	12	11	17	15	22	16
Объединения бывших республик СССР в новый Союз	13	10	12	13	9	11	9
Улучшения отношений России с Западом	6	8	7	8	6	9	5

Данные: ранжировано по 1996 году.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ

Несмотря на всю воинственную риторику, большая часть российского населения ждет, что нынешняя напряженность в отношениях между Западом и Россией — дело временное, что опасная игра, которую ведет российское руководство, будет недолгой. Как бы то ни было, но 60–66 % россиян считают, что налаживать отношения с США и другими странами Запада нужно и все равно придется (противников подобной «разрядки», то есть сторонников сохранения политики жесткого противостояния, в сентябре 2014 года было не так много — 24 %). Это означает, что Запад и США все равно остаются ориентиром национального благополучия и критерием оценки долгосрочной внутренней политики государства, то есть важнейшим элементом коллективной идентичности в России.

Накопившиеся за годы крымской мобилизации усталость, раздражение, страх перед большой войной, в которую готово втянуть страну российское руководство, стали размывать пузырь коллективного единства. Этому способствовало заметное снижение доходов населения (за 5 лет после аннексии Крыма реальные доходы населения в среднем сократились, по разным оценкам, на 11–13 %). Принятие «пенсионной» реформы, вызвавшей общее возмущение и падение рейтинга президента с 88–89 % до 64 % в начале 2019 года (59 % в апреле-мае 2020 года), перечеркнуло эффект крымской консолидации⁷³. Пропорционально снижению одобрения Путина упали рейтинги двух наиболее известных министров, ответственных за милитаристский и экспансионистский внешнеполитический курс — С. Лаврова и С. Шойгу. Враждебность к Западу резко снизилась за какой-то короткий момент, сменившись ненадолго преобладанием позитивного отношения к США и к ЕС. Если в январе 2014 года заявляли о своем плохом отношении к США 71 %, то в сентябре 2018 года лишь 40 % (в августе 2021 года – 47%), «хорошо», соответственно, 18 %, 42 % и 39 %.

⁷³ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/10/04/pensionnaya-reforma-perecherknula-krym/print>

В последние годы ослабили подозрительность в отношении НАТО, чувство опасности, исходящей от этого военно-политического союза. Напротив, медленно, но постоянно росло желание нормализации отношений с западными странами, что можно, с некоторой осторожностью, расценивать как исчерпание ресурсов путинской политики конфронтации (график 5, табл. 14). В июльском опросе 2021 года 63 % опрошенных заявили о своем «хорошем отношении» к западным странам («плохо» относятся лишь 24 %). А это значит, что Запад, несмотря на все идеологические и политические изменения, по-прежнему остается инстанцией сверхзначимых авторитетов и ориентиров.

График 5. Каким образом, на ваш взгляд, изменилось в течение прошедшего года положение дел в области отношений со странами запада и с НАТО?

N = 1600

Таблица 14. Существуют разные мнения о том, какие отношения должны быть у России с Западом. А как вы считаете, как Россия должна относиться к Западу?

	2016 V	2017 I	2018 VI	2020 I
Как к врагу	7	8	5	3
Как к сопернику	24	31	16	16
Как к партнеру	55	43	61	67
Как к другу	4	7	8	11
Затруднились ответить	7	7	8	4
Отказ от ответа	3	5	2	1

Данные: N = 1600

График 6. Как Россия должна относиться к Западу?

Можно говорить об определенной взаимосвязи между отношением к США и восприятием собственной российской власти: ее следовало бы назвать принципом «сообщающихся сосудов» — чем лучше отношение к США, тем критичнее восприятие политической системы в России, и, наоборот, разрешение на выражение негативных чувств и установок к США означает консолидацию вокруг действующего авторитарного режима.

Но вопреки массовым пожеланиям, политика конфронтации, шантажа и внешнеполитических и военных провокаций со стороны России будет продолжаться неопределенно долго, поскольку других ресурсов обеспечения массовой поддержки путинского режима уже нет. Кроме того, следует принять во внимание не просто длительное усиление влияния силовых структур, сохраняющих идеологию тоталитарного государства на проводимую политику, но и интересы этих групп в устранении любых оппонентов.

Иван Крастев,
Президент Центра либеральных стратегий, София

НЕБЛОКОВОЕ МЫШЛЕНИЕ: ФРЕЙМ НОВОЙ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦЕВ

Несмотря на усилия Вашингтона и Брюсселя, фрейм «новой холодной войны» и идеология «блокового мышления» не находят достаточной поддержки в европейском общественном мнении. В отличие от классической «холодной войны», сегодня европейцы не видят угрозы экспансии авторитарных институтов со стороны Китая и России: угроза с востока утратила свой экзистенциальный характер. Это связано в том числе с тем, что респонденты не склонны приписывать правительствам сверхдержав чрезмерное влияние на ход дел в мире. А наиболее острые проблемы и угрозы «европейскому порядку», ассоциируются не с внешними, а скорее с внутренними факторами и акторами, и прежде всего — с «властью больших денег» и транснациональных корпораций. Жесткой, «блоковой» системе союзнических и антагонистических отношений они предпочитают меркантилистскую концепцию диверсифицированных «необходимых партнерств».

«ПРЕДСТАВЛЕНИЯ» ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ

Действительно ли холодная война возвращается, как предрекают гурӯ экспертизы, и западному миру вновь придется противостоять союзу автократий? Будет ли будущее похоже на прошлое, которое мы уже почти забыли? Чтобы выяснить, что европейцы думают об этом, каковы их представления по этим вопросам, Европейский совет по международным отношениям (ECFR) провел летом 2021 года опрос общественного мнения в 12 странах – членах ЕС.

В международной политике «представления» имеют значение. Причем имеют значение не только представления элиты, но и широкой публики, то есть массовые представления.

Что касается элит, то и в Москве, и в европейских столицах согласны, что отношения между Россией и ЕС крайне напряжены и на сегодняшний день лишены всякой

перспективы. Из заявлений российских политиков ясно, что они видят Европейский Союз как раздираемую внутренними конфликтами между странами-членами и клонящуюся к упадку силу. В глазах европейских политиков Россия также является слабеющей державой: ее авторитарный режим выглядит стабильным со стороны, но в действительности исчерпавшим способность удовлетворять потребности своих граждан. Поэтому не стоит удивляться, что обе стороны, видя друг в друге слабеющие державы, полагают бесполезными реальные переговоры, которые лучше отложить до момента, когда оппонент будет в еще худшем положении.

Однако массовые представления далеко не всегда и во всем совпадают с мнением элит. Например, в опросах Левада-центра последних лет мы видим несколько иную траекторию восприятия Европы в общественном мнении. После всплеска антизападного национализма в связи с аннексией Крыма, оно значительно потеплело в отношении ЕС и его стран-членов. И в этом контексте исключительно интересно, как будущее международной политики видится с другой стороны — европейским общественным мнением.

Главный вопрос, на котором было сфокусировано исследование, состоит в том, насколько и как общественное мнение Европы воспринимает фрейм «холодной войны» и в какой степени видит в этом реальную проблему. Стоит оговориться, впрочем, что в современном западном геополитическом дискурсе именно конфликт между Западом и Китаем, а не конфликт между Западом и Россией рассматривается как основной сюжет наступающего идеологического противостояния. Поэтому вопрос также состоит в том, кто воюет и с кем? И в какой из стран видят европейцы главного врага — в Китае или в России?

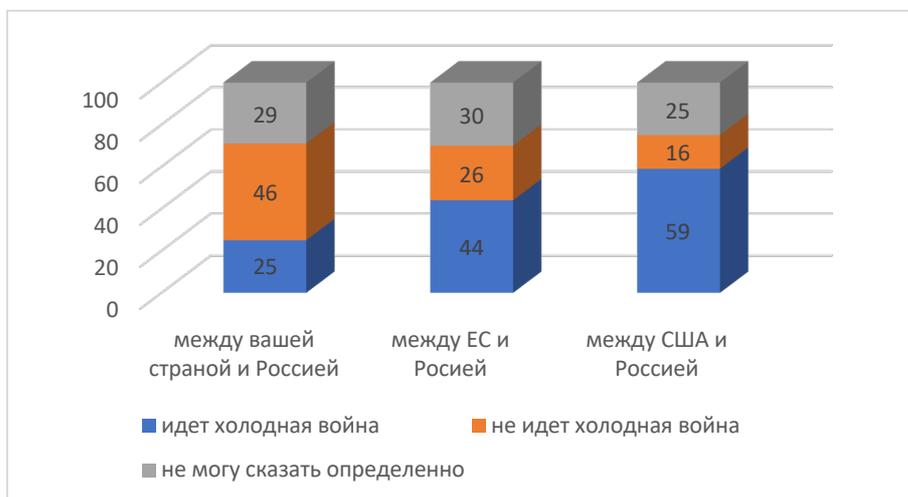
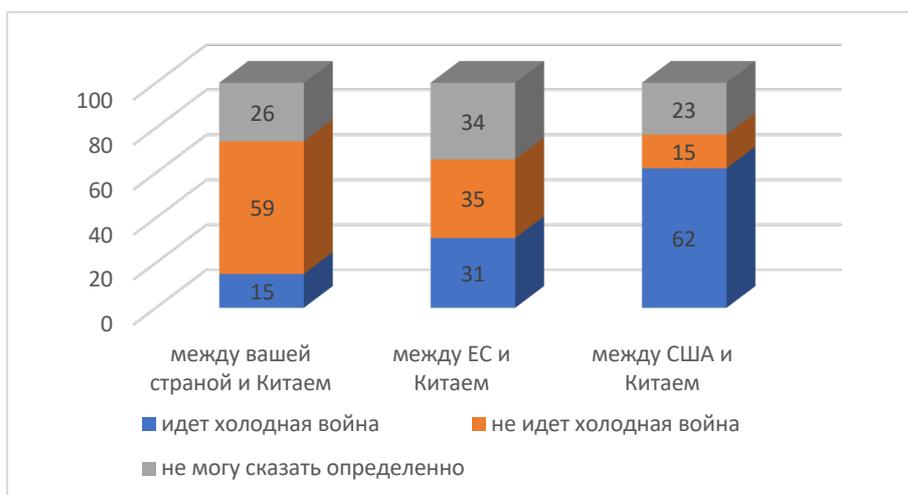
ЧЬЯ ВОЙНА?

Опрос ECFR показал, что почти две трети граждан ЕС (63 %) считают, что между Китаем и США идет новая «холодная война». Не согласны с этим только 15 %. Такая же динамика наблюдается и в отношении России: 59 % европейцев считают, что между Вашингтоном и Москвой разгорается новая холодная война, и только 16 % с этим не согласны.

Однако, когда речь заходит об их собственных странах, только 15 % говорят, что эти страны определенно или вероятно находятся в состоянии холодной войны с Китаем, а 59 % считают, что их страна по-прежнему не вовлечена в нее. Несколько больше — 25%, считают, что их страна определенно или вероятно находится в состоянии «холодной

войны» с Россией, но 46 % с этим не согласны. Остальные не уверены в том, идет ли «холодная война» или нет. В разных странах – членах ЕС есть свои нюансы, но в целом вырисовывается одна и та же картина: в каждой из опрошенных стран больше людей отрицают, что между их страной и Китаем идет новая холодная война, чем согласны с тем, что она имеет место. Лишь Польша и отчасти Франция — единственные страны, где представление, что их страна вовлечена в «холодную войну» с Россией, имеет значительный вес.

Графики 1–2. Между кем идет холодная война?

За исключением тех, кто ответил «не знаю».

Данные: Source: Datapraxis and YouGov (DE, FR, DK, ES, PL, PT, SE, IT, AT), AnalitiQs (NL), Alpha (BG), and Szondaphone (HU) 2021 © All rights reserved

ECFR · ecf.eu

График 3

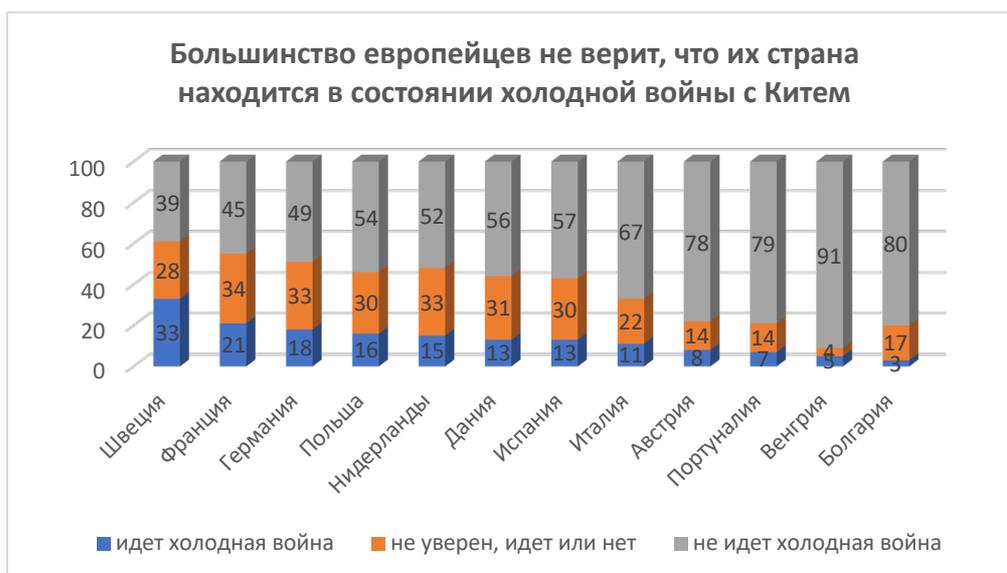
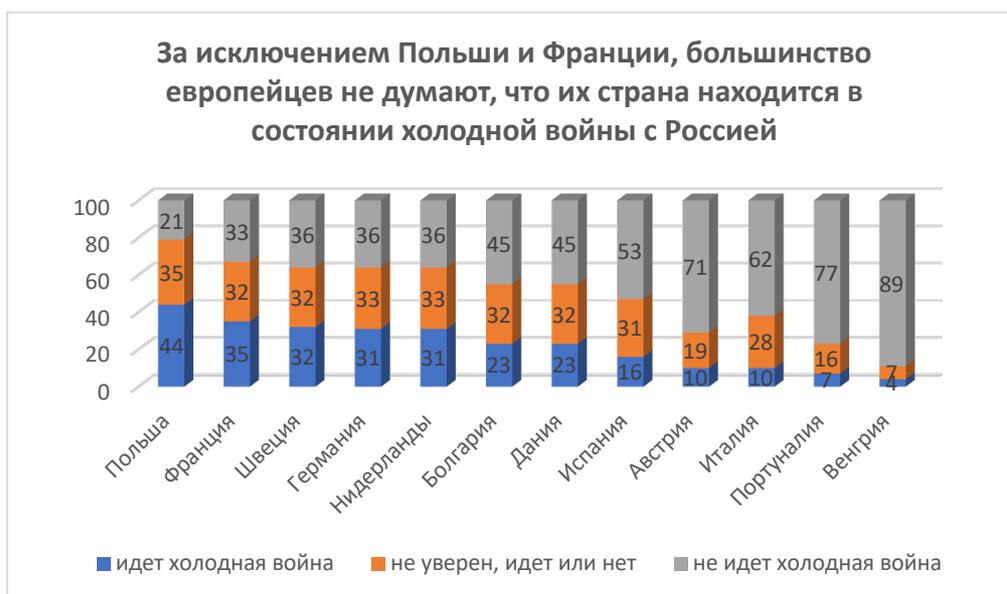

График 4

За исключением тех, кто ответил «не знаю».

Данные: Source: Datapraxis and YouGov (DE, FR, DK, ES, PL, PT, SE, IT, AT), AnalitiQs (NL), Alpha (BG), and Szondaphone (HU) 2021 © All rights reserved
ECFR · ecfre.eu

В целом по ЕС 31 % опрошенных считает, что Евросоюз, вероятно или определенно, находится в состоянии «холодной войны» с Китаем, и это вдвое больше доли тех, кто считает, что в состоянии «холодной войны» с Китаем находится их собственная страна. Что касается России, то относительно большинство опрошенных (44 %) считает, что ЕС находится в состоянии «холодной войны» с Россией, и только 26 % с этим не согласны (остальные не могут сказать определенно, идет ли «холодная война» или нет).

Таким образом, когда речь заходит о конфронтации с Россией или Китаем, европейцы склонны рассматривать скорее Брюссель, нежели свои страны как часть этой новой «холодной войны» и потому видят в нем потенциального союзника Соединенных Штатов в этом конфликте.

«ЯСТРЕБЫ» И МЕРКАНТИЛИСТЫ

Чем данные опроса так удивительны? Среди аналитиков внешней политики господствует мнение, что внешняя политика Евросоюза так слаба, потому что страны – члены ЕС очень по-разному воспринимают угрозы. Аргумент заключается в том, что поляки и граждане балтийских стран считают ЕС слишком мягким по отношению к России, в то время как болгары, словаки и итальянцы считают его слишком жестким и не воспринимают Россию или Китай в качестве реальной угрозы. Однако опрос ECFR опровергает такое представление. Национальные правительства продолжают расходиться во мнениях относительно политики ЕС в отношении Китая или России, однако в глазах жителей всех опрошенных стран – членов ЕС кроме Польши как раз Брюссель, похоже, воспринимается как главный внешнеполитический «ястреб», когда дело касается Китая и России. «Новый Запад» — это, в основном, коалиция между Вашингтоном и Брюсселем, нежели между США и Европой.

Позитивная интерпретация этого факта может состоять в том, что люди наконец-то признали существование общей европейской внешней политики. Если смотреть на данные опроса сквозь эту призму, можно сказать, что в глазах европейцев именно Евросоюз как континентальная держава в большей мере, чем любая отдельная страна – член ЕС, имеет возможности для защиты европейских интересов и ценностей. Но есть и менее благоприятная интерпретация: существование ЕС позволяет странам-членам отойти от внешней политики и сосредоточиться на своих экономических интересах. При таком толковании само существование ЕС как внешнеполитического игрока изолирует страны-члены от тревожных проблем современного мира. Это позволяет создать новое разделение труда, в котором отдельные государства выступают в первую очередь как меркантилистские державы, а Брюссель призван демонстрировать принципиальную жесткость и защищать европейские ценности. Эта модель легко просматривается в отношениях между Европой и Россией.

Парадокс новой «ястребиной» позиции Брюсселя состоит в том, что, по мнению

многих европейских лидеров, мускулистая внешняя политика Евросоюза позволит ему утвердиться в качестве более суверенного и самостоятельного игрока мировой политики. Такие лидеры, как президент Франции Эммануэль Макрон, надеялись, что инвестиции в коллективный суверенитет ЕС сделают его более независимым от США. Между тем, как мы видим, европейские граждане, похоже, считают как раз Брюссель, а не собственную страну, главным союзником Вашингтона в противостоянии с Китаем и Россией. Более тесная интеграция ЕС может на самом деле обернуться сближением с США.

Тот факт, что политика Брюсселя выглядит настолько не соответствующей национальным внешнеполитическим видениям, также противоречит утверждающейся среди политической элиты новой идее, что именно Германия является «разделяющим» игроком в европейской внешней политике. Проведенный опрос не подтверждает гипотезу, что после Брекзита европейцы заикнулись на тему немецкой мощи и что Берлин является причиной «раскола» Европы.

В действительности, значительное число европейцев готовы доверить Германии защиту своих интересов в целом ряде областей — от экономики и безопасности до вопросов демократии и прав человека. Только 16 % не верят, что Германия вообще будет защищать европейские интересы, и еще четверть не имеют собственного мнения по этому вопросу. Более того, в очень немногих государствах — членах ЕС люди беспокоятся о том, что в будущем произойдет резкий рост могущества Германии: 34 % считают, что эпоха могущества и процветания послевоенной Германии осталась в прошлом, и только 10 % полагают, что лучшее для Германии еще впереди. При этом европейцы скорее видят в Германии как раз еще одного «голубя» наряду с другими странами — членами ЕС, в то время как Брюссель остается в их глазах главным «ястребом».

График 5

Данные: Source: Datapraxis and YouGov (DE, FR, DK, ES, PL, PT, SE, IT, AT), AnalitiQs (NL), Alpha (BG), and Szondaphone (HU) 2021 © All rights reserved
ECFR · ecf.eu

ФРЕЙМ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: ЧТО С НИМ НЕ ТАК?

Многие надеялись, что возвращение в последние годы соперничества великих держав станет внешним фактором сплочения как для Запада в целом, так и для Евросоюза. И хотя еще слишком рано судить о том, каковы будут долгосрочные последствия этих процессов, но в краткосрочной перспективе идея новой «холодной войны», похоже, несет скорее раскол, чем единство. Данные опроса указывают на несколько заметных линий раскола.

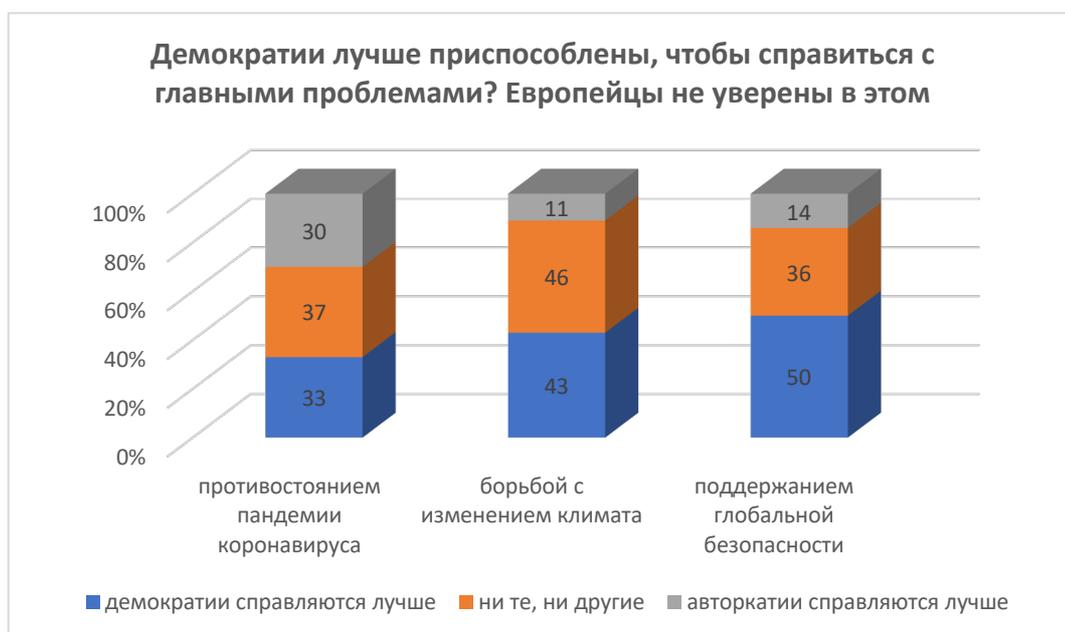
Администрация Байдена надеется сплотить демократии в новый альянс против автократических держав, выступающих во главе с Пекином. Это видение находят опору как в более ястребином тоне европейских правительств, принятом ими в отношении Китая и России, так и в появившейся в политических документах ЕС и выступлениях его лидеров идее «системного соперничества». В то же время опрос ECFR показывает, что европейская публика в основном не приняла эту идею, по крайней мере, когда речь идет об отношениях их собственных стран с Китаем и Россией. Таким образом, самой большой проблемой для Вашингтона в продвижении своей трактовки конфликта может стать то, что большинство европейцев не видят в Китае реальной угрозы своему образу жизни, хотя многие правительства ЕС и начинают признавать «системное соперничество», присущее отношениям ЕС с Пекином.

В 1948 году, в самом начале первой «холодной войны», Ханна Арендт утверждала,

что «самый существенный критерий для оценки событий нашего времени — это приведут ли они к тоталитарному правлению или нет?» И это совсем не то, как большинство европейцев оценивает политическую ситуацию сегодня. Они не верят, что различие между демократиями и автократиями является тем, что структурирует мир. Так, наибольшая доля респондентов опроса в опросе ECFR считает, что характер политического режима не объясняет в достаточной степени неудачу или успех правительств в борьбе с пандемией или изменением климата. Даже в вопросе о вкладе в глобальную безопасность только 50 % согласны с тем, что демократии делают для этого больше, чем автократии, в то время как 36 % считают, что тип режима не имеет значения.

И проблема видимо не в том, что европейцев привлекают прелести китайского или российского авторитаризмов, а в том, что граница между демократией и авторитаризмом размыта. Возможно, европейцы гораздо больше озабочены внутренними угрозами свободе, политической поляризацией и властью больших денег, чем угрозами, исходящими от враждебных внешних сил. И в этом состоит разительный контраст с тем конфликтом Запада с Советским Союзом, который имел место во второй половине двадцатого века.

График 6

За исключением тех, кто ответил «не знаю».

Данные: Source: Datapraxis and YouGov (DE, FR, DK, ES, PL, PT, SE, IT, AT), AnalitiQs (NL), Alpha (BG), and Szondaphone (HU) 2021 © All rights reserved
ECFR · ecfre.eu

КТО ВРАГ И В ЧЕМ УГРОЗА?

Второй проблемой для политиков, надеющихся на поддержку общества в новой «холодной войне», является отсутствие согласия среди европейцев по поводу того, существует ли вообще экзистенциальная угроза. Во время первой «холодной войны» люди были готовы поступиться своими приоритетами ради защиты от советских танков или ядерного холокоста. В ходе опроса, проведенного в конце 2020 года, ECFR выяснил, что менее одного из десяти граждан Германии и Франции считают, что их страна сильно зависит от американских гарантий безопасности. Почти треть жителей обеих стран считают, что они вообще не нуждаются в гарантиях.

Новый опрос ECFR дает более подробную информацию о причинах такого восприятия. Когда респондентов спросили, кто обладает наибольшей властью в мире, в фокусе внимания большинства оказались вовсе не крупнейшие государства. Европейское общество, судя по всему, вполне усвоило идею о том, что власть в мире является гораздо более распределенной. Только 13 % европейцев считают, что американское правительство оказывает наибольшее влияние на то, как управляется мир; только 6 % приписывают такую власть китайскому правительству. В действительности же они склонны считать, что негосударственные акторы — такие, как крупные компании и сверхбогатые люди, вместе образуют наиболее влиятельную группу в современном мире.

График 7

За исключением тех, кто ответил «не знаю», «другое», «никто из них» (всего 27 %).

Данные: Source: Datapraxis and YouGov (DE, FR, DK, ES, PL, PT, SE, IT, AT), AnalitiQs (NL), Alpha (BG), and Szondaphone (HU) 2021 © All rights reserved

ECFR · ecfr.eu

ВЛАСТЬ ГЕОГРАФИИ

Третья проблема нарратива новой «холодной войны» связана скорее с географией, нежели с историей. Показательно, что европейцы воспринимают «холодную войну» с Россией как более реальную, чем «холодную войну» с Китаем. Как отмечалось выше, только 31 % респондентов считает, что между ЕС и Китаем идет «холодная война», но 44 % полагают, что это верно в отношении России (см. график 1). И это важное отличие от старой «холодной войны». С одной стороны, оно делает европейцев более чувствительными к «российской угрозе», с другой — менее чувствительными к угрозе глобальной. Столкновение между США и Китаем имеет глобальное измерение, но очевидно, что основной театр противостояния переместится в Азию. В этой новой «холодной войне» Европа оказывается в том положении, в котором Японии была во времена старой «холодной войны» — до 1989 года. Япония являлась надежным союзником США, но находилась вне основного театра противостояния, что позволило ей сосредоточиться на своем экономическом развитии.

Учитывая отсутствие дисциплинирующего идеологического единства между США и Европой, а также экзистенциальной угрозы непосредственно в европейском ареале, неудивительно в итоге, что европейцы иначе мыслят союзничество, что является еще одним пунктом расхождений.

ПОД ФЛАГОМ СУВЕРЕНИТЕТА

В период «холодной войны» и после нее суверенитет, особенно для жителей Восточной Европы, означал прежде всего возможность вступления в политические и военные альянсы по своему выбору. Но в современном мире понимание суверенитета изменилось. И сегодня некоторые страны — члены ЕС все более стремятся доказать свою способность оставаться суверенной страной, скорее дистанцируясь от своих партнеров по ЕС или НАТО, нежели следуя общей линии. Многие европейские граждане сейчас считают более предпочтительным держаться в стороне от совместной деятельности с США и другими союзниками, как показало предыдущее исследование ECFR.

В общеевропейском опросе ECFR 2019 года значительное большинство респондентов заявили, что предпочли бы остаться нейтральными (а не присоединиться к Вашингтону) в

конфликте США с Китаем или Россией⁷⁴. Даже в Польше преобладало мнение, что страна скорее должна оставаться нейтральной, нежели выступать на стороне США. После избрания Джо Байдена президентом по крайней мере половина избирателей в каждой из опрошенных стран по-прежнему хотела бы, чтобы их правительство сохраняло нейтралитет в конфликте между США и Китаем⁷⁵. В Дании и Польше — двух странах с наибольшей долей людей, которые хотели бы встать на сторону США, — эти группы составляют 35 % и 30 % соответственно.

Подтверждая эти тенденции, еще один опрос ECFR в апреле 2021 года показал, что европейцы скорее предпочитают мир «необходимых партнеров», а не постоянных альянсов⁷⁶. Самым поразительным результатом стало то, что наибольшая доля европейцев (44 %) рассматривает в том числе и США в качестве необходимого партнера, а не союзника, который «разделяет наши [европейские] интересы и ценности» (21 %). Поддержка альянса с США, опять же, была наиболее выражена в Дании и Польше, но и там наибольшее число граждан рассматривали США как необходимого партнера. В то же время, значительная доля европейских респондентов также рассматривает Китай (36 %) и Россию (35 %) в качестве «необходимых партнеров». И только 12 % респондентов назвали Китай противником.

В ПОИСКАХ «НОВОГО ЕДИНСТВА»

Если эти опросы отражают действительно устойчивую тенденцию, то европейские и американские лидеры, стремящиеся мобилизовать европейское общество к противостоянию с автократиями в Пекине и Москве, вполне могут оказаться в ловушке, когда они обнаружат отсутствие общественного консенсуса по этому поводу. Пока что только европейские институты, а не европейская общественность готовы видеть завтрашний мир как нарастающую системную конкуренцию между демократией и авторитаризмом.

⁷⁴ Dennison S. Give the people what they want: Popular demand for a strong European foreign policy. Access mode: https://ecfr.eu/publication/popular_demand_for_strong_european_foreign_policy_what_people_want/

⁷⁵ Krastev I., Leonard M. The crisis of American power: How Europeans see Biden's America. Access mode: <https://ecfr.eu/publication/the-crisis-of-american-power-how-europeans-see-bidens-america/>

⁷⁶ Dennison S., Puleirin J. Crisis of confidence: How Europeans see their place in the world. Access mode: <https://ecfr.eu/publication/crisis-of-confidence-how-europeans-see-their-place-in-the-world/>

Сам по себе этот разрыв во взглядах на геополитику не обязательно является признаком снижения значимости западного альянса. Но это сигнал о том, что в случае наступления кризиса Брюссель может быть обвинен в том, что он является скорее голосом Америки в Европе, нежели европейским голосом в мире.

Опросы ECFR выявили растущий скептицизм в отношении Пекина и неизменно негативное восприятие намерений Москвы⁷⁷. Они также зафиксировали «дивиденды Байдена» в отношении европейцев к США⁷⁸. И вместе с тем наш последний опрос заставляет предполагать, что фрейм новой «холодной войны», скорее всего, пока будет отталкивать больше избирателей, чем привлекать, и чтобы обосновывать необходимость сильного атлантического альянса политикам придется искать новые аргументы.

И, по всей видимости, чтобы достичь успеха, им следует меньше фокусироваться на идеологических разногласиях Востока и Запада и необходимости атлантического единства, но сконцентрироваться на объяснении того, как по-новому сбалансированный альянс может расширить и восстановить суверенитет европейских граждан в этом, действительно опасном мире, их окружающем.

⁷⁷ Dennison S., Derka P. Together in trauma: Europeans and the world after covid-19. Access mode: https://ecfr.eu/publication/together_in_trauma_europeans_and_the_world_after_covid_19/

⁷⁸ Krastev I., Leonard M. The crisis of American power: How Europeans see Biden's America. Access mode: <https://ecfr.eu/publication/the-crisis-of-american-power-how-europeans-see-bidens-america/>

ПРОТИВОСТОЯНИЕ КАПИТАЛИЗМОВ

Андрей Яковлев,

*профессор Научно-исследовательского университета —
Высшей школы экономики*

КОНКУРЕНЦИЯ КАПИТАЛИЗМОВ: В ПОИСКАХ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ⁷⁹

На протяжении своей постсоветской истории Россия совершила несколько попыток нащупать подходящую модель рыночной экономики. Попытка адаптации модели, близкой к либеральной рыночной экономике (LME), к середине 2000-х годов была расценена наиболее влиятельной частью российской элиты как неудачная. Однако и попытки выстроить модель «экономики, проникнутой государством» (SPME) также потерпели неудачу в условиях низкого качества государственных институтов и бюрократии и рентоориентированного поведения российских элит. После политического кризиса 2011–2012 годов, крымской патриотической мобилизации и начала санкционных войн российский капитализм эволюционирует в направлении модели «экономики сопротивления», которая, как свидетельствует опыт Ирана, позволяет адаптироваться к внешнему давлению, но не обеспечивает условий для развития.

РАЗНООБРАЗИЕ КАПИТАЛИЗМОВ: ЧЕТЫРЕ ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ

Интерес к сравнению разных моделей рыночной экономики развивался в 1990-е годы на фоне крушения плановой экономики в СССР и других бывших социалистических странах. Базовая концепция многообразия моделей капитализма (variety of capitalism) была предложена в книге П. Холл и Д. Соскис 2001 года. Исходно эта концепция

⁷⁹ Данная статья основывается на выступлении автора на круглом столе «Конфронтация: за что и почему Россия воюет с Западом?», проведенном Фондом «Либеральная миссия» 9 июля 2021 года, и представляет собой приложение к России тех подходов к анализу общих трендов в развитии глобального капитализма, которые ранее были сформулированы автором в работе 2021 года «Куда идет глобальный капитализм?» (Мир России, 30 (3), с. 29–50). Автор признателен Кириллу Рогову за приглашение к данной дискуссии и содержательные комментарии.

рассматривала только развитые рыночные экономики и, опираясь на детальный анализ институциональных различий в организации корпоративного сектора и финансовых рынков, регулировании рынка труда и т. д., выделяла две базовые модели: либеральные рыночные экономики (liberal market economies — LME) и координируемые рыночные экономики (coordinated market economies — CME).

Данная концепция с самого начала вызвала большой интерес и до сих пор пользуется популярностью среди экспертов по международной политэкономии, но в то же время подвергалась критике, поскольку анализ строился сугубо на данных по развитым рыночным экономикам. Поэтому логичным развитием концепции стали исследования, сфокусированные на анализе стран Восточной Европы, которые в 1990-е годы прошли через серьезную институциональную трансформацию и по которым (в силу их стремления к интеграции в европейские структуры) стали доступны широкие массивы эмпирических данных⁸⁰. Исследования показали, что модель капитализма, сложившаяся в этих странах, отличается как от LME, распространенной в англо-саксонском мире и переживавшей с 1990-х годов период экспансии, так и от CME, исторически характерной для стран континентальной Европы.

Особенность этой модели заключалась в том, что по итогам институциональной трансформации 1990-х годов ключевыми игроками в корпоративном секторе стран Восточной Европы оказались глобальные компании с головными офисами во Франкфурте, Лондоне или Нью-Йорке. Именно поэтому данная модель определялась в литературе как «зависимые рыночные экономики» (dependent market economies — DME).

При этом практически сразу было очевидно, что эта черта не является уникальной характеристикой Восточной Европы, а свойственна экономикам многих развивающихся стран, которые стали интегрироваться в глобальные рынки с конца 1980-х — начала 1990-х годов.

На примере стран Восточной Европы достаточно быстро стало понятно, что такая модель имеет как плюсы, так и минусы. К плюсам можно было отнести приток прямых иностранных инвестиций, связанный с высокой открытостью DME, и быстрый рост производства в тех отраслях, которые оказались включены в глобальные цепочки создания стоимости. Минусы являлись обратной стороной плюсов и были обусловлены тем, что при

⁸⁰ Nölke A., Vliegenthart A. Enlarging the Varieties of Capitalism: The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe / A. Nölke, A. Vliegenthart // *World Politics*. — 2009. — Vol. 61. — N 4. — P. 670–702; Myant M. Dependent Capitalism and the Middle-income Trap in East Central Europe / M. Myant // *International Journal of Management and Economics*. — 2018. — Vol. 54. — N 4. — P. 291–303.

изменении параметров рынка труда, а также условий функционирования товарных рынков глобальные корпорации, управляющие этими цепочками, могли очень быстро принять решение о перемещении активности из одной DME в другую. При этом в период кризисов глобальные корпорации стремились выводить финансовые ресурсы из DME в свои национальные юрисдикции — что было отмечено уже в 1997 году во время «азиатского кризиса» и затем наблюдалось во многих развивающихся странах в ходе мирового кризиса 2008–2009 годов.

Фактический контроль над DME со стороны глобальных компаний приводил к тому, что страны, внедрившие эту модель, оказались ограничены в возможностях управлять собственным экономическим развитием. Одним из примеров здесь может быть Венгрия, где в 1990-е годы на фоне высокой открытости экономики и радикальной приватизации с широким доступом для иностранных инвесторов был быстро преодолен трансформационный шок перехода от плана к рынку и наблюдался бурный рост производства во многих отраслях, в частности — в электронике. Одной из причин этого роста стал перенос в Венгрию производственных мощностей и заказов немецких и австрийских компаний. Однако в 2000-е годы в этой преуспевавшей ранее отрасли началась стагнация, когда по мере повышения зарплат в Венгрии и вступления Румынии и Болгарии в Евросоюз западноевропейские компании стали перемещать свои мощности и заказы в эти страны.

Проблема была в том, что существовавшая в Венгрии в социалистический период электронная промышленность в 1990-е годы фактически потеряла собственные позиции на рынке, так как приходившие в страну большие европейские компании в основном были заинтересованы в использовании венгерских мощностей для сборки своей продукции. А компетенции, которые касались разработок, заведомо сворачивались и выносились в головные офисы и штаб-квартиры европейских компаний. Следствием этого стало не только замедление экономической динамики в Венгрии в 2000-е годы, но также изменение ожиданий от результатов рыночных реформ в венгерском обществе, что в дальнейшем во многом предопределило политическую поддержку Виктора Орбана.

На фоне растущего скепсиса в отношении результатов рыночных и демократических преобразований в Восточной Европе со второй половины 2000-х годов исследователи, занимающиеся международной политэкономией, стали выделять четвертую модель — *state-permeated market economies (SPME)* или «рыночные экономики, проникнутые государством». Немецкие экономисты Андреас Нольке и Кристиан Мэй считают, что эта

модель характерна прежде всего для больших развивающихся стран (Китай, Индия, Бразилия), правительства которых обладают достаточной переговорной силой для отстаивания национальных интересов своих стран во взаимодействиях с глобальными корпорациями и способны проводить независимую экономическую политику⁸¹.

Существенную роль в данной модели безусловно играет масштаб национальных рынков этих стран (которые привлекательны для инвесторов), но не менее важной также является дееспособность и эффективность бюрократии. При этом речь не идет о госкапитализме или повторении опыта Южной Кореи 1960–1970-х годов (поскольку с тех пор в мире очень многое изменилось). SPME — это рыночные экономики с большим влиянием государства, интегрированные в глобальные цепочки создания стоимости.

Такие экономики во многих аспектах оказались более устойчивыми и более успешными, чем экономики стран Восточной Европы и многих развивающихся стран, попавших в зависимость от глобальных корпораций. Именно поэтому модель SPME привлекает внимание исследователей, стремящихся понять внутренние закономерности ее функционирования, ее преимущества и возможные ограничения.

Все это привело к изменению фокуса в анализе моделей капитализма. Еще в начале 2000-х годов основной акцент делался на сравнении либеральных (LME) и координируемых рыночных экономик (CME). К первой группе относились США, Великобритания и другие англосаксонские страны. Ко второй — Германия, Франция и другие западноевропейские страны, а также примыкающая к ним Япония. При этом в тот период доминирующее представление сводилось к тому, что модель CME, демонстрировавшая свои успехи в период после второй мировой войны вплоть до 1970-х годов, сдает позиции модели LME. Эта тенденция выражалась в либерализации финансовых рынков и повышении роли фондового рынка, ослаблении влияния профсоюзов и общем дерегулировании экономики. Однако по мере значимого укрепления позиций Китая в мировой экономике стало очевидно, что различия между LME и CME отнюдь не столь существенны на фоне альтернативной модели SPME — особенно если принять во внимание различия в политических характеристиках этих моделей капитализма.

⁸¹ Nölke A. Dependent versus State-permeated Capitalism: Two Basic Options for Emerging Markets / A. Nölke // *International Journal of Management and Economics*. — 2018. — Vol. 54. — N 4. — P. 269–282; Nölke A. State-permeated Capitalism in Large Emerging Economies / A. Nölke, T. ten Brink, Ch. May, S. Claar // *RIPE Series in Global Political Economy*, Routledge, 2019.

В этой связи в своих недавних работах Бранко Миланович говорит о противостоянии между «либеральным капитализмом» (куда с определенными оговорками можно отнести не только LME, но также SME и DME) и «политическим капитализмом», который опирается на доминирование государства в экономике, использует клановые связи и отрицает демократию. При этом существует риск «плутократической конвергенции» этих двух моделей, если «либеральный капитализм» не сможет решить проблемы растущего социального неравенства⁸².

Такова общая рамка современных исследований в рамках концепции многообразия моделей капитализма. Как соотносится с этой теорией то, что мы наблюдаем в России в последние три десятилетия?

В ПОИСКАХ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ: ОТ LME К SPME С DME В РЕЗУЛЬТАТЕ

На мой взгляд, можно выделить три разных периода, в течение которых российская элита объективно делала ставку на разные модели капитализма.

Изначально — в 1990-е и в начале 2000-х годов — Россия пыталась идти по модели строительства либеральной рыночной экономики. В 1990-е годы преимущественно это было на уровне деклараций — просто в силу того, что в институциональном плане российское государство было крайне слабо и не могло эффективно противостоять давлению различных групп интересов, стремившихся к «захвату государства» и извлечению рент. В итоге либеральные рыночные реформы декларировались, но их результаты сильно отличались от планов и ожиданий. Тем не менее, несмотря на все институциональные деформации, рынок был создан и произошла интеграция страны в глобальную экономику. Однако при декларировании модели LME по факту в 1990-е годы в России была построена специфическая модель DME — с ограниченным контролем над отечественными активами со стороны глобальных корпораций, но с высоким влиянием международных организаций на формирование политики и очень высокой степенью зависимости экономики от мирового рынка.

⁸² Milanovic B. *Capitalism, Alone: The Future of the System That Rules the World* // B. Milanovic. — Belknap Press of Harvard University Press, 2019; Milanovic B. *The Clash of Capitalisms: The Real Fight for the Global Economy's Future* / B. Milanovic // *Foreign Affairs*. — 2020. — Vol. 99. — N 1. — P. 10–21.

На этом фоне в начале 2000-х годов после прихода В. Путина к власти и заметного укрепления государства была предпринята вторая, гораздо более осознанная и последовательная попытка движения по пути построения в России либеральной рыночной экономики. Однако уже в 2004 году вектор экономической политики однозначно изменился, и российская элита стала ориентироваться на иную модель. Такой поворот был обусловлен рядом процессов, происходивших в экономике и политике в начале 2000-х годов.

С одной стороны, в России, безусловно, были высокие темпы экономического роста, которые в начале 2000-х годов объяснялись не только эффектом девальвации 1998 года и восстановлением после глубокого спада 1990-х годов, но и серьезными институциональными реформами — включая радикальную налоговую реформу (с упрощением системы налогов и снижением их ставок), макроэкономическую и финансовую стабилизацию, разграничение полномочий между центром и регионами, обеспечение безопасности и подавление активности криминальных групп. В целом правительство стало не только декларировать правила, но и обеспечивать их применение на практике.

Однако все это происходило в рамках непростого и трудоемкого диалога между ключевыми группами в элите — в первую очередь между олигархами и высшей бюрократией. Эти группы, конечно, тоже получали для себя позитивные эффекты от этих взаимодействий — в виде роста выручки и прибыли крупнейших компаний и роста доходов бюджета. Однако бенефициарами экономического роста также становились другие социальные группы — при том, что элиты считали, что именно на них ложатся основные издержки этого процесса.

И когда с 2002 года начался рост цен на нефть, у элит появилась альтернатива — вместо того, что чтобы тратить усилия на достижение договоренностей, создание правил и соблюдение этих правил ради поддержания экономического роста, плоды которого достаются всем, можно было просто получить контроль над этим ключевым источником доходов. В результате возник острый конфликт между олигархами и высшей бюрократией за контроль над природной рентой. Этот конфликт во многом был предопределен тем, что олигархи и высшие чиновники заведомо не доверяли друг другу. Относительный баланс между ними был порожден кризисом 1998 года, после которого в течение нескольких лет ни та, ни другая группа не имели достаточно ресурсов и влияния для того, чтобы претендовать на полный контроль над ситуацией. Все это вылилось в дело ЮКОСа, в

рамках которого крупный бизнес проиграл, а выигравшей стороной оказалась высшая бюрократия в союзе с силовиками.

Одним из следствий этого внутривнутриполитического конфликта стал поворот к другой экономической политике с ориентацией на иную модель капитализма. В частности, после отставки правительства М. Касьянова, проводившего с 2000 года весьма либеральную экономическую политику, в марте 2004 года был сформирован новый состав правительства во главе с М. Фрадковым. Это новое правительство в явной форме стало проводить активную промышленную политику — с созданием госкорпораций и инвестиционного фонда для инфраструктурных проектов, разработкой отраслевых стратегий и запуском больших строек в Сочи и Владивостоке.

Помимо стремления ряда игроков в элите получить доступ к управлению этими ресурсами и проектами у такого поворота были определенные объективные основания. Либеральная модель предполагает, что для всех экономических агентов действуют единые правила, а государство следит лишь за соблюдением этих правил, не вмешиваясь в экономические процессы. Иными словами, в либеральной рыночной экономике государство должно выступать в роли «ночного сторожа» и не более того.

Однако в реальности для развивающихся стран (и, в частности, для России) такой подход означал, что отечественные компании оказывались в прямой конкуренции с глобальными корпорациями. И они закономерным образом проигрывали — международные фирмы обладали лучшими технологиями, компетенциями и доступом к капиталу. В известном смысле такая конкуренция напоминала соревнование между автомобилями BMW и «Волга», происходящее на хорошем шоссе с правильными указателями и добросовестной дорожной полицией. Понятно, что нормально работающие институты и инфраструктура важны для экономического развития. Но их наличие не компенсирует стартовых преимуществ на стороне глобальных компаний. В этом контексте поворот к модели с широким государственным участием в экономике и активной промышленной политикой в целом может рассматриваться как рациональный выбор для страны, нуждающейся в «догоняющем развитии».

Безусловно, свою роль в смене «целевой модели» в 2004 году сыграли также внешнеполитические факторы. В начале 2000-х годов Россия по отношению к Европе, США и НАТО демонстрировала высокую готовность к кооперации. Проявлениями этого стали публичная поддержка США после теракта 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, выступление В. Путина в бундестаге ФРГ, помощь в проведении операции в Афганистане, оказанная США

со стороны России. Однако к 2004 году надежды российской элиты на кооперацию с Западом и вступление в глобальный «элитный клуб» сменились разочарованием.

Это разочарование было связано не только с «цветными революциями» в Грузии, Киргизии и Украине, которые были поддержаны ЕС и США и вызвали нервную реакцию у российских властей. Более существенным фактором стало дальнейшее расширение НАТО на восток, которое воспринималось в Кремле как прямая угроза для России. Понятно, что у Латвии, Литвы и Эстонии с учетом их сложной истории взаимоотношений с Россией были мотивы стремиться в НАТО. Но решение об их приеме в Альянс в марте 2004 года принималось в Брюсселе и Вашингтоне. И это решение провоцировало Россию на определенные ответные действия (артикулированные в дальнейшем в известной речи В. Путина на конференции по международной безопасности в Мюнхене в феврале 2007 года).

На этом фоне поворот к новой модели с ведущей ролью государства в экономике в целом отражал установки российской элиты на обеспечение национального суверенитета и формирование «государства развития» в духе Южной Кореи 1960-1970-х годов. Здесь, наверное, были возможны аналогии с рассмотренной выше моделью SPME (тем более что именно в этот период Россия стала активно развивать кооперацию со странами BRICS). Но проблемой оказалось качество государства и качество элит в России.

В частности, при всех декларациях о развитии страны элита, пришедшая к власти, была не готова ограничивать себя и действовать по тем правилам и нормам, которые она сама заявляла для общества и для бизнеса. Как отмечает в своей недавней книге известный политолог Дмитрий Тренин, весьма лояльный к действующей власти, В. Путину не удалось сформировать подлинно национальную правящую элиту: «Когорта силовиков, призванная им во власть и получившая доступ к собственности, оказалась крайне неустойчивой к материальным соблазнам»⁸³. Если проводить здесь исторические аналогии со странами Юго-Восточной Азии, добившимися значимых успехов в экономическом развитии, то в Южной Корее, на Тайване и в Сингапуре национальные элиты испытывали гораздо большее внешнее давление и это вынуждало их к серьезным самоограничениям. Напротив, в России, по мнению Тренина, «верхушка и сегодня остается в основном группой лиц, не только ставящих свои корпоративные интересы выше национальных и государственных, но и живущих в отрыве от своей страны, фактически за ее счет».

⁸³ Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия // Д. Тренин. — Москва : Альпина Паблицер, 2021. — С. 284.

Одной из причин таких отличий в поведении российской элиты в сравнении с другими странами, ориентировавшимися в 2000-е годы на модель SPME, стали сверхдоходы от сырьевого экспорта в условиях высокой конъюнктуры на мировых рынках. С учетом этих рентных доходов для правящей элиты очень удобной оказалась концепция «энергетической супердержавы», предложенная кремлевскими политехнологами в 2006 году. Эта концепция фактически предполагала, что Россия заведомо не может выиграть в технологической гонке (в том числе потому, что решение такой задачи требовало от правящей элиты больших инвестиций и самоограничений, к чему элита была не готова). Но поскольку у нас много нефти, газа и других сырьевых ресурсов, мы можем за счет доходов от их экспорта поддерживать необходимый уровень жизни населения, покупать технологии и формировать резервы на случай «непредвиденных обстоятельств». А поскольку Европа зависит от поставок российских энергоносителей, у нас есть рычаг давления на западных «партнеров» и, даже если они не хотят принимать нас в «свой клуб», им все равно придется считаться с нами. В дальнейшем «газовые войны» с Украиной (затрагивавшие также европейских потребителей) стали наглядной демонстрацией применения такого подхода на практике.

Однако наступивший в 2008 году глобальный финансовый кризис показал неустойчивость данной модели. Выяснилось, что цены на нефть способны не только расти, но могут и резко падать, а существующая зависимость Евросоюза от поставок энергоносителей из РФ будет снижаться во времени в результате сознательной политики ЕС. Реакцией на осознание уязвимости сложившейся модели экономики стала новая попытка модернизации в период правления Д. Медведева — с созданием новых механизмов поддержки инноваций (проект Сколково), стимулированием инвестиций, ограничением силового давления на бизнес, реформами в системе госуправления. Концентрированным выражением этой политики можно считать проект Стратегии социально-экономического развития России до 2020 года, разработанный в 2011 году на базе ВШЭ и РАНХиГС с привлечением нескольких сотен экспертов и с активным участием ведущих бизнес-объединений⁸⁴.

Во внешней политике в этот период была предпринята попытка «перезагрузки» отношений с США. Также было согласовано присоединение России к ВТО. В целом,

⁸⁴ Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года // под ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013.

несмотря на периодические напряжения в отношениях с Западом, Россия продолжала ориентироваться на интеграцию в мировую экономику с отстаиванием выгодных для себя условий такой интеграции (что соответствовало общей логике модели SPME, реализуемой в Китае и других крупнейших развивающихся странах).

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И «ЭКОНОМИКА СОПРОТИВЛЕНИЯ»

Политический кризис, вызванный массовыми протестами 2011–2012 годов против фальсификации результатов парламентских выборов, поставил крест на этой политике и привел к новому развороту не только во внешней политике, но и в экономике. В основе этого разворота лежал страх правящей элиты перед реализацией в России катастрофических сценариев в духе «арабской весны». В результате, если до 2012 года Россия в кооперации с другими крупными развивающимися странами продвигала на международной арене определенную позитивную повестку (с идеями альтернативного международного порядка), то начиная с 2012 года российская элита фактически перешла к глухой обороне — с жесткой критикой «монополярного мира» и западных ценностей, а также с охотой на «иностранных агентов», подавлением оппозиции и независимых СМИ.

На фоне замедления экономического роста и ужесточения бюджетных ограничений важным фактором сохранения политической поддержки сложившегося режима стала «патриотическая мобилизация», связанная с присоединением Крыма в 2014 году. Для ЕС и США присоединение Крыма и последующий вооруженный конфликт на востоке Украины выглядели как проявление агрессивности российской внешней политики. Но парадокс в том, что для российской элиты смысл этих действий (равно как и дальнейших «вылазок на территорию врага» в информационном пространстве) заключался в защите своей территории и своих активов. Это было послание «западным партнерам»: вы можете жить, как хотите, но нас не трогайте, иначе вам же будет хуже.

Вместе с тем события 2014 года, приведшие к масштабным международным санкциям против России, объективно стали «точкой невозврата» в политике. Если до того в отношениях с ЕС и США были возможны «приливы» и «отливы» (когда жесткая антиамериканская и антизападная риторика сменялась очередной «перезагрузкой» с относительной либерализацией внутренней политики), то теперь Россия оказалась в жесткой конфронтации с Западом на многие годы.

Следствием этого стали изменения в экономической политике, а также в отношениях с элитами. В этом плане характерна история с сокращением зависимости от импорта. Уже в 2000-е и начале 2010-х годов правительство активно финансировало программы такого рода. Однако после введения международных санкций (когда ЕС и США заблокировали поставки в Россию технологий и оборудования двойного назначения) выяснилось, что отечественная промышленность по-прежнему в высокой степени зависит от импорта. Но если раньше высшие чиновники фактически закрывали глаза на срыв соответствующих программ своими подчиненными, то теперь Кремль стал жестко требовать исполнения этих программ от высших чиновников.

Аналогичным образом изменились требования к губернаторам. В 2000-е годы от них, по сути, требовалась лишь политическая лояльность, демонстрируемая через обеспечение нужного процента голосов на очередных выборах, а возникавшие проблемы при необходимости решались с помощью финансовых вливаний из центра. Напротив, от нового поколения губернаторов-«технократов» Кремль ждет, что они сами будут решать проблемы в тех регионах, куда их назначили. Подкреплением этой новой системы стало давление на элиты (в виде декларирования доходов и расходов, ограничений на владение зарубежными активами и т. д.) и прямые санкции по отношению к губернаторам, федеральным министрам, высшим офицерам силовых ведомств — с арестами по обвинениям в коррупции.

Результатом этой политики стало повышение эффективности отдельных звеньев госаппарата — с появлением новых дееспособных институтов. Один из примеров такого рода — Фонд развития промышленности, деятельность которого по поддержке проектов импортозамещения уже в 2016–2017 годах вызвала позитивную реакцию на уровне компаний, поскольку фонд давал кредиты по низким ставкам под реальные проекты, отобранные по объективным критериям. Также можно говорить об улучшении качества управления в отдельных регионах. Это повышение эффективности в использовании ресурсов, по-видимому, стало одной из причин того, что в среднесрочном периоде российская экономика понесла существенно меньшие потери от международных санкций, чем это ожидали многие эксперты.

Однако в более долгосрочной перспективе, с точки зрения описанной выше концепции «многообразия моделей капитализма», жизнеспособность формируемой в России новая модель экономики вызывает большие сомнения. Модель SPME (или «политического капитализма» в терминах Б. Милановича) могла конкурировать с LME, CME

и тем более с DME потому, что при всех политических особенностях она была ориентирована на развитие — прежде всего через нахождение адекватных форм интеграции национальных экономик в глобальные рынки. Именно поэтому данная модель привлекала внимание не только исследователей, но и политиков (так же, как в свое время большой интерес вызывала модель «государства развития» в странах Юго-Восточной Азии).

В течение 1990-х и 2000-х годов российская правящая элита несколько раз предпринимала попытки построения сначала LME и затем SPME. Все эти попытки не имели успеха, и российская экономика оставалась в рамках специфической версии DME, не зависящей от глобальных корпораций в части контроля над ключевыми активами, но в высокой степени зависимой от цен на сырье на глобальных рынках. Как уже говорилось выше, главной причиной провала этих попыток было качество самой российской правящей элиты.

С 2012 года политика «национализации элит», начатая на фоне страхов перед повторением в России сценариев «арабской весны», привела к относительному повышению эффективности госаппарата и улучшению качества госуправления. Однако доминирование в рамках складывающейся в России новой модели экономики приоритетов обеспечения безопасности (в самом широком понимании) над приоритетами развития радикально отличает ее от модели SPME. Скорее здесь можно говорить о сходстве с моделью «экономики сопротивления», реализованной в последние годы в Иране⁸⁵ и корреспондирующей с моделью «осажденной крепости», которая предлагалась для России в докладах Изборского клуба еще в 2012 году.

Опыт Ирана показывает, что такая модель в течение достаточно длительного времени может обеспечивать сохранение сложившегося политического режима. Но стоит сознавать, что доходы на душу населения в Иране в 2019 году практически не отличались от уровня 1986 года. Российский опыт последнего десятилетия (со средними темпами экономического роста меньше 1 % в период с 2011 по 2019 год, что существенно ниже средних темпов роста не только в крупных развивающихся, но и в основных развитых странах) пока скорее подтверждает этот тезис. Поэтому в целом в системе координат

⁸⁵ Об иранской модели см.: Rózsa E.N. The Resistance Economy: Iranian Patriotism and Economic Liberalisation / E. N. Rózsa, T. Szigetvári // Market Liberalism and Economic Patriotism in the Capitalist World-System / eds. T. Gerőcs, M. Szanyi. — International Political Economy Series. — Palgrave Macmillan, Cham. — 2019. — P. 169–182; доклад Изборского клуба «Стратегия большого рывка». Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/975>

концепции «многообразие моделей капитализма» та модель, на которую российская элита стала ориентироваться после 2012 года, вряд ли имеет перспективы.

Кирилл Рогов,
вице-президент фонда «Либеральная миссия»

ВРЕМЯ ЯНЫЧАР: ИЗОЛЯЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ

В то время как внешней рамкой нового противостояния России и Запада является конкуренция либеральных и нелиберальных капитализмов, его особая острота и бескомпромиссность определяются внутривнутриполитическими вызовами: стагнацией российской экономики, конкуренцией двух типов российских элит и стремлением закрепить итоги передела собственности, имевшего место в 2000–2010-е годы.

ГЛОБАЛЬНАЯ СЦЕНА: ЛИБЕРАЛЬНЫЕ И НЕЛИБЕРАЛЬНЫЕ КАПИТАЛИЗМЫ

Хотя глобальная конкуренция и глобальное противостояние коммунизма и капитализма навсегда остались в прошлом, на мировой сцене сегодня все более отчетливо вырисовывается новая конкуренция, порой переходящая в противостояние. Это конкуренция либерального и нелиберального (или даже антилиберального) капитализмов.

Антизападная риторика характерна сегодня для многих стран с развивающимися рынками, представляющих на мировой сцене различные формы этого нелиберального капитализма, который проводит черту между заимствованием рыночных институтов и вовлеченностью в инспирированный Западом глобальный рынок, с одной стороны, и политическими институтами и ценностями Запада, которые рассматриваются как неприемлемые и даже враждебные, с другой. В этом смысле Россия находится в достаточно представительной и разноликой когорте стран, знаменосцем которой выступает, разумеется, Китай⁸⁶.

⁸⁶ Сам термин (illiberal capitalism) обрел популярность благодаря колонке Гидеона Рахмана в Financial Times (Rachman G, Financial Times. Illiberal capitalism / G. Rachman. — Financial Times. — 2008. — 9 Jan.); близкое понимание проблемы сформулировано было и в нашей статье «Новое противостояние: Другой капитализм» (Ведомости, 17 сент. 2007; <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2007/09/17/novoe-protivostoyanie-drugoj-kapitalizm>). К нелиберальным (illiberal) капитализмам сегодня иногда относят также политику правительств Польши и Венгрии, что представляется нам не вполне корректным: нелиберальные позиции правительств этих стран не могут отменить их включенности в европейский общий рынок и институциональные рамки ЕС.

Нынешний подъем нелиберального капитализма опирается в значительной мере на тот факт, что темпы роста многих развивающихся стран, не принадлежащих к историческому «Западу», сегодня (в отличие от конца XX века) в среднем гораздо выше, чем в самих странах Запада. И хотя уровень богатства последних все еще в разы превышает благосостояние стран нелиберального капитализма, народы и правительства этих стран считают, что дорога к благосостоянию лежит отнюдь не на путях заимствования политических институтов Запада (как многие склонны были думать в конце XX века). В немалой степени этот вывод опирается на оценки опыта реформ в России и Китае: погрузившаяся в реформы и глубокий кризис политических институтов СССР/Россия рассматривается в целом как пример неудачи, а авторитарный Китай — как образец успешной стратегии «догоняющего развития».

Развивающиеся страны нелиберального капитализма считают, что уже заимствовали у Запада институты, необходимые для роста их экономик, и не нуждаются в прочих. Более того, эти прочие институты они рассматривают как угрозу национальному развитию, национальным капиталам и корпорациям, и противопоставляют им своего рода «государственный национализм», в центре которого лежит не столько идея этничности, сколько идея «суверенности». За этим понятием, которое они так ценят, прячется не только концепция «капитализма без демократии», но и идея тесной связи национального капитала и национальных правительств (государства), союз которых может компенсировать для национальных компаний их недостатки и слабости на глобальных рынках. Это такой новый «националистический девелопментализм», встроенный в глобальную экономику, но подразумевающий, что, опираясь на симбиоз капитала и государства и жертвуя правами человека и свободными выборами во имя более важной «общей цели», можно проложить более короткий путь к процветанию.

Разные авторы по-разному называют этот капитализм, но сходятся в том, что идея автономии (доминирования) государства как носителя общей воли продвижения к национальным целям развития является здесь центральным элементом и причиной враждебности к либеральным ценностям и системе институтов. Именно это обеспечивает нелиберальному капитализму фундаментальную легитимность в своих доменах и позволяет рассматривать политические принципы Запада (последовательное разделение властей, ограничивающую полномочия государства доктрину прав человека и широкую

политическую конкуренцию) как ослабляющие автономию государства и подрывающие (таким образом) возможность «рывка» в догоняющем развитии⁸⁷.

МЕСТО РОССИИ: АНТИЗАПАДНЫЙ АНТИДЕВЕЛОПМЕНТАЛИЗМ

В этом все более ясно прочерченном мировом соревновании нелиберального и либерального капитализмов Россия, впрочем, занимает особенное место.

С одной стороны, позиция ее правительства в отношении Запада гораздо жестче и агрессивнее, чем позиция большинства стран нелиберального капитализма, которые воздерживаются от прямой конфронтации. Так, например, могущественный Китай до самого последнего времени был гораздо более сдержан в своем внешнеполитическом курсе. Экономическое взаимодействие с Западом остается для него приоритетом, хотя возможно уже и не является главным источником роста. Как отмечал в статье «Надо ли бояться Китая?» Фарид Закария, Китай «не воевал с 1979 года и не использовал летального оружия за границей с 1988 года»⁸⁸. Разительный контраст этому представляет Россия, которая за последние 14 лет вела и ведет войны на территории Грузии, Украины, Сирии и Ливии. Пожалуй, по степени агрессивности и бескомпромиссности конфликта с Западом правительство Путина вышло на те рубежи, которые раньше были уделом лишь Ирана и Северной Кореи.

При этом внешнеполитическая агрессивность и войны, которые ведет Россия, не способствуют укреплению ее экономической мощи, а скорее наоборот. Помимо прямых

⁸⁷ Бранко Миланович называет такой капитализм «политическим» (Milanovic B. *The Clash of Capitalisms: The Real Fight for the Global Economy's Future* / B. Milanovic // *Foreign Affairs*. — 2020. V. 99). Андреас Нольке и соавторы выделяют несколько типов нелиберального капитализма, относя интересующую нас девелопменталистскую (китайскую) модель к разряду «пронизанных государством» (state-permeated; Nölke, A. *Comparative Capitalism, Growth Models and Emerging Markets: The Development of the Field* / A. Nölke, M. Schedelik, D. Mertens, C. May // *New Political Economy*. — 2020. — P. 1–13). Но в обоих случаях подчеркивается особая роль государства. В обзоре современной дискуссии о нелиберальном капитализме (Riczi J. *The Anatomy of the Newly Emerging Illiberal Model of State Capitalism: A Developmental Dead End?* / J. Riczi // *International Journal of Public Administration*. — 2021. — P. 1–11) отмечена как принципиальная роль государственных интервенций, так и взаимосвязь политических (авторитарных) и экономических институтов, обеспечивающих лидерство государства, которое, однако, часто носит гораздо менее формальный характер, чем в классической модели «государственного капитализма». См. также об этом статью Андрея Яковлева в настоящем сборнике выше.

⁸⁸ Zakaria F. *The New China Scare: Why America Shouldn't Panic about Its Latest Challenger* / F. Zakaria // *Foreign Affairs*. — 2020. — N 99 (2020). — P. 52. Access mode: (<https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-12-06/new-china-scare>)

санкций, Россия страдает от общей атмосферы токсичности вокруг российских компаний и российского внутривластного и делового порядка, пронизанного хаотическим насилием и правовым произволом. Иностранные инвестиции в Россию сокращаются, а российский бизнес, который власти прежде стимулировали к внешней экспансии, вынужден спешно и массово продавать свои активы за рубежом. Агентство АК&М в обзоре рынков за 2019 год (<http://mergers.akm.ru/stats/29>) назвало эту ситуацию «грандиозной распродажей», отметив, что «объем продаж российских активов за рубежом впервые за всю историю наблюдений превысил объем сделок на внутреннем рынке». При этом российские собственники зарубежных активов оказываются под давлением как извне, так и изнутри, где на них смотрят со все большим подозрением и фискальной алчностью.

Иными словами, во многом созвучная государственному национализму нелиберальных капитализмов российская политическая доктрина не обладает в то же время признаками характерного для многих из них нового девелопментализма⁸⁹. Она направлена не на укрепление и экспансию национальной экономики, но скорее — на ее суживание (уход с внешних рынков) и отгораживание.

И здесь самое время указать на еще одно отличие России от основной группы стран нелиберального капитализма. В отличие от них, ее долгосрочные темпы роста низки и скорее похожи на темпы роста стран Запада, при том, что Россия еще весьма далека от достижения их уровня богатства. И это задает совершенно иную рамку российского антизападничества.

КРЕДО ОДИНОЧЕСТВА, ПЕРЕШЕЕК ЕВРАЗИЯ

Не направлена российская агрессивность в отношении Запада и на укрепление международных позиций России в общепринятом смысле этого понятия.

Россия утратила место в «восьмерке»; пусть оно было несколько ущербным, но зато вполне уникальным в мировой системе для развивающейся страны. Еще более важно и удивительно, что, выбрав стратегию бескомпромиссной конфронтации с Западом, Россия

⁸⁹ Нольке и соавторы (Schedelik, M., Nölke, A., Mertens, D. & May, C. Op. cit) противопоставляют восточно-азиатской модели «государственно-организованного капитализма» модель «патримониальной рыночной экономики», характерную, по их мнению, для стран бывшего СССР и арабского мира; как пишут авторы другого исследования на эту тему, такой капитализм «характеризуется патрон-клиентскими отношениями между политической и экономической элитами, которые глубоко принизывают социальную ткань» (Becker U. Russia's political economy re-conceptualized: A changing hybrid of liberalism, statism and patrimonialism / U. Becker, A. Vasileva // Journal of Eurasian Studies. — 2017. — V. 8. — Is. 1).

просто «сбросила», не использовав, еще один важный козырь своего исторического и геополитического положения — возможность лавировать между востоком и западом в обозначившемся соперничестве США и Китая.

На фоне этих стратегических потерь особенно выразительно выглядит тот факт, что всего семь не очень значительных государств признали принадлежность Крыма России. И даже те, кто вполне сочувствует антизападным эскападам российского руководства и является в этом союзниками России, как Турция и Китай, обозначили свое негативное отношение к аннексии. Россия нарушила не какие-то свои обязательства перед Западом в ответ на его вероломство, как это часто представляют в самой России, но гораздо более фундаментальный принцип международного порядка, согласно которому исторические территориальные травмы не являются достаточным и легитимным основанием для попыток их силовой компенсации. В этой перспективе аннексия с масштабным использованием регулярных армейских частей не может рассматриваться иначе, как форма вооруженной агрессии.

Так или иначе, на международной сцене не просматривается никакого сценария формирования какой бы то ни было коалиции вокруг России. Теряет она опоры и в ближнем зарубежье. В 2004–2012 годах 60 % жителей Украины позитивно относились к идее присоединения Украины к Союзу России и Беларуси, в последние годы — лишь около 20 %, в то время как доля сторонников вступления Украины в НАТО резко выросла и достигла 50 %⁹⁰.

Российская внешняя политика направлена не на «притягивание» союзников. Скорее наоборот: чем выше градус противостояния России с Западом, тем заметнее и ярче проступает ее одиночество, которое и становится ключевым элементом российского позиционирования, подталкивающего к еще более глубокому изоляционизму. Это одиночество российские власти склонны не прятать, а, наоборот, несколько аффективно подчеркивать, выставляя его признаком некой цивилизационной исключительности и самодостаточности (ср. популярность у российских властей расхожей цитаты из Александра III: «у России нет союзников, кроме армии и флота»).

Но это, разумеется, самообман: ни о какой самодостаточности не может быть речи. Несмотря на свои гигантские территориальные размеры, обманывающие политическое воображение, Россия — это небольшой остров, зажатый между Европой, втрое

⁹⁰ Результати національних щорічних моніторингових опитувань 1994–2018. — Інститут соціології НАНУ, 2019.

превосходящей ее по населению и в 9 раз по размеру ВВП, и Китаем, в 10 раз превосходящим ее по населению и в 8 раз по ВВП. «Российская Евразия» — это вовсе не сверхпространство, способное вобрать в себя Европу и Азию, а полупустой, но хорошо охраняемый перешеек между ними.

ВНУТРЕННИЙ ВЫЗОВ И ДВА ТИПА ЭЛИТ

Но тогда в чем целеполагание и движущая сила агрессивности России в отношениях с Западом, если она не служит экономическим целям, но, наоборот, жертвует ими, и не ведет к реальному укреплению международных позиций России, но, наоборот, маргинализует ее? В чем тот бонус, который получает Кремль от конфронтации? Единственное, кажется, разумное объяснение этой парадоксальной агрессивности состоит в том, что, будучи направлена вовне против Запада, она в действительности является ответом на внутренние вызовы.

Какие это вызовы? С одной стороны, это долгосрочная стагнация экономики на средних уровнях доходов (проблема «ловушки средних доходов» в применении к России подробно обсуждалась экономистами; в частности, в недавнем докладе «Либеральной миссии» «Застой – 2», где о ней писал Сергей Гуриев⁹¹). В 1990 году подушевой ВВП России составлял \$9500, к 1998 году он сократился до \$5500, в 2006 году превысил значение 1990 года, а в 2008 году достиг \$11000. Однако после этого рост прекратился, ВВП на душу населения в 2020 году составил \$11800, то есть за последние 12 лет рост составил 6 %, а с 1990 года — 19 %, то есть те же 0,6 % в год за 30 лет⁹². Ловушка формирует условия широкой, хотя и вялотекущей общественной фрустрации. И в то же время низкие темпы роста лишают российские власти той девелопменталистской легитимности, которая характерна для многих стран нелиберального капитализма. Консолидировав, после эпохи полудемократии, авторитарный режим, правительство Путина отнюдь не добились китайских темпов роста, что существенно ослабляет его позиции и возвращает убедительность аргументам о незавершенности институциональной и структурной модернизации в России. Это требование возврата к повестке модернизации ясно, хотя и недостаточно весомо проявило себя в сериях массовых протестов 2011–2012 и 2019–2021 годов и поддерживается определенными отрядами российских элит.

⁹¹ Застой – 2: Последствия, риски и альтернативы для российской экономики // под ред. К. Рогова. — Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2021.

⁹² World Bank: World development indicators database (постоянные доллары 2010 г.)

Вечный спор о том, является ли Россия слегка недоделанным Западом или подражанием Западу, сковывает ее потенциал, превращая во второсортную державу, является не просто константой российской политической философии, но и важнейшим драйвером российской политической динамики. Россия то подражает Западу и заимствует у него, то отгораживается от Запада и «выдавливает» из себя Запад. Эта циклическая динамика, однако, поддерживается благодаря наличию стоящих за этими противонаправленными векторами традиционных групп поддержки и политических агентов. В известном смысле историю России можно рассматривать как практически перманентное противостояние двух функциональных типов элит.

С одной стороны, это «традиционные элиты» континентальной империи. Необходимость контроля большой территории с протяженной внешней границей и отсутствие четкой внутренней границы между метрополией и «колониальной окраиной» чрезвычайно увеличивают политический вес тех, кто занят охраной и контролем территории и ее богатств («янычары», «силовики»)⁹³. Когда мы слышим, что Россия окружена кольцом врагов, что ее единственные союзники — армия и флот, что необходимо прежде всего предотвратить угрозу ее распада, мы имеем дело не столько с реалиями, сколько с интерпретациями, отражающими жизненное (функциональное) кредо «традиционных элит», легитимирующим их и определяющим их вес и место на внутреннем «политическом рынке». Поскольку значимы и вызывают отклик в обществе эти доктрины, велик политический вес этого типа элиты; как только падает их востребованность, падает и политический вес стоящих за ними обобщенных «силовики».

Второй функциональный тип имперской элиты, конкурирующий с первым, — это «модернизационные элиты», элиты догоняющего развития, настаивающие на необходимости прорыва к технологическому фронтиру, что, в свою очередь, требует ограничения влияния «традиционных элит» («янычар») и заимствования институциональных решений и практик стран фронта. Это «визири», гражданские управляющие, компетенции которых связаны с лучшим пониманием технологий, ноу-хау и социальных механизмов, характерных для стран фронта. Диапазон представителей этого функционального типа элит весьма широк — от сознательных идеологов «вестернизации», вроде Горбачева и Гайдара, до ее корыстных «практиков» — ранних российских олигархов,

⁹³ См.: Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней // Д. Ливен. — Москва, 2007; Ливен Д. Российская империя в сравнительной перспективе // Д. Ливен. — Москва, 2004.

выводивших свои «ресурсные» компании на западные финансовые рынки и таким образом встраивавших Россию в общий контур западного глобализма.

Такой фокус на конкуренции двух функциональных типов элит объясняет, как кажется, специфические механизмы взаимодействия внешнеполитических и внутривнутриполитических повесток в России — те посредующие механизмы, через которые внешняя политика оказывается инструментом внутренней.

ДИНАМИКА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Кто-то может увидеть в противопоставлении двух типов элит реплику антитезы «львов» и «лис», заимствованной у Макиавелли и оригинально развитой Вильфредо Парето. Однако важно различать, идет речь о «технологиях» управления или о задачах (функциях). В каждый момент существует потребность в обеих функциях («охраны» и «развития») и на сцене присутствуют оба типа элиты, но их вес и иерархия меняются, и эти изменения в значительной мере связаны со структурой общественного спроса и внешних факторов. Для нас гораздо более важно подчеркнуть встроенность обоих типов в решение традиционных задач российской государственности⁹⁴. Замечательно, что максимально антизападническое советское правительство, как только оно стало претендовать на мировое лидерство после второй мировой войны, начало инвестировать в «высокое образование» и вступило в цикл усиления модернизационных элит, закончившийся приходом к власти Михаила Горбачева, попытавшегося достаточно радикально реализовать их программу.

С начала 1980-х и до начала 2000-х годов Россия смотрела на Запад, восхищалась Западом, заимствовала у Запада. Соответственно, модернизационные элиты (элиты догоняющего развития) были на коне и нещадно теснили «янычар» — традиционные «элиты контроля», сокращая их бюджеты, дробя подконтрольные им ведомства и утверждая власть медиа («гласности») над властью спецслужб. Однако 2000-е годы обозначили разворот тренда как внутри России, так и в глобальном контексте. Этот поворот в России начал ощущаться уже в конце 1990-х годов (по итогам поражения в первой чеченской войне), когда образ «государственника с силовым бэкграундом» начал вытеснять образ «реформатора-западника» в качестве популярного амплуа политической

⁹⁴ Мы также далеки от прогрессистского противопоставления двух типов элит как «плохих и хороших парней»; и те, и другие заняты максимизацией политических дивидендов от собственных им компетенций.

сцены. Общественное мнение ожидало прихода идеального «силовика-реформатора», роль которого и исполнил Владимир Путин.

В результате уже 2000-е годы стали эпохой реванша функционального типа «традиционной элиты»: «силовики» стремительно заполняли управленческий олимп⁹⁵. Помимо того, что с ними ассоциировались ценности порядка и стабильности, судьба предоставила им незаслуженный подарок в виде бурного экономического роста 2000-х годов (преимущественно восстановительного, как оказалось), который, в результате, стал также пониматься как свидетельство эффективности стратегий вертикального контроля. Этот тренд поддерживала и растущая популярность Китая, который все более выглядел примером безупречной авторитарно-рыночной модернизации, ведущей к глобальному успеху.

Стоит отметить, что легитимация элит контроля («янычар») в российском политическом пространстве опиралась сначала не на паттерн «угрозы с Запада», а на паттерн «угрозы с востока» — угрозы международного исламского терроризма. Именно эта угроза подавалась в качестве проблемы, с которой не способны справиться «визирь», гражданские управленцы. Именно ее преувеличение и ложная интерпретация помогли «янычарам» заменять институты предшествующей эпохи «вертикальными» иерархическими структурами (ср. отмену выборности губернаторов в конце 2004 года под фальшивым предлогом «борьбы с терроризмом»). Запад же на том этапе «элиты контроля» призывали в союзники в деле борьбы с исламским терроризмом, стремясь получить таким образом внешнее признание своего доминирования в российском политикуме.

Кризис 2008–2009 годов и интерлюдия медведевского президентства поставили под сомнение эффективность традиционных элит, модернизаторы подняли головы, призывая отказаться от «ресурсной модели», а протесты 2011–2012 годов обнаружили наличие социальных групп с новыми повестками, выходящими за рамки идеалов «порядка и

⁹⁵ В 2004 году, за две недели до президентских выборов, тогдашний премьер М. Касьянов, ставленник «олигархов», был отправлен в отставку; когда он вышел из президентского кабинета, узнав об этом, его дружески приветствовал зам главы президентской администрации Игорь Сечин (один из предводителей «силовики»), который, отведя его в сторону, сказал: «Спасибо, что вы научили нас управлять страной. Теперь мы верим в то, что умеем это делать сами. Не поминайте лихом» (Касьянов М. Без Путина. Политические диалоги с Евгением Киселевым // М. Касьянов. — Москва, 2009). Полезный обзор дискуссии о роли «силовики» в путинской администрации см.: Rivera D. W. The Militarization of the Russian Elite under Putin: What We Know, What We Think We Know (but Don't), and What We Need to Know / D. W. Rivera, S. W. Rivera // Problems of Post-Communism. — 2018. — 65(4). — P. 221–232.

стабильности». На этом фоне происходит «крымский переворот» российской политики. Аннексия Крыма, которая представала как символическое возвращение «элизиума СССР» и прилагавшегося к нему бейджа «сверхдержавы», в действительности, закладывала неразрешимую проблему в отношениях России с Западом, которая должна была служить блокатором любых попыток возвращения к прозападному вектору. Во внутренней политике аннексия Крыма и конфликт с Западом становились рычагом маргинализации «модернизационных элит», подрыва их политического влияния⁹⁶. А легитимирующая доминирование «традиционных элит» риторика окончательно переключается с «угрозы терроризма» на «угрозу с Запада», который не признает новые российские границы и буферные зоны безопасности.

Парадоксальным образом в ходе крымской крусады Россия получала территории — то единственное, что у нее имеется в избытке, в обмен на сокращение возможностей доступа ко всему тому, чего ей не хватало — технологиям, ноу-хау, частным инвестициям, более широкой включенности в международные производственные цепочки. Но такова не только ценностная логика традиционных элит, но и логика их борьбы с влиянием модернизационных элит: охрана территории утверждается как непреложная ценность, а любые «цели развития» мыслятся как заведомо вторичные по отношению к ней. И эти приоритеты определяют иерархию обладающих соответствующими компетенциями элит.

Несомненно, укреплению элит контроля на протяжении путинского президентства способствовали высокие цены на энергоносители, в результате размер ресурсной ренты в ВВП вырос с 7,8 % в 1990-е годы до 17,6 % в 2000–2012 годах. Это не только снижало значимость компетенций, свойственных элитам развития, но поддерживало продвигаемую ими идеологию самодостаточности и «ресурсного национализма».

ИЗОЛЯЦИЯ КАК ЦЕЛЬ, ИТОГИ «ПУТИНСКОГО ПЕРЕДЕЛА»

Можно сказать, что у сегодняшней России нет никакой внешней политики, кроме внутренней. Конфликт с Западом и изоляция России от Запада являются внутривнутриполитической потребностью традиционных элит, обеспечивая их конкурентное

⁹⁶ Эта маргинализация происходила на протяжении 2013–2017 годов. Ее символической кодой можно считать арест министра экономического развития Алексея Улюкаева, который оставался одним из последних представителей «старой школы», рассматривавшей задачу модернизации экономических институтов как политический рычаг ограничения притязаний «традиционных элит». Следующий, сменивший его министр экономики демонстрировал уже чисто технократический подход к задачам министерства, ограниченный рамкой сложившегося баланса сил.

преимущество и компенсируя их некомпетентности в условиях долгосрочной стагнации экономики. Именно поэтому они легко жертвуют «целями развития» и готовы, как в советские времена, вести вечные «переговоры в Женеве», то прерывающиеся, то возобновляющиеся на фоне периодических эскалаций и деэскалаций, взаимных обвинений в коварстве и несоблюдении договоренностей. Такой режим позволит проводить политику дальнейшего отгораживания от Запада на фоне постоянного и управляемого градуса напряжения в отношениях.

Изоляция России является не сопутствующим эффектом конфронтации, а ее целью, как это ни парадоксально звучит. Изоляция призвана нивелировать модернизационный эффект двух с половиной десятилетий прозападной ориентации России. К тому же находящиеся под западными санкциями, закрытые авторитарные режимы, вроде Ирана и Северной Кореи, демонстрируют удивительную устойчивость на фоне плохой экономической динамики и стагнирующей бедности (ср. об «экономике сопротивления» в тексте Андрея Яковлева). А фразу о том, что у России «нет союзников, кроме армии и флота» следует понимать как аргумент, объясняющий, почему большая доля общественных ресурсов должна быть перенаправлена с целей развития на цели контроля и безопасности, укрепляя тем самым политические позиции традиционных элит. Хотя, вероятно, гораздо разумнее и экономнее было бы сменить вектор внешней политики, искать союзников и, в результате, меньше тратить на армию и флот.

Перечисление внутренних вызовов, ответом на которые являются конфронтация с Западом и сознательная изоляция, равно как и описание истории противостояния различных функциональных типов российских элит будут неполными, если не упомянуть о еще одном вызове, о котором сегодня мало говорят, но который, в действительности, является абсолютным императивом в конструировании политической стратегии любой элитной группы — о проблеме контроля над активами.

В 1990-е годы Россия пережила явление, крайне редкое в истории, — стремительную приватизацию активов высоко индустриальной большой экономики в условиях «слабого режима» и разделенных элит. При этом агенты, тяготевшие к функционалу «модернизационных элит» имели значительные преимущества в этом процессе (приватизация проводилась под зонтиком вестернизационных реформ). Правление Путина во многом представляло собой движение в обратном направлении: гигантские активы массивно перераспределялись в пользу «традиционных элит» и их клиентел. Искусственная изоляция России призвана защитить результаты этого передела.

Она обеспечивает функционирование закрытой перераспределительной модели экономики, в которой доходы от экспорта ресурсов оказываются в значительной степени в руках государства и становятся ресурсом поддержки доминирования традиционных элит. Этим ресурсом вполне хватает для покупки критически необходимых технологий и оборудования и содержания большого силового аппарата. В то же время она не допускает значительного проникновения в страну иностранного капитала, который не только составил бы конкуренцию национальным капиталам, патронируемым «традиционными элитами», но и усиливал бы позиции «модернизационных элит», более приспособленных к взаимодействию с ним. В широком смысле изоляция призвана стабилизировать права собственности и распределение активов и капиталов, сложившееся по итогам «путинского передела».

Считается, что враждебность Путина и его окружения к Западу связана со страхом перед «цветными революциями», которые, дескать, инспирируются Западом. Однако политикам свойственно «верить» в то, во что им верить выгодно. Утверждая, что внутренняя оппозиция — это агенты внешнего влияния, диктаторы пытаются блокировать возможность поддержки протестующих со стороны конкурирующих элитных групп, представить внутренние вызовы как вызовы внешние, дабы использовать потенциал государственного национализма и поляризовать общество. Падение собственной эффективности и популярности они склонны интерпретировать как результат внешних инвестиций в дестабилизацию.

В действительности же, захваченный «элитами контроля» Кремль имеет дело с нормальной оппозицией, сформированной процессами рыночной модернизации в крупных городах и способной стать естественной опорой новой генерации модернизационных элит. В конце 2010-х годов Кремль к тому же частично утратил контроль над информационным пространством: молодые когорты все меньше смотрят телевизор, являющийся монополией Кремля и инструментом продвижения идеологии «янычар», и меньше доверяют ему, полагаясь на сетевые механизмы доставки и распространения информации. В результате плоды ползучей «низовой модернизации» сложились в абрис политической платформы и становились драйвером массовых протестов в начале и конце 2010-х годов. Изоляционная пауза в режиме управляемой конфронтации должна позволить традиционным элитам перегруппироваться и микшировать эти неблагоприятные тенденции.

Помимо ядерного арсенала и сохраняющихся высоких сырьевых цен, обеспечивающих относительную устойчивость изоляционистской модели, внешнюю поддержку ей оказывает растущая популярность антилиберального девелопментализма в мире. Однако, несмотря на близость их антизападнических дискурсов, содержательно изоляционистская стратегия имеет с ним мало общего. Активы и капиталы российской «традиционной элиты» расположены в узловых точках цепочек перераспределения сырьевой ренты внутри страны и сохранение контроля над ними выглядит более важной задачей, чем достижение высоких темпов роста и экспансия на мировых рынках.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ КИРИЛЛА РОГОВА

**ЗНАМЯ КОНФРОНТАЦИИ
ЗА ЧТО И ПОЧЕМУ РОССИЯ ВОЮЕТ С ЗАПАДОМ?**

Ответственный за выпуск Михаил Ледовский
Дизайн Мария Ратинова

Подготовлено к использованию 22.10.2021

Фонд «Либеральная миссия»

Фонд «Либеральная Миссия» был создан в феврале 2000 года, чтобы содействовать развитию либеральной идеологии и обоснованию либеральной политической платформы, соответствующих современной России. Основная задача Фонда – распространение универсальных либеральных ценностей свободной рыночной экономики, свободы личности и свободы слова как основ существования гражданского общества и правового государства. Для этого Фонд инициирует публичные дискуссии, где вырабатываются условия конструктивного диалога различных направлений либерализма и их идеологических оппонентов. Другое направление деятельности Фонда – издательская программа, призванная познакомить широкий круг читателей с достижениями либеральной мысли и прикладными исследованиями перспектив либеральных преобразований в современной России.